

Александр Александрович Зиновьев

ПАРА БЕЛЛУМ

Проблема

Короткий некролог на последней странице второстепенной советской газеты. Подписан: «Группа товарищей». Привычные шаблонные выражения: «скоропостижно», «преждевременно», «ответственный работник»... Знакомая фамилия. Неужели это тот самый? Быть того не может! Если бы это был тот самый, некролог поместили бы в центральных газетах. И подписали бы его высшие лица страны.

А если это всё-таки он? Случаи такого падения бывали. И слова «ответственный работник» что-то да значат. И некролог далеко не самый низший, хотя и позорный для человека такого ранга. Почему в таком случае он отброшен на последнюю страницу второстепенной газеты? Почему всего лишь безликая «Группа товарищей» почтила память человека, перед которым заискивали министры?

Проблема заинтриговала меня, и я решил реконструировать возможное сцепление событий, которое привело к падению этого некогда могущественного человека.

I. Великая карта

Западник

Он был одной из важнейших фигур в руководстве советской активностью в отношении стран Запада. Его роль в центральном аппарате власти одно время была настолько значительна, что его сослуживцы кто в шутку, а кто всерьёз так и называли «Начальником Запада». Признание его значительности принимало порою анекдотические формы. Один старый сотрудник Органов государственной безопасности (чекист) в доносе на него так и написал, что тот «забрал в свои руки непомерную власть над Западом». Этот старый чекист написал свой донос по образцу тайного доноса Ленина на Сталина, в котором Ленин сообщал (кому?!), что Сталин «забрал в свои руки непомерную власть над партией». Но донос чекисту (как, впрочем, и Ленину) не помог, и старого чекиста уволили на пенсию. Кому, спрашивается, мог старый чекист, занимавший высокий пост в КГБ, написать донос на своего бывшего подчинённого, сотрудника того же КГБ? Если вы найдёте ответ на этот вопрос, то знайте, что вы сделали первый шаг на пути познания механизма власти советского общества.

Его сослуживцы, занимавшиеся проблемами внутренними, называли его Западником. Сам он этой кличкой гордился, воображая себя проводником некоей «западной» ориентации в советском руководстве. При этом, однако, он имел в виду не столько способствование влиянию Запада на советское общество, сколько, наоборот, подчинение Запада влиянию и интересам Советского Союза. Таким образом, он соединил в себе непримиримые в своё время (до революции) линии «западников» и «славянофилов»: он стремился к развитию самобытных российских форм жизни, но не в России, а на Западе. Впрочем, он не отвергал и влияние западной культуры на Россию. Его роскошная квартира в Москве и подмосковная дача были оборудованы и обставлены заграничными вещами. Его дети носили заграничную одежду, читали заграничные книги и журналы, ездили на заграничных машинах.

ЦК КГБ

На первых этапах своей карьеры он довольно часто появлялся в кругах московской интеллигенции, в особенности в тех, которые имели контакты с иностранцами. Ни для кого не было секретом, кем он был. Более того, его охотно принимали везде и даже хвастались своим знакомством с ним: одни — как с важным «аппаратчиком», другие — как с важным «кагэбэшником». Однажды его спросили, к какому всё-таки ведомству его отнести — к аппарату ЦК КПСС или к КГБ. «К ЦК КГБ», — сказал он в шутку. Но в его шутке была большая доля правды.

Аппарат КГБ фактически есть орган ЦК КПСС и часть аппарата ЦК. Даже в сталинские времена Органы государственной безопасности были лишь исполнительным органом центральной партийной власти. Но КГБ есть не просто один из органов центрального аппарата власти. Это особый орган, порою сопоставимый по значимости со всем организмом власти, органом которого он является. Эта чрезвычайная роль КГБ в наше время обусловлена особенностями взаимоотношений Советского Союза с окружающим миром, со странами Запада в первую очередь, а также особенностями нашей эпохи — эпохи ожесточённой борьбы двух систем и подготовки к новой мировой войне, которая определит направление всей последующей эволюции человечества. КГБ оказался частью советской системы власти, лучше прочих информированной о положении в стране и в мире и объективнее прочих оценивающей это положение. Проникнув в сферы мировой политики и наладив беспрецедентную в истории сеть шпионажа и систему воровства всякого рода секретов (промышленных, технологических, научных, военных) на Западе, КГБ приобрёл огромное влияние на ход событий в мир и огромное практическое значение для советской индустрии (особенно военной). Потому в самой центральной системе власти, т.е. в ЦК КПСС и в его аппарате, произошло смещение ориентации и методов работы в сторону КГБ, — произошло окагэбэчивание самого аппарата ЦК. Произошло сращивание аппарата КГБ и ЦК в той их части, в которой они оказались занятыми проблемами

глобального и эпохального значения, причём с доминированием кагэбэвского аспекта.

Первое знакомство

Глубокая ночь. В одном из бесчисленных кабинетов центрального аппарата власти сидит человек. Это он, Западник. Он не спит. Он работает. Днём стало известно, что сотрудник одной западной фирмы, имеющей свою контору в Москве, попросил соседей по дому отнести его записку в посольство. Записка важная. Отнести её нужно срочно. А сам он по каким-то причинам выйти из дома не может. В записке он ставил в известность посла о том, что в посольстве работает советский агент. Подробности он, автор записки, намерен сообщить соответствующим лицам в своей стране, для чего он должен немедленно покинуть Москву. Он просит обеспечить ему личную охрану, так как опасается за свою жизнь. Об этом инциденте немедленно доложили Западнику: он должен дать санкцию на действия, целесообразные с точки зрения интересов государства. И он эту санкцию даёт: любой ценой помешать сотруднику иностранной фирмы, сунувшему нос не в своё дело, связаться с посольством и покинуть Москву. Любой ценой: советский агент в посольстве этой страны стоит того. В соответствующем отделе КГБ обсудили все возможные варианты. Остановились на таком. Знакомые автора записки отмечали, что он в последнее время был в угнетённом состоянии и часто говорил о слежке за ним. Знакомые шутили: и он заболел шпиономанией. Совершенно очевидно, что в таком депрессивном состоянии, мучимый манией преследования, человек способен покончить с собой. И вот теперь Западник сидит в своём рабочем кабинете и час за часом ждёт рокового исхода. В четыре часа ночи в кабинете бесшумно возник помощник и доложил, что сотрудник такой-то фирмы господин такой-то в состоянии душевной депрессии выбросился из окна своей квартиры.

Западник молча кивнул. Отдохнуть он поехал в специальное отделение Института сна: предстоял тяжёлый и ответственный день, и он за пару часов должен быть приведён в «спортивную» форму. А пока он безмятежно спит по научно разработанным методам советской медицины, познакомимся кратко с конкретной исторической обстановкой в стране и в мире.

Смрад эпохи

Конкретно-историческая обстановка, о которой идёт здесь речь, обладает свойствами всякой другой обстановки: улучшение, ухудшение, обострение, ослабление, подъем, спад, разрядка, напряжённость... Лишь определённая комбинация этих общих свойств и их величины создают особый... нет, не аромат и не дух, это было бы слишком нежно сказано... создают особый смрад нашей эпохи.

Новым главой Партии (Генсеком) стал бывший Председатель КГБ, Ю.В. Андропов, — случай в советской истории беспрецедентный. Запад, однако, не содрогнулся от ужаса и возмущения. Наоборот, Запад вздохнул с облегчением. Одни люди на Западе испытали сладострастное удовлетворение оттого, что Советский Союз будет теперь насилловать Запад более настырно, более квалифицированно, более изощрённо и целеустремлённо. Другие решили, что теперь в стране начнётся либерализация и подъем экономики, а в международных делах — разрядка, смягчение, ослабление и прочее. Новый Генсек в течение пятнадцати лет успешно громил оппозицию в стране и ещё более успешно создавал мощнейшую в истории советскую агентуру на Западе. Так что он лучше, чем его предшественник, знает нужды людей и фактическое положение в стране и в мире. Он наверняка прикажет это положение улучшить. Только как и для кого?

Западные журналисты задали новому Генсеку несколько пустяковых вопросов. Серьёзные вопросы они задать побоялись: Генсек всё-таки бывший шеф КГБ, в случае чего «рука Москвы» достанет их в любой точке планеты. Слух был, будто Генсек ответил им несколько слов по-английски. Перед таким чудом Запад, привыкший к тому, что советские руководители и по-русски-то еле-еле языком ворочают, затрепетал в изумлении. «Наконец-то во главе советского руководства встал интеллигентный человек! — завопили в западной прессе. — Теперь все пойдёт по-другому!»... Как именно «по-другому», строили самые фантастические предположения. Одни утверждали, что новый Генсек разрешит всем советским диссидентам уехать на Запад, в том числе и сидящим в тюрьмах. Другие утверждали, что как раз наоборот, новый Генсек прикажет всех советских диссидентов, уехавших на Запад, вернуть обратно и засадить, разумеется, в тюрьмы. Один английский лорд согласился работать на советскую разведку, причём бесплатно, даже от себя согласился приплачивать. Его примеру последовали многие другие, но от их услуг пока отказались из-за переизбытка добровольцев. Было принято решение принимать в советские шпионы западных граждан только с дворянскими титулами и высоким положением, короче, таких, которые приносят сведения исключительной важности, недоступные шпионам советского происхождения. Сумасбродная дочь западного мультимиллионера, бывшая уже раз замужем за советским шпионом, захотела выйти замуж за самого Генсека. Ей предложили прежнего мужа-шпиона, который снова женился на своей бывшей жене, с которой развёлся в своё время по случаю женитьбы на наследнице миллионера.

Короче говоря, последствия от «английской» речи Генсека превзошли все последствия от речей Президента США, хотя тот тоже говорил по-английски, причём не хуже нашего Генсека. В переводе с блестящего английского на ломаный русский речь Генсека выглядела так: господа, не надейтесь и не рассчитывайте, а если что, то мы вам покажем!..

Французы всё-таки выслали из страны около полусотни советских шпионов. Советское руководство указало французскому на

неправильность его поведения и послало во Францию сотню новых шпионов. В очередях начал циркулировать слух, будто советские подводные лодки появились на улицах Стокгольма...

Если хочешь мира

Чтобы разъяснить трудящимся сложность обстановки, полчища пропагандистов устремились на предприятия и в учреждения страны. Все они читали одну и ту же лекцию. Последняя называлась «Если хочешь мира». Она была сочинена и утверждена в ЦК и «спущена» оттуда в нижестоящие партийные органы. Пропагандистам на местах было предписано читать её «с учётом местных условий и особенностей аудитории». Поскольку местные условия везде были одинаковы, а аудитории никаких особенностей не имели, пропагандисты просто зачитывали спущенную сверху лекцию монотонно-бодрыми голосами, слушатели мрачнели и расходились, будучи уверены в том, что скоро начнётся «закручивание гаек». Они не верили ни единому слову в лекции, не верили в то, что война будет продолжаться «считанные минуты». Они были убеждены в том, что война будет бесконечно долгой, и это действовало особенно удручающе. Если бы «считанные минуты», то это было бы не так уж плохо. Минуты мы перенесли бы стойко. Минуты не страшны: раз-два, и тебя нету. И никаких хлопот. Никаких очередей. Никаких «дификультов». Конечно, «ай эм соррички», что и кабаки исчезнут. Зато похмеляться не надо. На работу ходить не надо. А если эти «считанные минуты» на десять лет растянутся? Избави Боже! Лучше об этом не думать. Мы одну «блицкриг» уже пережили, знаем, что это такое.

Лекция начиналась с латинского изречения «Если хочешь мира, будь готов к войне». Западные журналисты раздобыли копии новой «сверхсекретной установки советского руководства» (так они оценили очередную пропагандистскую болтовню). Компетентные лица на Западе истолковали сам факт употребления в партийном документе латинского изречения как поворотный пункт в советской внутренней политике в сторону дальнейшей «либерализации», а во внешней политике — «к дальнейшей разрядке напряжённости». Вторую часть латинского изречения («будь готов к войне»), а также само содержание «документа» они полностью игнорировали. А между тем в «документе» чёрным по белому было написано, что мы должны усилить обороноспособность страны, создать стратегические запасы продовольствия, по крайней мере на двадцать лет, и безопасные бомбоубежища для всего населения страны. Создание стратегических запасов продовольствия оправдывало дефицит последнего, а строительство бомбоубежищ — дефицит жилья. «Скорее бы начиналась война, — говорили мудрые старики и домашние хозяйки, — будем жить в комфортабельных бомбоубежищах и в изобилии снабжаться продуктами питания из стратегических запасов».

Рутина

Рабочий день Западника начинается с просмотра прессы, подготовленной и обработанной для него бесчисленными подчинёнными. Десятки статей из газет и журналов. Десятки книг. Наиболее важные страницы переведены. Наиболее важные строки подчёркнуты. О каждом авторе — краткая справка. К каждой статье и книге — краткое изложение содержания. Плюс — обзоры газет и журналов за более или менее продолжительный срок. Плюс — обзоры по темам. Плюс — обзоры по отдельным личностям. Таким образом, он за несколько часов знакомился с содержанием сотен статей и книг, уже прошедших через интеллект сотен и даже тысяч специалистов, с поведением десятков политических деятелей, с положением в политических партиях и в правительствах... Наиболее интересные и важные, с его точки зрения, материалы он отбирал для дальнейшей их обработки и продвижения вверх.

Потом он выслушивает сообщения помощников об особо важных событиях, непосредственно касающихся его отдела. На сей раз помощник сообщил ему, что дипломат П. отказался вернуться в Москву и попросил политическое убежище на Западе. Он кивнул, обозначив, что не пропустил сообщение мимо ушей, и дав понять помощнику, что больше не будет никакой иной реакции на это событие, наверняка вызвавшее сенсацию в западной прессе. Этот П. не агент КГБ, но отнюдь не безразличная для КГБ фигура. Его слабости были замечены, ещё когда он учился в ИМО. Его давно начали готовить на роль перебежчика, поощряли его слабости (тщеславие, корыстолюбие), умело начиняли его определёнными «секретными» сведениями. Наконец его послали на Запад на ответственный пост, дали возможность развить его амбиции и заинтересовать собою западные разведслужбы. Наконец его спровоцировали на побег — создали у него такое ощущение, будто его отзывают в Москву с целью арестовать или по крайней мере уволить со службы и сослать. Так что П. должен выполнить важную миссию Москвы на Западе, даже не подозревая об этом. Он искренне расскажет секретным службам всё, что ему известно. Именно искренне, чтобы не быть разоблачённым в качестве агента. Он будет давать советы западным политикам и руководителям секретных служб как человек, знающий советскую машину игры с Западом, но знающий её в таком дозволенном ему и показанном ему виде, что упомянутые лица на Западе будут иметь ложное, нелепое, хаотичное представление о ней в силу своей собственной способности видеть и понимать окружающее. Чтобы ввести врага в нужное тебе заблуждение (а не вообще в какое-то заблуждение), необязательно надо обманывать его путём дезинформации. Порою это достигается гораздо успешнее благодаря правдивой информации, но подготовленной определённым образом и преподнесённой в определённой форме. Враг должен поступить так, как тебе хочется, но чтобы был убеждён в том, что поступил по своей воле и вопреки твоим интересам.

Если бы предать гласности все то, что нами сделано в этом духе, думал Западник, многих на Западе хватил бы удар от изумления. Впрочем, они так в это не поверили бы. Да и мы сами уже теряем грань между тем, что есть результат нашей работы и что есть дар судьбы. И ко всему прочему, объективная диалектика действует не только у нас, но и на Западе, не только за нас, но и против нас. Наши успехи на Западе оборачиваются поражениями. Где тут мера?

Потом помощник доложил о том, что получены сведения о подготовке покушения на видного политического деятеля на Западе. Западные разведывательные службы постараются изобразить покушение так, будто оно — наших рук дело, думает он. Пусть изображают! Мы им даже поможем сами кое в чём, чтобы у них соблазн на нас свалить был сильнее и чтобы уверенность появилась. Но мы сделаем так, что все «доказательства» нашего участия окажутся несостоятельными. Люди на Западе всё равно будут думать, что покушение устроили мы. Пусть думают! При воздействии на сознание массы людей на Западе важна не реальная наша мощь, а воображаемая. А сейчас наше психологическое давление на Запад важнее всего.

Но опять-таки, как тут соблюсти меру? Когда даже реальная мощь начинает восприниматься как воображаемая? Когда именно ослабление давления на Запад начинает давить на него сильнее, чем реальное давление?

Смрад эпохи

Иностранный пассажирский самолёт уклонился от положенного маршрута и залетел в воздушное пространство Советского Союза над секретным районом, где начались работы по сооружению новых ракетных установок. Об этом чрезвычайном происшествии немедленно сообщили в Москву. Уже через десять минут все высшие лица страны знали о нем, а Генсек, являющийся Председателем Совета Обороны, т.е. высшей военной властью в стране, в первую очередь. Началась напряжённая работа системы власти, результатом которой должно было явиться принятие решения. В сложившихся условиях случай с самолётом-нарушителем грозил стать одним из важнейших международных событий за последние двадцать лет.

Западник тоже был извлечён из постели и доставлен среди ночи в свой рабочий кабинет. Бог мой, что теперь творится во всей нашей эпохальной конторе, думал он в полудремотном состоянии. Теперь уже никто и никогда не узнает, почему самолёт сбился с маршрута и каковы были намерения тех, кто совершил эту акцию, если она была преднамеренной. Но это несущественно. Самым интересным в происшествии является то, как работает сейчас наша система принятия решения в условиях, когда решение огромной важности должно было быть принято незамедлительно. Можно точно установить, как работает сеть коммуникаций, какие лица вовлечены в обсуждение проблемы, какие

слова говорятся, какие приказы отдаются. И всё равно эта система останется тайной за семью печатями. Причём не только для западных разведывательных служб, но и для наших ответственных лиц. Нужна точная наука, чтобы понять суть дела. Наука более точная, чем теоретическая физика. Со своими формулами, со своими методами измерения и расчёта. Такая наука уже создана. Но в неё никто не поверил. А человек, создавший её, изгнан из страны за антисоветскую деятельность, поскольку постулаты созданной им теории противоречили «научному коммунизму».

Социолог

Западник сам высказался в своё время за изгнание этого человека.

— Что для нас важнее, — говорил он на совместном совещании ответственных лиц аппарата ЦК и КГБ, причастных к борьбе с «внутренней эмиграцией» в стране, — физическая изоляция и уничтожение этого человека или дискредитация его идей? Если мы арестуем и осудим его здесь, то интерес к его идеям на Западе сразу повысится. Если же мы его выбросим на Запад, то он начнёт вызывать раздражение в кругах всякого рода «специалистов» по советскому обществу. Эти «специалисты» сами приложат усилия к тому, чтобы дискредитировать идеи этого человека и его самого. А скорее всего, они его просто будут замалчивать. Успех идей на Западе зависит не от того, насколько они умны, а от того, насколько они годятся для газетных сенсаций и насколько они соответствуют широко распространённым заблуждениям эпохи.

К мнению Западника прислушались, и его бывший университетский друг был выброшен на Запад. В различных второстепенных газетах и журналах на Западе стали появляться статьи, подписанные Социологом. Не представляло труда установить, кто скрывался под этим псевдонимом. Статьи не производили сенсации, но все же раздражали Москву, особенно секретаря ЦК по идеологии, которого Западник по долгу службы информировал обо всём, что на Западе как-то касалось идеологии. Секретарь упрекнул Западника в недооценке идеологической борьбы и потребовал принять решительные меры в отношении «этого мерзавца» (т.е. Социолога). Хотя сам Западник считал деятельность Социолога не заслуживающей серьёзного внимания, портить отношения с секретарём ЦК он не хотел. И он дал указание усилить работу по изоляции и дискредитации Социолога. Операция получила кодовое название «Социолог».

Теория принятия решения

Они вместе учились в университете и даже дружили одно время.

— В этом мире все процессы, — говорил когда-то ему Социолог, — имеют свою предельную скорость. Имеют свои пределы скорости и процессы, происходящие в социальных системах. В том числе — в нашей

системе принятия решения. Знаешь, в чём будет главная причина нашего поражения в будущей войне? Слишком низкая скорость принятия решения в особо важных случаях (вроде реальной угрозы войны). По моим расчётам, нужно минимум два часа, чтобы в нашей системе было принято решение «нажать кнопку».

«Посмотрим, — подумал Западник, — насколько ты прав».

Ровно через два часа помощник вошёл в кабинет и доложил: самолёт-нарушитель сбит. И так, потребовалось два с половиной часа, чтобы решение было принято.

«Выходит, он прав, — подумал он о том человеке, — чудовищно прав. Мы свалили дурака, выгнав его на Запад. Мы должны были бы его изолировать здесь. А что произошло бы, если бы решение в отношении самолёта-нарушителя не было принято за эти два с половиной часа? Очевидно, самолёт покинул бы пределы Советского Союза вместе со шпионской информацией о передвижении наших войск в том районе страны. Выходит, если бы самолёту предстояло лететь над нашей территорией на час дольше, то и решение было бы принято на час позже?»

— Похоже что так, — как бы услышал он голос Социолога.

— Так, значит...

— Это ничего не значит. Как часто бывают случаи, когда заранее ясно, сколько времени отпущено на принятие решения? Обычно это время заранее не, определено. Если время задано заранее, наша система принятия решения работает так, чтобы оттянуть решение на самый критический срок.

— Но ведь возможны случаи, когда решение может быть принято молниеносно?

— Такие случаи суть редкое исключение. К тому же на исполнение молниеносно принятого решения тоже нужно время. Иногда это время больше того, какое нужно на принятие решения. И вообще, есть строгая зависимость между способностью принимать решение и способностью общества исполнить его.

— У тебя есть для этого формулы?

— Есть.

— Ты опасный человек.

— Кому опасный?

— Всем. И потому ты обречён на бесследное исчезновение.

— Но по крайней мере, в одном месте я не исчезну.

— В каком?

— В твоём сознании.

Смрад эпохи

После инцидента с самолётом Запад немедленно распрощался с иллюзиями насчёт нового советского руководства. Антисоветская кампания на Западе и антиамериканская в Советском Союзе достигла

невиданной за последние двадцать лет остроты. Западные эксперты оценили сам тот факт, что советские истребители сбили самолёт в очень трудных с точки зрения условий стрельбы ракетами, как показатель силы Советской Армии: советские лётчики всё-таки попали в самолёт. Сами же советские руководители и генералы усмотрели в инциденте, однако, недостатки: лётчики сбили самолёт-нарушитель слишком поздно, надо было сбить сразу же, как он вторгся в наше воздушное пространство. Некоторые смелые мыслители шли дальше: надо было сбить до того, как самолёт вторгся на нашу территорию, ибо его намерения были очевидны заранее.

Советское население в массе отнеслось к инциденту со сбитым самолётом так, как он того заслуживал: так этим америкашкам (а в том, что это дело рук «америкашек», сомнений не было) и надо, пусть не суются. А что касается угрозы войны, то это для слабонервных. Из-за такого пустяка война не начнётся. В качестве повода к войне этот инцидент бессмыслен, так как будущая война начнётся безо всякого повода. Лишь отдельные нездоровые элементы нашего общества подпали под тлетворное влияние Запада. В отношении их приняли суровые меры.

Если хочешь мира

«В ответ на стремление американских империалистов разжечь „холодную войну“ путём создания обстановки, в которой советские истребители были вынуждены сбить иностранный самолёт, вторгшийся в воздушное пространство Советского Союза с целью шпионажа и провокации, — писали советские газеты, — советский народ ещё усиленнее усилил мирные усилия, направленные на сохранение мира во всем мире».

И газеты, надо признать, как всегда, не вдали. В Москве разгромили пацифистскую группу из трех с половиной человек, которые решили бороться за мир отдельно от всего народа и без разрешения начальства. Они выдвинули лозунг взаимного доверия между США и СССР. Государственный обвинитель заявил на суде, что Сталин и Гитлер в своё время тоже стремились к взаимопониманию. А что из этого получилось?! Пацифисты широко разинули рты от такого оборота мыслей. Так их с разинутыми ртами и отправили в лагерь строгого режима для особо опасных преступников.

Затем в Москве устроили пацифистскую демонстрацию, которая, как шутили интеллектуалы, прошла под лозунгом: «Никакого доверия временному американскому правительству!» В демонстрации приняло участие около миллиона трудящихся. Можно было бы и побольше собрать. Но для того, чтобы припугнуть распоясавшийся Запад, было достаточно и этого. Жалкие западные антисоветские демонстрашки из нескольких десятков тысяч бездельников сразу же превратились в антиамериканские демонстрашки «людей доброй воли» с числом участников за сотню тысяч.

Будь готов к войне

Борьба за мир достигла апогея, когда в городе Энске состоялся суд над восьмидесятичетырехлетней старушкой-поджигательницей войны. Старушка пережила русско-японскую войну, первую русскую революцию, Первую мировую войну, революцию семнадцатого года, Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, войну с Германией. Старушка пережила все стадии социализма — юношеского сталинского, переломного хрущёвского, развитого брежневского. Она уверенно вступила в новую фазу социализма — зрелого андроповского. И само собой разумеется, она извлекла из всего пережитого положительные уроки. На случай новой мировой войны, в наступлении которой она ничуть не сомневалась, она накопила (сосредоточила, как выразился прокурор) мыла, соли и спичек с запасом на сто лет. «Случись война, — думала она, — я на кусок мыла целую неделю проживу». «А спички зачем? — поинтересовался студент, снимавший у неё койку и спавший на матрасе, набитом упомянутыми предметами ширпотреба. — Если атомная бомба взорвётся, допустим, во дворе, то спички вспыхнут, пожар будет, и все запасы пропадут». Услышав это, старушка встревожилась. На следующей неделе она перебазировала запасы спичек к снохе: пусть уж лучше сноха сгорит, как она того и заслуживает! Сноха действительно чуть не сгорела вместе с детишками, которые спички, разумеется, нашли и решили поиграть в атомную бомбу. Старушку осудили на десять лет лагерей строгого режима для особо опасных преступников. Прокурор, настаивая на столь суровом приговоре, исходил из двух принципиальных предпосылок. Первая: старушка не маленькая. Вторая: чтобы другим старушкам неповадно было. Когда прокурор вскрыл глубокую связь между преступными действиями старушки и не менее преступными усилиями Президента США «разжечь новую мировую бойню» (слова прокурора), в зале суда наступила зловещая тишина. Ну, теперь начнётся зажим по всем линиям, подумал про себя каждый присутствующий, включая прокурора, судью и народных заседателей. И где эта старая стерва ухитрилась раздобыть столько мыла?!

Осудили старушку условно, что свидетельствует о высоком гуманизме нашего правосудия. Это «условно» означает следующее: если старушка переживёт третью мировую войну и начнёт аналогичным образом готовиться к четвёртой, то её на самом деле посадят в лагерь строгого режима.

Придя домой из зала суда и вспомнив о конфискованных ценностях, старушка утёрла слезу и молвила: «Знала бы, что отберут антихристы, сама все заранее съела бы!» (И съела бы: наши старухи и не на такое способны!) «Ну, погодите, — сказала старушка со сталью в голосе, — я вам ещё покажу!» И погрозила кому-то скрюченным морщинистым пальцем.

Продемонстрировав своё миролюбие, советские трудящиеся и люди

доброй воли на Западе разошлись по домам и по рабочим (или по безработным) местам, дабы продолжить свою будничную подготовку к войне.

Рутина

Не успела забыться история с представителем западной фирмы, выбросившимся из окна первого (что было опущено в газетах) этажа высотного (что было подчёркнуто в газетах) дома в припадке душевной репрессии (газетная опечатка), как на Западника свалилась новая забота: дирижёр К., бывший с оркестром на гастролях на Западе, «избрал свободу», т.е. решил не возвращаться домой. В интервью он заявил, что в Советском Союзе некомпетентные в музыке партийные бюрократы не давали ему размахивать дирижёрской палочкой в полную силу.

Этому надо положить конец, думает Западник. Мы должны расширять наши культурные связи с Западом, а тут... Этого К. надо наказать, чтобы другим неповадно было. Следовало бы отложить все намеченные поездки на Запад и отозвать всех, находящихся сейчас на Западе. Но Политбюро вряд ли пойдёт на это. Обстановка, думают там, неподходящая. Как раз наоборот. Обстановка как раз очень даже подходящая для крутых мер. А без крутых мер не обойдёшься. Либерализм исчерпал себя. Пора с ним закругляться.

— Подготовьте все материалы, касающиеся невозвращенца, — сказал он помощнику. — Подготовьте также список всех лиц, находящихся сейчас на Западе, и лиц, поездки которых запланированы на ближайшее время. Завтра утром — экстренное совещание.

Начало пути

Детство и юность он прожил в Энске. После окончания школы поступил в сельскохозяйственный институт. На третьем курсе связался с группой студентов, сочинивших листовку о кошмарном положении в области. На суде, однако, он фигурировал в качестве свидетеля обвинения и не был осуждён. Друзья осуждённых погрозились отомстить ему за предательство. Во избежание излишних неприятностей ему помогли перевестись в Московский университет. О его роли в Энске стало известно много позднее, да и то в форме слухов и сплетён. Учился он средне. Зато проявил себя как комсомольский активист, что ничуть не мешало ему пьянствовать и совращать девиц. Впрочем, о совращении тут можно говорить весьма условно. На последнем курсе стал членом партии. После окончания университета был взят на работу в КГБ.

Свою карьеру в КГБ он начал с самой низшей ступени — с участия в комплектовании научных делегаций на Запад. Его, собственно говоря, и взяли на работу в КГБ с этой целью: стремительно расширялись контакты с Западом, и научные делегации стали играть в этом значительную роль. Он быстро постиг принципы отбора людей в научные делегации на Запад.

В делегацию включаются академики и директора институтов. Они считаются учёными, поскольку имеют учёные титулы и публикации. На самом деле они суть партийные и государственные чиновники, сделавшие карьеру в сфере науки. В делегацию включаются сотрудники КГБ. Они тоже «учёные». Они имеют порой больше оснований считаться учёными, чем упомянутые академики. Иногда их цель — разведка в области науки и техники, и тогда они должны иметь хорошее образование. В делегацию включаются и настоящие учёные, чтобы придать ей видимость чистой науки. Включаются и самые младшие научные сотрудники, которые пишут академикам доклады и служат переводчиками. По возвращении домой все члены делегации пишут отчёты, которые в конечном счёте идут в КГБ. Отчёты обо всём, вплоть до семейного положения, политических воззрений и вкусов отдельных западных граждан. Выдающиеся учёные тоже пишут отчёты, часто наиболее ценные. В частных разговорах с западными людьми некоторые члены делегации могут выражать критическое отношение к советской системе. Некоторым из них это разрешается делать, а кое-кому вменяется в обязанность. Зачем? Создать видимость свободомыслия в советской науке, вызвать на откровенность, пустить в оборот какие-то представления о советском обществе... Конечно, кое-что делается произвольно и неподконтрольно. Но потом за это члены делегации так или иначе наказываются.

Рутинa

Он перелистывает бумаги — самую свежую, самую полную и самую объективную информацию о самых важных событиях в мире. Рядом стоит помощник. Помощник угадывает его безмолвные вопросы и даёт пояснения. Уже далеко за полночь. Но он любит иногда работать по ночам. Сталин тоже так поступал. И он, Западник, понимает почему: ночью в голову приходят самые безумные и бредовые идеи, которые потом оказываются самыми здравыми и практичными. В этом мире всеобщего безумия, всеобщей бездарности, пошлости и лжи лишь такие ночные личности, как он, на сто процентов отвечают своему назначению.

— Наши подводные лодки снова обнаружены в районе военных баз Швеции и Норвегии. Шведы грозятся бомбить.

— Шведы не такие уж храбрые, чтобы привести угрозу в исполнение. Бомбить они будут, но после того, как лодки уйдут из территориальных вод Швеции. Дайте указание выразить в какой-нибудь западной газете сомнение насчёт государственной принадлежности лодок.

— Немцы отвергают американские требования прекратить поставки нам оборудования для газопровода.

— Немцам надо отдать должное: пережив одно поражение, они начинают готовиться к новому. Их надо поддержать. Есть смысл организовать антиамериканскую демонстрацию. Неплохо бы подкрепить нападением на американскую военную базу. Покушение на американского дипломата или генерала тоже было бы своевременным. Если там готовится

нечто подобное, мешать пока не надо.

Этапы пути

Став сотрудником КГБ, он сразу же почувствовал все преимущества положения человека, приобщённого к системе власти. Хотя он был ничтожеством во всех отношениях, перед ним стали заискивать академики, профессора, директора институтов и лабораторий: от него зависела возможность поездок за границу. В течение года он получил квартиру, какую не имели заслуженные учёные, десятками лет добивавшиеся улучшения жилищных условий. Он получил доступ к закрытому распределителю продуктов. Пока ещё на низшем уровне. Но все же и на этом уровне он мог приобретать дефицитные продукты, недоступные обычным гражданам, причём по сниженным ценам. Короче говоря, он самым фактом вступления в аппарат реальной власти приобрёл жизненных благ больше, чем смог бы приобрести за десять или даже двадцать лет научной карьеры, и сразу же ощутил все соблазны власти. И он прочно вцепился в предоставившуюся ему удачу.

Он оборвал близкие отношения с университетскими друзьями, и в первую очередь с Социологом. У того плохо было с жильём, с работой, с публикацией статей. Друзья Социолога не раз просили Западника помочь ему, но он не шевельнул для этого пальцем. Университетских знакомых он использовал лишь как средство сбора информации о лицах, интересующих КГБ, в особенности — об иностранцах, с которыми им приходилось сталкиваться. Он попробовал было приспособить для этой цели и Социолога — к последнему уже стали проявлять интерес на Западе. Но Социолог категорически отверг его поползновения. И они стали непримиримыми врагами.

Будь готов к войне

Советские люди, как и все прочие, боятся войны. Но они, в отличие от всех прочих, ещё больше боятся своего страха и потому относятся к угрозе войны с юмором. Ещё во времена Хрущёва приобрела популярность такая шутка. «Что делать в случае начала атомной войны?» — спрашивает один рядовой гражданин своих сослуживцев. «Завернуться в чистую простыню и молча ползти на отведённое тебе по чину кладбище», — отвечает он же. Услышав это, все присутствующие начинают безудержно хохотать. Что тут смешного? — спросите вы. Во-первых, жаль на такое дело простыню портить. Да ещё чистую. Да и где на всех простыней наберёшься? Во-вторых, доползти до кладбища теперь труднее, чем предотвратить войну.

В связи с ростом числа граждан, нуждающихся в захоронении, сообщили газеты, нам пришлось развернуть кладбищенское строительство в двухстах километрах от Москвы. Упомянутое строительство было объявлено великой стройкой коммунизма, — яркое

свидетельство тому, что наше руководство заботится не только об этой, но и о загробной жизни трудящихся. Шефство над стройкой взял Ленинский комсомол. Над ней взвился лозунг: «Коммунизм строить молодым!» Десятки тысяч юношей и девушек изъявили желание поехать на стройку. Они вырыли в два раза больше «углублений в почве для граждан, нуждающихся в захоронении» (выражение из статьи в молодёжной газете), чем было предусмотрено по плану, и на два года раньше срока. Пенсионеры Москвы выступили с призывом к неработающим трудящимся поддержать почин комсомольцев и заполнить упомянутые «углубления в почве» досрочно и также с перевыполнением плана. Трудящиеся единодушно откликнулись на призыв москвичей, за исключением той зловредной старухи-поджигательницы войны. Старуха заявила, что скорее советская власть сдохнет, чем она. Она отметила восемьдесят пятый день рождения, досыта накормив гостей мылом и солью.

Но кладбище так и не довели «до логического конца», как потом писали в той же молодёжной газете в критическом фельетоне. Фельетонист свалил вину на бесхозяйственность местного руководства и пьянство среди «тружеников загробного мира». На самом же деле энтузиазм молодёжи потребовался на другой «мирной» стройке, а именно — в том самом секретном районе, неподалёку от Америки, над которым был сбит злополучный самолёт. Это недвусмысленный намёк на то, что и американцам пора развернуть во всю мощь своей технологии кладбищенское строительство. «Американцы даже гробы делают с компьютерами, — вздыхали комсомольцы, отбиваясь от надоедливой мошкеры на Сахалине. — Вот это техника!» «Ничего, — подбадривали себя те же комсомольцы. — Мы по ним прямой наводкой вдарим!»

Рутин

Один из его подчинённых, занятых координацией работы различных отделов аппарата власти, так или иначе имеющих дело с Западом, сообщил ему о разговоре начальника другого отдела с заместителем шефа КГБ по странам Западной Европы. Этот человек во всем завидует Западнику. Он тоже претендует на роль теоретика КГБ. Так что Западник ничего хорошего от этого разговора не ожидал. Так оно и оказалось. Речь шла о непомерном влиянии, которое Западник якобы приобрёл на Генсека, и о том, что «этому претенденту на роль нового Поскребышева пора когти обломать».

Ну что же, мерзавцы, подумал Западник, я вам покажу свои когти. Для начала вы не получите новую мебель и оборудование для ванн и бассейнов из ФРГ. Затем кое-кому из ваших людей придётся отменить поездки на Запад. А если не прикусите язычки, щ придётся и к более суровым мерам прибегнуть. Так-то, голубчики!

Этот его подчинённый относится к числу так называемых внутренних осведомителей. Официально такой должности нет. И никто не даёт им поручения информировать одних ответственных лиц аппарата КГБ и ЦК о

том, что о них говорят другие ответственные лица того же аппарата. Тут все образуется как бы само собой, путём едва заметных проб и намёков. Западник знает, что полностью положиться на этого своего внутреннего осведомителя он не может, — тот наверняка «стучит» на Западника другим его сослуживцам. Это тоже в порядке вещей: один из таких осведомителей Западника работает в конкурирующем отделе. Важно тут лишь то, что информация, сообщаемая такими осведомителями, достоверна. Иными путями её не добудешь. А без неё долго в аппарате не удержишься.

Этапы пути

Через два года его самого включили в научную делегацию на Запад. Общеизвестно, какую огромную роль играет в жизни советских людей поездка на Запад. А для работников КГБ разрешение на такую поездку и тем более поручение выехать на Запад есть переломный пункт во всей их жизненной судьбе. Если такой работник будет вести себя в такой поездке так, как положено, и успешно выполнит поручение, он может быть уверен в том, что жизнь удалась. И от него теперь зависит лишь то, чтобы крепко держать в руках удачу. Моему Западнику поручили не наблюдение за членами своей делегации, не фотографирование военных объектов и вербовку западных политиков, профессоров и бизнесменов в советские агенты, а другое дело: «оторваться» от прочих членов делегации, зайти в такой-то ресторан, сесть за такой-то стол, заказать то-то и то-то, расплатиться и, покидая ресторан, «забыть» на столе вот этот журнал. И все.

Ему было забавно наблюдать членов делегации. Некоторых из них он встречал во время его посещений институтов Академии наук. Он хорошо знал, что это за «учёные». Его тоже узнали. Но виду не подали. Им не впервой видеть среди «учёных» фигуры такого рода, как он. Да и не он один тут такой. Вот этот парень, например, из военной разведки. Эти двое — «надсмотрщики». Их задача — следить за членами делегации. Им предоставлены неограниченные полномочия вплоть до вынесения самого страшного приговора и приведения его в исполнение. Как всё-таки ухитряются иногда ускользнуть от их опеки? Когда как. Иногда это нужно для дела. Иногда побег организуют западные секретные службы. И нескольким сотрудникам КГБ воевать на чужой земле с десятками специалистов противника не так-то легко. Иногда — случай. Но в общем и целом (если учесть число людей, за которыми приходится следить) ребята справляются со своей задачей хорошо, Процент «бегунов» сравнительно невелик. Теоретически предсказывали гораздо более высокий.

Рутин

Он просматривает материалы, связанные с Дирижёром, и никак не может понять, почему тот решил остаться на Западе. Чего этому человеку

не хватало? В очень молодом возрасте сделал блестящую карьеру. Прекрасная квартира. Дача. Успех. Семья. Дети. Курорты. Один из ведущих дирижёров в стране. Заграничные поездки. Почёт. Член партии. Депутат Верховного Совета Республики. Что ещё нужно? Свобода творчества? Чепуха! На Западе свободы тоже ограничены и относительно. И там он будет исполнять не то, чего душа пожелает, а то, что его вынудят исполнять. Более высокий материальный уровень? Ну, год-другой будет испытывать удовлетворение. А потом? Потом вступит в силу сравнение с другими, которые там живут лучше, а сравнение с теми, кто остался в России, отпадёт совсем или ослабнет, станет несущественным. Почёт, слава? Все равно ведущих западных дирижёров он не переплюнет, а западная слава окажется совсем иной природы, чем здесь, дома. Наступит разочарование. И тоска по Родине. Нет, жажда свободы тут ни при чем. Это распушенность, потеря чувства ответственности перед своим народом. И слишком много было позволено здесь — вот в чём дело! Дело не в недостатке свобод здесь, у нас, а в их избытке! Зажрались! Распустились! Пора их к порядку призвать. А этого мерзавца К. надо поручить Немцу. Нужно сделать так, чтобы комар носа не подточил, но чтобы всем было ясно, что это — наших рук дело. А Немец мастер таких дел.

Будь готов к войне

Одни понимают готовность к войне как готовность защититься от нападения, другие — как готовность нанести поражение противнику, третьи — как готовность убивать, четвёртые — как готовность умирать. Последних большинство. И в последнем смысле человечество всегда готово к войне. Это — единственный аспект подготовки к войне, который не требует никакой подготовки.

Есть ещё один вид готовности к войне, самый высший. Его удостоиваются лишь избранные судьбы. Это готовность спрятаться от ужасов войны, обеспечив себя всем необходимым на длительный срок, и уцелеть. Эти люди готовятся к войне вовсе не потому, что хотят мира. Скорее наоборот: чем лучше они готовы к войне (т.е. чем в большей безопасности себя чувствуют), тем меньше они хотят мира. Психологически это понятно: зачем же тогда готовиться к войне, если это не даёт тебе никаких преимуществ перед теми, кто не готовится? Да и похвастаться хочется: вот, мол, вы не подготовились, и потому от вас ничего не осталось, а я жив! И здоровёхонек! И еды достаточно! Короче, если человек готов к войне, то пусть будет война, ибо это единственное, что оправдывает готовность к войне. Если ковчег построен, то потоп необходим. вспомните, с каким нетерпением Ной поглядывал на небо после того, как последняя пара тварей вошла на его ковчег!

Формы готовности к войне разнообразны. Они разделяются прежде всего на капиталистические и социалистические. Капиталисты, например, переводят свои капиталы на секретные счета в швейцарские банки.

Чудаки, они рассчитывают на то, что мы Швейцарию оставим в покое. За что? За какие заслуги? За то, что Давала приют Ленину? Так потом она давала приют и многим другим, чего мы простить не можем ни в коем случае. Но не будем отвлекаться в сторону. Капиталисты прячут свои капиталы в швейцарских банках, а наши соотечественники — в чулках. Капиталисты скупают за миллионы долларов картины старых художников, а наши соотечественники — мыло и соль за копейки покупают, как та старушка, о которой говорилось выше. Чуете разницу двух систем? Им, капиталистам, в голову не приходит та очевидная истина, что от швейцарских банков останется один пшик, а чулок откопаешь из земли целеньким; что картинами старых мастеров голод не утолишь, а мыло и соль будут предметами первой необходимости — смыть копоть после атомного взрыва и огурцы солить.

Но капиталисты не останавливаются на этом. Один богатый немец купил самолёт, погрузил в него всё своё богатство, семью, родственников и секретаршу, собрался улететь на Филиппины, подальше от возможной арены военных действий предстоящей войны, главным образом — подальше от Советской Армии, которая, по его убеждению, скоро оккупирует всю Германию. Так его самолёт со всем содержимым рухнул в океан. И никаких следов не осталось. Этот немец явно политически отсталый человек. Советская Армия ничего не оккупирует. Она протягивает руку братской помощи, если об этом просит законное правительство той страны, которой мы решили протянуть руку братской помощи. Ну а если мы руку протянем, так от нас и на Филиппинах не укроешься, — найдём, достанем, призовём к ответу, поможем.

А другой богач (на сей раз — нефтяной магнат в Техасе) построил бомбоубежище с запасом всего необходимого для жизни на пятьсот лет. И даже со своим собственным подземным банком. Что-то случилось в системе снабжения воздухом, и вся его семья задохлась в комфортабельном убежище во время тренировочной отсидки. Этот американец тоже политически безграмотен. Техас мы пока бомбить не будем: у нас свой Баку есть. Впрочем, пусть себе строят бомбоубежища. Придёт время — мы им прикажем забраться в них, а потом лишь выключим ток и перекроем снабжение воздухом. Это даже очень удобно.

В советском, зрелом социалистическом обществе улететь на Филиппины не позволят. Да и не на чём. Да советских людей туда и не примут — у них валюты нет. А что касается бункеров, то они играют принципиально иную роль: они служат интересам мира, а не войны, и обслуживают трудящихся, а не капиталистов. И задохнуться в советских бункерах нельзя — дыры мешают. Радикулит схватить из-за сквозняка можно, это факт.

Этапы пути

Запад его поразили видимым изобилием предметов потребления и развлечения. Теоретически это было не ново для него. Но одно дело —

услышать от других, и другое — увидеть самому.

После войны отец, побывавший с армией в Германии, Чехословакии и Австрии, часто и много говорил о жизни в «Европе» — Россию он Европой не считал. Живут они там, сволочи, хорошо, говорил он, вздыхая. Мы никогда так жить не будем. И условия у нас не те. И история не та. И мы сами не те. И очень плохо то, что мы узнали об этом. Раньше не знали, и потому были счастливы. А теперь?! Чтобы жить спокойно, надо Европу разгромить! Вы думаете, что лучше занять Европу и взять все богатства себе? Ничего не выйдет. Занять для себя мы её всё равно не сможем. Мы всё равно будем жить по-свински. Все их богатства с собой не унесёшь. А они через десять лет ещё лучше жить будут. Надо их разгромить! Вот это мы можем.

Сын с насмешкой и недоверием слушал такие речи малообразованного отца. Но вот он сам в «Европе». И хотя он окончил университет, Запад породил в нём те же мысли и чувства. Пройдут годы, в течение которых он станет знатоком этой «Европы». И он возвысит чисто эмоциональное отношение отца к ней на уровень холодной и расчётливой теории.

Рутина

Генсек отдыхает на юге. Делает вид, что никакого участия в принятии решения относительно самолёта-нарушителя не принимал. Западные эксперты утверждают, что решение было принято местным военным командованием самостоятельно, независимо от политического руководства. Советское «политическое руководство» поддерживает этот миф, поскольку он несколько обеляет его в глазах общественного мнения Запада. Возник слух, будто многие старшие офицеры, участвовавшие в принятии решения сбить самолёт, наказаны. Слух просочился в круги западных журналистов из личного аппарата Генсека. Его вроде бы пустил один из помощников Генсека преднамеренно. Если это действительно так, подумал Западник, то изречение одного шутника, уволенного из аппарата именно за это изречение, что «не человек портит место, а место человека», получает новое подтверждение. В сложившейся обстановке надо стремиться не к обелению, а к очернению. Если уж ты стал злодеем в глазах Запада, так будь сверхзлодеем — будут больше бояться и больше уважать.

Тот самый помощник Генсека, распутивший слух о непричастности Генсека к истории с самолётом, пригласил Западника в гости. В ходе обычного пьянства и обжорства помощник дал понять гостю, что Генсек хочет дать разъяснение о намерениях нового руководства. Разъяснение такое, чтобы младенцам было понятно. В основном, конечно, для Запада. Выступление внеочередное, так что нужен подходящий повод. И чтобы «эти морды» (он имел в виду некоторых членов Политбюро) не помешали.

Слово «младенцы», брошенное помощником, подало Западнику идею: а почему бы это в самом деле не организовать с участием

младенцев? Прекрасная идея! Можно говорить пропагандистские банальности на уровне демагогии сталинских времён, оправдываясь тем, что разъяснение делается для детей. На Западе любят такие спектакли.

Через несколько дней советские, а вслед за ними и западные газеты опубликовали письмо маленькой девочки из западной страны Генсеку. Девочка просила дедушку Генсека предотвратить войну, сохранить мир и позаботиться о советских людях. На другой же день газеты опубликовали ответ Генсека. «Советский народ и советское правительство не хотят войны, так как они хотят мира, — говорилось в письме. — Американские империалисты во главе с бьякой-президентом не хотят мира, а потому они разжигают войну».

Служебные неприятности

Письмо советского младенца Президенту США с требованием (не просьбой же!) прекратить гонку вооружений написали и послали уже без помощи Западника. Но Президент на письмо не ответил — это обстоятельство высшие лица отнесли за счёт недочётов в работе ведомства Западника: он обязан был обеспечить ответ Президента! «Иначе, — сказали высшие лица, — зачем же мы держим столько дармоедов-агентов в Америке?!» Эти наши «дармоеды-агенты», думал Западник, совсем по дешёвке купили чертежи нового военного американского самолёта, который сами американцы ещё не успели пустить в серийное производство. При этом мы одним выстрелом убили двух зайцев. Первый «заяц» — упомянутые чертежи. Второй «заяц» гораздо серьезнее. Дело в том, что чертежи самолёта мы добыли через польского шпиона. Шпиона американцы разоблачили, нанеся тем самым моральный ущерб всему «польскому делу». И сам тот факт, что американцы пошли на публичное разоблачение «польского» шпиона в такой сложной ситуации в Польше, говорит о многом... Вслух же Западник сказал, что его отдел учтёт все ценные критические замечания в его адрес и повысит эффективность работы.

Будь готов к войне

На самом высоком уровне подготовился к войне первый секретарь Энского областного комитета КПСС. Он на территории своей дачи построил многоквартирный бункер, загрузив его всякой всячиной с расчётом на двести (а не на сто, как упомянутая старушка) лет. И чего только не завезли ему туда! Даже красную и чёрную икру. Даже солёные и маринованные грибочки и огурчики — лучшей закуски для водки не существует. И пианино, хотя в его семье никто музыкальными способностями не обладал и никто не играл хотя бы на балалайке.

В послерабочее время Секретарь спускается в бункер и мечтает о том будущем прекрасном времени, когда на Земле все подохнут от радиации и от бактерий, а он будет продолжать наслаждаться всеми

благами жизни и восстанавливать потерянные человеческие ресурсы. Вот будет интересно, если он уцелеет один со своей супругой и... с некоторыми прочими. Ведь тогда весь род человеческий произойдёт от него, как от Адама, согласно Библии. А может быть, Библия не такая уж чепуха? Может быть, такое уже было однажды? Ведь развитие, согласно Ленину, идёт по спирали, как их учили в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Новый шаг в развитии есть повторение прошлого на более высоком уровне. Интересно, как будут потомки изображать его и его супругу — с фиговыми листочками или без? Скорее всего — без. Все-таки прогресс. Сравните теперь бункер партийного Секретаря с бункером американского миллионера. Чувствуете разницу? Секретарь никогда в своём бункере не задохнётся. Он скорее вас всех передушит, чем себя позволит задушить. Кроме того, ради спасения человечества Секретарь готов принести в жертву это самое человечество. Американскому же миллионеру это не позволят сделать другие миллионеры, прогрессивные силы и налогоплательщики. И налогов Секретарь за бункер не платит, поскольку тот расположен в земле, принадлежащей всему трудовому народу.

Потом Секретарь возмечтал на территории своей дачи разместить свою личную межконтинентальную ракету со своей личной кнопкой. В случае чего (если в Москве не успеют нажать) он сам выполнит историческую миссию. А то и инициативу проявить может...

Рутина

Рутина — это не обязательно что-то мелкое, незначительное, скучное, привычное. Рутина есть повседневная работа и жизнь со всеми их атрибутами. Особенность рутины Западника состоит в том, что она состоит в основном из событий, которые являются из ряда вон выходящими для простых смертных. Например, для простого смертного быть завербованным в советскую агентуру есть одно из важнейших событий в жизни, а для Западника, манипулирующего тысячами актуальных и потенциальных агентов, это есть мизерный кусочек его рутинной деятельности. Для агента, раздобывшего какой-то важнейший секрет на Западе, это событие равносильно выигранному сражению великого полководца, а для Западника — одно из многих тысяч обычных дел. Для человека, в отношении которого принято решение завершить операцию с каким-то кодовым названием, т.е. отправить его на тот свет современными агентурными методами, это событие есть, можно сказать, яркий праздник. А для Западника это — серые будни.

Время, проводимое на работе, является для Западника лучшей частью его жизни. Не работа ради остального, а все остальное ради работы. На работе он ощущает себя вовлечённым в мировую жизнь и в мировую историю. А во вне рабочее время... Вот это действительно есть рутина в негативном смысле слова. К счастью, и эта часть жизни постепенно становится продолжением работы. Вне служебные встречи так или иначе ограничиваются кругом сослуживцев. Вне служебные беседы так

или иначе сбиваются на профессиональные или общеполитические темы. А когда он остаётся в одиночестве, им завладевают все те же профессиональные мысли.

Рабочий день учреждения Западника протекает так же, как протекает рабочий день всякого учреждения, только, может быть, более деловито, чётко, комфортабельно. Учреждение, занятое делами мирового значения, работает как хорошо налаженная канцелярия или контора. Когда миру стала известна гитлеровская машина уничтожения миллионов людей, самое сильное потрясение произвели не масштабы убийств, а то, что машина убийств работала с бесчувственным педантизмом заурядной канцелярии. Нечто аналогичное имеет место и в отношении ведомства Западника. Народы и страны живут обычной жизнью, не подозревая о том, что где-то в Москве сравнительно небольшая группа серых, невзрачных, поразительно похожих друг на друга, ко всему привыкших человекообразных существ планирует какие-то аспекты их жизни и приводит свои планы в исполнение. Час за часом, день за днём, год за годом, десятилетие за десятилетием... Именно эта рутинобразная работа, не прекращающаяся ни на минуту, а не выдающиеся спорадические действия выдающихся личностей, даёт эффект, время от времени поражающий человечество грандиозностью делаемого дела.

— Немец сообщает, — доложил помощник, — что есть реальная возможность завербовать сотрудника контрразведки ФРГ.

— Прикажите Немцу прекратить наблюдение, — сказал Западник. — Операцию передайте в ведение разведки ГДР.

— Американец требует сто тысяч долларов.

— Многовато. Хватит и двадцати пяти. Дайте ему понять, что у нас есть другие источники информации.

— Социолог заметно активизировался. Похоже на то, что к нему начинают серьёзнее относиться.

— Обо всем, что касается Социолога, немедленно сообщать мне.

Будь готов к войне

Идея бункера, представляющего полный коммунизм в миниатюре, овладела душами миллионов граждан. Заведующий ювелирным магазином «Мал золотник...», например, оборудовал под своё личное противоатомное убежище естественную пещеру в двухстах километрах от города. Оборудовал так, что в пещере практически вечно могли бы безвылазно прожить со всеми удобствами по крайней мере сто человек. В пещере был неиссякаемый источник воды. Сын заведующего, ковыряясь в камешках, открыл в пещере нефть, которой хватило бы на среднее европейское государство. Заведующий мог разбогатеть, как шейх из Саудовской Аравии. Но нашлись завистники из числа тех, кто был в списке кандидатов в спасаемые. Они донесли в КГБ. Заведующего расстреляли. Но его опыт не пропал даром. Тысячи трудящихся в выходные дни устремились в окрестности городов на поиски природных пещер. Один

сибирский охотник открыл необъятные природные пещеры в районе Верхоянска. Согласно его письму, в них можно спрятать все население не только Советского Союза, но и Китая, США, Индии и Израиля. О снабжении людей продовольствием при этом заботиться не надо: средняя годовая температура в пещерах минус семьдесят градусов по Цельсию. Трудно сказать, к чему привела бы эта эпидемия, если бы одна группа пещероискателей не напоролась на Подземный склад немецких авиационных бомб, уцелевший со времён войны. Взрыв был такой силы, что на Западе его расценили как подземное испытание сверхмощной водородной бомбы.

Рутин

Когда начинают говорить, что пора что-то начать или кончать делать, то это означает, что не только в этом назрела потребность, но что созрели условия её удовлетворения. Так было и на этот раз. Когда участники совещания по поводу дирижёра-невозвращенца единодушно заявили, что с такого рода безобразиями пора покончить, они уже знали, что с ними теперь действительно можно покончить. И случай с дирижёром очень удобен с этой точки зрения. На Западе никакой сенсации по поводу К. не было. Такие истории там уже надоели всем. Западные деятели культуры не хотят делиться благами своего положения с жадными до славы и денег беглецами из Советского Союза. Они будут рады, если приток конкурентов с Востока вообще прекратится.

Совещание приняло следующую резолюцию. Западные секретные службы систематически стимулировали и провоцировали стремление советских деятелей культуры к тому, чтобы оставаться на Западе, имея целью ослабление и деморализацию советской культуры, а также усиление антисоветской пропаганды. Раньше они имели большие возможности подкупать перебежчиков, удовлетворять их тщеславие и корыстолюбие. Теперь эти возможности сократились. Пропагандистский эффект от таких перебежчиков снизился. Так что более суровые меры по пресечению и профилактике случаев такого рода не вызовут заметной реакции на Западе и будут способствовать оздоровлению нашей интеллигенции, усилению чувства долга и ответственности по отношению к Родине. Следует также более тщательно отбирать кандидатов для поездок на Запад и усилить контроль за их поведением. Поездки разрешать только при условии, если есть достаточно серьёзные гарантии, исключающие случаи невозвращения. Не оставлять без наказания ни один случай невозвращения. Следует пересмотреть все случаи невозвращения, имевшие место в прошлом, и принять суровые меры в отношении невозвращенцев, а также лиц, допустивших халатность в случаях такого рода. Следует восстановить на практике оценку таких случаев, как предательство Родины. Случай с дирижёром К. должен послужить примером этому. Провести разъяснительную работу в этом духе во всех учреждениях страны, имеющих отношение к культурным контактам с

Западом.

Этапы пути

Его первым учителем в агентурной работе был старый чекист, чудом уцелевший в сталинские годы.

— Наши реальные агенты и наша реальная агентурная работа на Западе, — говорил он, — не имеют ничего общего с тем, как их описывают в шпионских романах и изображают в кино на Западе.

— Им там неизвестна реальность?

— Отчасти известна, отчасти нет. Но дело не в этом. Дело в том, что реальность неинтересна с точки зрения литературы и кино. Вспомни, кто у нас играл в кино роль Александра Невского? Самый высокий артист, верно. А знаешь, какого роста был реальный Александр Невский? Меньше чем полтора метра. И ты уверен в том, что он был такой умный, как показывают в кино?

— Сомневаюсь. Но ответственные лица на Западе должны знать реальное положение вещей!

— Должны. Но они не хотят этого.

— Как так?!

— А зачем им? Они думают лично о себе, а не об интересах страны. Вспомни, что говорил Ленин по этому поводу. А он понимал Запад хорошо.

Учитель ещё нёс в себе искру революционной романтики. Учитель уже не надеялся на более успешную Карьеру. Он был доволен уж тем, что уцелел, слетев с высокой ступени своего ведомства на сравнительно низкую. Он искренне стремился передать весь свой опыт Западнику, в котором видел своего ученика и последователя.

— Агентурная работа, — говорил учитель, — имеет свои правила. Она подобна шахматной игре, только во много раз сложнее. И не всегда тут имеют место удачи. Бывают и неудачи. Бывают и серьёзные поражения. Вот тебе классический пример на этот счёт. Многие западные дипломаты и наши разведчики предупреждали сталинское руководство о том, что Германия начнёт войну против нас 22 июня 1941 года. Сталин не поверил. До сих пор многие удивляются этому и возмущаются: почему Сталин не поверил?! Никому в голову не приходит мысль, что в этом случае немецкая агентура просто переиграла нашу. В нашем деле бывает так, что ничто не выглядит так сомнительно, как чистая правда. Труднее всего поверить именно в правду. Мы тогда не поверили в донесения наших разведчиков по той простой причине, что их было слишком много, и все они были одинаковы. Они выглядели как дезинформация. Немцы в качестве средства дезинформации использовали правду! В нашей работе это обычное дело. Дело не в том, что есть правда и что есть ложь, а в том, во что верят как в правду и что отвергают как ложь. В жизни вообще правда есть лишь замаскированная ложь, а ложь — слегка подправленная правда. Агентурная сеть — не научно-исследовательский институт Академии наук, агентурная работа — не поиски истины. Мы имеем дело с

умонастроениями и поведением конкретных людей, а не с абстрактными истинами.

— Что было бы, если бы Сталин поверил в сообщения агентов и мы упредили бы немцев?

— Мы проиграли бы войну.

— Как же так?! Ведь в результате ошибки Сталина мы понесли такие потери!!

— Потери были неизбежны в любом случае, так как мы не успели подготовиться к войне. В будущей войне это не должно повториться.

Учитель был стар, но крепок здоровьем. А у ученика созрело желание занять его пост. Вскоре представился удобный случай: надо было найти козла отпущения за серию провалов в работе агентуры. Западник сумел убедить комиссию, расследовавшую причины провалов, в том, что виноват был его начальник.

Кремленология и кремлёвские «голуби»

Утром помощник положил ему на стол в его рабочем кабинете перевод новой статьи Социолога. Статья называлась «Кремленология и кремлёвские „голуби“». „Вы, конечно, знаете, что на Западе существует наука кремленология, изучающая самые интимные тайны жизни советских руководителей, — писал Социолог. — Согласно этой науке, ход мировой истории зависит не от объективных социальных законов (такие законы суть выдумка советской пропаганды), а от возраста, характера и внутренних органов советских руководителей. Сталин, например, был рябой, сухорукий, властолюбивый и коварный, в результате чего шестьдесят миллионов человек было безвинно уничтожено в ГУЛАГе. Хрущёв был толст и склонен к шутовству, благодаря чему произошла десталинизация советского общества. Брежнев страдал манией величия и с трудом шевелил языком, вследствие чего было подавлено чешское «восстание» и произошла советская интервенция в Афганистан.

«Потерпите немного, — предсказывает кремленология, — станут советские руководители помоложе и поздоровее в отношении внутренних органов, и Советский Союз повернётся в сторону западной демократии».

Так что вы теперь понимаете, — говорилось далее в статье Социолога, — почему почки кремлёвского «голубя» Юрия Андропова оказались в центре внимания мировой прессы. Если упомянутые почки подведут, власть в «Кремле» захватят «ястребы», и колесо истории повернётся не в ту сторону. А Запад убеждён в том, что только Андропов способен повернуть колесо истории в нужную сторону. Ведь он столько лет блестяще руководил КГБ (с точки зрения Запада — самой либеральной и самой продуктивной организацией в Советском Союзе). Он лучше других знает положение в мире! Он лучше других понимает нужды западных капиталистов!..

Но пусть кремленологи подглядывают через замочную скважину в закулисную жизнь Кремля. Не будем гадать о том, удастся ли бывшему

выдающемуся главе КГБ превратиться в заурядного Генерального секретаря ЦК КПСС (без чего он долго не продержится на своём посту). Не будем также гадать о том, хватит ли у него времени на то, чтобы стать вопиющим ничтожеством наподобие Брежнева (без чего он не сможет довести страну до ещё более жалкого состояния) и войти в историю в качестве выдающегося государственного деятеля. Обратимся хотя бы на несколько минут к объективным условиям жизни коммунистического общества. Возьмём такое «новаторство» андроповского руководства, как борьба против коррупции, против нарушений трудовой дисциплины, за повышение производительности труда и эффективности предприятий. Какое советское руководство и в какой период советской истории не делало этого? Эта борьба началась с первого дня существования советского общества и будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать это общество. Трезвый и объективный взгляд на коммунистическое общество обнаруживает, что на осуществление даже мизерных реформ, повышающих уровень его социальной организации и сохраняющих этот уровень на долгое время, требуется не один десяток бездарнейших генеральных секретарей партии и десятки лет ожесточеннейшей борьбы руководства страны против своего собственного народа-Любой серьёзный социальный эксперимент требует огромных усилий, терпения и времени. Заранее можно предсказать, во что выродится в ближайшие годы любое начинание, не считающееся с объективными законами общества. И заранее можно предсказать то, что любому ходу дела можно дать такую интерпретацию, согласно которой провал эксперимента будет выглядеть как выдающийся успех.

В газетах сообщают, говорилось в статье далее, что в Советском Союзе больше двадцати процентов руководящих партийных работников заменены новыми, и усматривают в этом «новый курс» нового Генсека. Любому советскому человеку известно, что это есть рутинное, нормальное и обычное явление перевыборов членов партийных бюро и комитетов, что это лишь отчасти связано с заменой лиц в руководстве, неизбежной и тоже нормальной в случаях смены самого высшего руководства. Если бы я был Богом, то назначил бы на все руководящие посты бескорыстных гениев, а на место Генсека — сверхгения, с которым абсолютно единодушны все прочие гении руководства. Сделал бы это для того, чтобы доказать, что и это сверхгениальное и неподкупное руководство стало бы поступать точно так же, как самое бездарное и коррумпированное. Если в самой стране накопились достаточно серьёзные предпосылки для преобразований и если объективные законы общества не препятствуют этим преобразованиям, то их может осуществить даже руководство, состоящее из одних болванов и жуликов. А если таких предпосылок нет и если желания реформаторов выходят за рамки объективных закономерностей социальной системы, то никакие серьёзные и стабильные преобразования не получатся.

Не буду больше утомлять читателей скучными социологическими рассуждениями. Хочу лишь в заключение спросить: известно ли западным

специалистам по советским делам то, что советские руководители думают не почками и печёнкой, а мозгами? Что они служат интересам Советского Союза, а не Запада? Что в Советском Союзе существует мощный, профессионально работающий аппарат руководства? Что кремлёвские «голуби» отличаются от кремлёвских «ястребов» лишь тем, что стремятся делать то же самое дело, что и «ястребы», но гораздо лучше «ястребов»?»

Он и Социолог

Хотя Социолог и был для него враг, но это был враг полезный. Из статей Социолога он узнавал о Западе больше, чем из донесений бесчисленных агентов. Донесения агентов были, как правило, переполнены несущественными пустяками, домыслами и априорными суждениями: агенты стремились сочинять свои отчёты так, чтобы они понравились в Москве. Они были совершенно не способны анализировать ситуацию в стране и делать обобщения. Статьи же Социолога были беспощадно правдивы и всегда касались самого существа дела. Поэтому Западник не спешил с завершением операции «Социолог»: ему хотелось сохранить этот источник мыслей для своего личного пользования. В своих отчётах начальству и в рекомендациях руководителям различных отделов ЦК КПСС Западник часто просто переписывал куски из статей и выступлений Социолога. Ничего из ряда вон выходящего в этом не было. Социолог был не первый и не последний враг, которого использовали в интересах КГБ и ЦК. Но кто-то донёс секретарю ЦК по идеологии и шефу КГБ об этом источнике мудрости Западника, благодаря которому он прослыл мыслителем. Это могло повредить Западнику. Тем более он и сам способен решать теоретические проблемы большого масштаба без какого-то жалкого эмигранта. Надо операцию «Социолог» постепенно вести к завершению. Лучше всего поручить это Немцу. Конечно, тем самым мы можем демаскировать самого Немца-Жаль, отличный агент. Но что поделаешь, на войне ка# на войне. Тем более в его последних донесениях чувствуются нездоровые настроения и усталость. Постарел. Сколько ему сейчас?

Рутин

Чтобы «убрать» советского человека, находящегося за границей, нужна санкция по крайней мере трех лиц из числа высших руководителей страны, в том числе того, кто курирует всю заграничную сферу советской секретной деятельности. Высшие лица были заняты другими, более важными делами. Их помощники просто не пропускали «наверх» такое ничтожное дело, каким им казалось дело дирижёра К. Время шло. Западник был вне себя от возмущения, хотя он давно привык к такой бюрократической волоките. Надо было давать разрешение на поездки другим лицам и группам, а гарантий, что они не последуют примеру

дирижёра, не было. Западник всячески откладывал эти поездки. Многие из них пришлось вовсе отменить. На Западе это заметили. В прессе заговорили об «ожесточении советского режима», о «тенденции к сталинизму».

А беглец почувствовал себя в безопасности и опубликовал резкую антисоветскую статью. Лишь после этого дело дирижёра стало предметом внимания на высшем уровне. На особом заседании Политбюро Западник был подвергнут резкой критике за «медлительность» и «бюрократическую волокиту». Критика была явно нацелена в самого Генсека. Но Западнику от этого было не легче. Возник слух, будто ему «на Политбюро шею намылили». Политбюро одобрило резолюцию совещания, имевшего место по поводу дирижёра, отметив, что это надо было сделать раньше. Одному из членов Политбюро поручили создать особую комиссию с целью изучить положение в сфере наших культурных контактов с Западом, навести должный порядок и принять меры, предупреждающие и исключаящие...

После заседания Политбюро Западник в мрачном Расположении духа уехал сразу домой, заперся в кабинете и обратился к единственному лекарству от всех советских болезней — к водке.

В нашей системе никакое серьёзное дело не сделаешь толком, так, как это требуется интересами самого дела. Либо делай так, чтобы Они не знали, и тогда на тебя обязательно донесут, и все твои усилия пойдут насмарку. Либо добивайся их одобрения, и тогда Они сами испортят все своим одобрением. Где выход? Выход очень простой: ещё одна бутылка водки.

Будь готов к войне

На совещании градостроителей вспыхнула острая дискуссия по вопросу, на какой срок рассчитывать новые дома. Одни настаивали на том, что дома надо строить с расчётом на сто лет. Другие же считали, что в будущей войне все дома будут разрушены, и потому рассчитывать на сто лет бессмысленно, достаточно и тридцати лет. Дома, рассчитанные на тридцать лет, возражали «столетники», начнут разрушаться уже через год, их придётся постоянно ремонтировать, что обойдётся дороже домов, рассчитанных на сто лет. Победила, как всегда, генеральная линия Партии: строить дома с расчётом на пятьдесят лет. Такие дома тоже начнут быстро разрушаться. Но в них можно будет до новой войны дожить без капитального ремонта. И совсем не жалко будет, если эти развалины превратятся в пыль во время войны (а ещё лучше — до войны).

Он и Генсек

Его отношения с Генсеком никогда не были отношениями равных и взаимно независимых партнёров, как это необходимо для дружбы. Он был всего лишь андроповским холуём, как о нем говорили в КГБ и в аппарате ЦК. Благодаря этому ему позволили подняться на вершину канцелярской

иерархии власти. Но в этом был свой минус: его положение оказалось полностью зависимым от положения его покровителя. Брежневский холуй Черненко благодаря холуйству выбрался в члены Политбюро. Ему же, Западнику, вряд ли удастся такое: Андропов не имеет впереди столько лет власти, как Брежнев. В их отношениях один мог позволить себе выдвигать идеи, другой же вынужден был находить для них подходящее оформление. Вот, например, их обычный разговор «за чашкой чая» (Генсек не пьёт водку из-за болезни). Генсек говорит о том, что народ распустился, а в верхах моральное разложение достигло критических размеров. Надо полностью реорганизовать всю систему управления. Надо произвести омоложение руководства на всех уровнях. Надо укрепить трудовую дисциплину, объявить решительную войну пьянству и коррупции. Надо наводить суровый порядок в стране. Сознательность и энтузиазм народа хороши, когда они подкрепляются разумными мерами принуждения. Брежневский стиль руководства себя изжил. Нельзя с порога отвергать сталинский стиль руководства. В нем были и свои достоинства. Западник соглашается, но вносит один «маленький корректив»: надо ставить вопрос не о сталинском, а об андроповском стиле. Именно благодаря андроповскому стилю руководства КГБ стал самой эффективной и прогрессивной (!) организацией в стране. Генсеку такой поворот мыслей нравится, но он призывает к скромности: и в работе КГБ были недостатки. Западник говорит, что недостатков не имеет лишь тот, кто не имеет достоинств, что если бы все учреждения страны удалось заставить работать так, как работает КГБ, то можно было бы спокойно спать.

— Именно заставить, — соглашается Генсек. — Наш народ добровольно не будет делать ничего, что идёт ему на пользу. Сталин был прав, когда говорил, что «наша историческая задача — заставить советский народ быть счастливым». Именно заставить!

Легко сказать — заставить, думает Западник. Теперь другие времена. Наш народ уже отравлен ложными Представлениями о райской жизни на Западе. И Запад следит за всем, что творится у нас, не упуская даже малейшего повода для антисоветской пропаганды, разъедающей наше общество. Пора с этим покончить. Чтобы заставить людей быть счастливыми, им надо запретить быть несчастными. А для этого надо нейтрализовать тлетворное влияние Запада. Наш идеологический аппарат с этой задачей справляется плохо.

Этапы пути

После нескольких крупных провалов советских шпионов на Западе вопрос о деятельности советской агентуры на Западе стал предметом внимания Политбюро. Некоторые члены Политбюро, чувствовавшие непомерное усиление влияния КГБ и его главы, стали поговаривать о необходимости «реорганизации» и об «укреплении руководства» КГБ. Это был самый критический момент в карьере нынешнего Генсека. Ему уже

был высказан упрёк за «излишнюю мягкость» в подавлении диссидентского движения внутри страны. Большинство членов Политбюро не могли понять, почему борьба против «ничтожной горстки отщепенцев», которых можно было ликвидировать в течение нескольких дней и даже часов, растянулась на много лет. Стоило большого труда убедить их в том, что в сложившейся обстановке со всех точек зрения было выгоднее растянуть расправу. Главная проблема заключалась не в том, чтобы уничтожить эту «горстку отщепенцев», а в том, чтобы нанести удар по социальной среде, порождавшей этих отщепенцев и поддерживавшей их. А для этого нужны были годы. «И мы блестяще справились с этой задачей, — резюмировал тогда свой доклад глава КГБ. — Теперь мы можем быть спокойны: мы не только разгромили диссидентство, мы уничтожили почву, на которой могло бы произрасти новое явление такого рода. Это особенно важно в случае войны: мы ликвидировали потенциальных предателей».

Тогда попытка «сковырнуть» одного из опаснейших претендентов на «престол» не увенчалась успехом, и он отделался устным упрёком в «излишней мягкости». Теперь положение сложилось более серьёзное. И тут в памяти Председателя КГБ всплыл образ Западника, когда-то написавшего иезуитски хитрое заключение о политической агентуре на Западе.

В послевоенные годы, писал Западник (и говорил шеф КГБ), мы совершили историческую революцию в агентурном деле за рубежом. Мы создали агентурную сеть, которая не имеет себе равных как по масштабам, так и по разнообразию выполняемых функций. Теперь нельзя назвать точку на планете, где бы так или иначе не присутствовала наша агентура. Во всех странах мира, во всех сферах общественной жизни есть наши агенты. Причём задача нашей агентуры выходит далеко за рамки традиционных задач разведывательных служб. Более того, в настоящее время доминирующим является активное вмешательство в жизнь зарубежных стран. Можно смело утверждать, что победа социалистического строя во многих странах мира была результатом деятельности нашей агентуры.

Далее шеф КГБ охарактеризовал планы на ближайшее будущее, от которых у членов Политбюро захватило дух. Особенно сильное впечатление на них произвели перспективы в Центральной и Южной Америке. Глобальная изоляция главного врага — США — выглядела вполне реальной.

В заключение шеф КГБ сказал, что в работе такого масштаба неизбежны и промахи вроде тех, которые имели место в последнее время. Но в сравнении с тем положительным, что достигнуто, это ничтожно малая величина. «Между прочим, — позволил он себе Пошутить, — наша агентурная сеть с точки зрения Научно-технических открытий во много превосходит нашу Академию наук».

Так Западник стал полезным самому могущественному человеку в стране. И тот не остался в долгу.

Рутина

Помощник сообщил, что дипломат П. опубликовал на Западе книгу, которая стала там сенсацией.

Ну что же, думал Западник, мы это ожидали. Особого вреда книга нам не причинит. Наоборот, она придаст больше веса нашим дипломатам и политическим руководителям. А главное — она отбросит на задворки настоящих критиков советского общества, поскольку она больше соответствует менталитету западных людей. В книге много забавных анекдотов, слухов, сплетён, интриг... Читается как приключенческий роман. А книги серьёзных критиков советского общества (вроде Социолога) вызывают скуку у массового читателя. Все идёт как запланировано. Единственная сфера советского общества, в которой планы строго выполняются, — это агентурная работа.

Этапы пути

Западник был одним из тех, кто выработал долговременную программу дезорганизации общественного сознания в странах Запада. Это ему принадлежала честь изобретения термина «внутренняя эмиграция» для обозначения всех тех, кто по тем или иным причинам вступал в конфликт с советским общественным строем, с его идеологией и с его системой власти. Он был одним из тех, кто горячо поддержал идею Юрия Андропова, что целесообразнее «внутренних эмигрантов» превращать в настоящих (во «внешних»). Таким путём не только легче будет уничтожить всякую оппозицию в стране, но даже будет возможно использовать её для замутнения сознания западных людей в той его части, которая касается взаимоотношений с Советским Союзом. Западник и в это дело внёс свою лепту. Он разработал детальнейший проект на этот счёт. Проект привёл в восторг обычно сдержанного Андропова. После этого Западник вошёл в число его (Андропова) ближайших друзей.

Проект был утверждён. Если бы о нем узнали на Западе, подумал довольный Западник, то сочли бы его кагэбэвской провокацией. Смешно получается: план практической работы КГБ воспринялся бы всеми как провокация КГБ! Расчёт был верный. План был выработан с расчётом на состояние умов на Западе и на условия западной демократии. В самом деле, кто на Западе поверит, что книга некоего А., ставшая сенсацией на Западе как разоблачение «секретов Кремля», была написана с ведома КГБ и на материалах КГБ с целью заглушить влияние других, действительно опасных для советского «режима», разоблачительных книг?! Кто на Западе поверит в то, что КГБ приложил немало усилий, чтобы раздуть одного ничтожного «борца против режима» К. до масштабов выдающейся личности, чтобы оттеснить на задний план или совсем заглушить С, личность действительно значительную?! Кто на Западе поверит в то, что те, кто искренне пытается раскрыть глаза западным

людям на фактическое положение вещей, не являются агентами КГБ?!

Запад есть наш верный союзник в укреплении нашего общества, думал Западник, в сотый раз получая подтверждение правильности андроповского (т.е. фактически его, Западника) плана. История достойна смеха: Запад помогает нам бороться против Запада! Западная демократия есть наше надёжное оружие в разрушении Запада!

Будь готов к войне

Подписали с американцами пятилетний план (и тут пятилетки!) поставок американского хлеба в Советский Союз. Население вздохнуло с облегчением: «америкашки» не дадут нам умереть с голоду! В сети политпросвещения усилили антиамериканскую пропаганду. Поставки хлеба в Советский Союз со стороны американцев при этом рассматривали как коварное стремление разжечь пожар мировой войны, а покупку хлеба в США со стороны Советского Союза — как искреннее стремление предотвратить мировую войну. В газетах напечатали письмо хлеборобов. «Над нами на Западе смеются, что мы своё сельское хозяйство из состояния упадка никак вывести не можем, — писали хлеборобы. — А мы могли, но мы предпочитаем пока использовать Запад. Это дешевле. И время не требуется. А если завтра война? Что лучше — погибнуть с улучшенным сельским хозяйством или победить с готовым американским хлебом? Но мы скоро огорошим Запад новым неожиданным манёвром. Они привыкли к тому, что мы покупаем у них продовольствие. И на будущее рассчитывают так же. А мы вдруг скажем: хватит! Жрите, господа капиталисты, свой хлеб сами! Мы им уже по горло сыты! Что они тогда запоят?»

Некролог

Скончался бывший крупный работник КГБ. Когда-то он был начальником Западника. Лет пятнадцать спустя, когда Западник стал обходить своего бывшего начальника, тот попытался подставить ему ножку, но потерпел поражение и был уволен на пенсию. С тех пор о нем никто не вспоминал в аппарате. А он, оказывается, все эти годы жил, одинокий, брошенный даже собственными детьми. И вот — некролог в центральных газетах, подписанный Генсеком и всеми членами Политбюро. Значит, жил человек не зря. Все правильно. Правильно, что жизнь таких людей отмечается такими некрологами. Это внушает спокойствие и уверенность в будущем. Когда знаешь, что, несмотря ни на что, твои заслуги будут оценены по достоинству, работаешь с большей отдачей сил. И он, Западник, когда-нибудь умрёт. И на него в центральных газетах будет напечатан некролог первой категории с ретушированной фотографией. И его некролог подпишут высшие лица страны, и он это знает. Конечно, на Кремлёвскую стену он не рассчитывает, но почётное место на Новодевичьем кладбище ему гарантировано. И от сознания этого

приходит спокойствие и уверенность.

Этапы пути

Шли годы. Постепенно Западник стал одним из ближайших помощников Юрия Андропова в деле создания советской агентурной армии на Западе и в деле разработки стратегии и тактики ведения агентурной войны. Здесь уместны именно выражения «агентурная армия» и «агентурная война» вместо выражений «шпионская сеть» и «шпионская деятельность», поскольку слово «шпионская» ориентирует на раздобывание секретов, а слова «сеть» и «деятельность» занижают масштабы этого феномена. Тут речь идёт именно об армии и о войне, в которой шпионская сеть и шпионская деятельность играют роль второстепенную.

Не думайте, что нужны какие-то выдающиеся способности, образование, ум и специальные многолетние исследования, чтобы добиться выдающихся успехов в этом деле. Принципы организации агентурной армии и ведения агентурной войны банальны и очевидны. От людей тут требуется лишь одно: признать их серьёзными и педантично воплощать в жизнь из года в год, из десятилетия в десятилетие. Рутинность, терпение, наглость и бесстыдство — и желаемый результат непременно будет. Вот некоторые идеи на этот счёт, которые пришли бы в голову каждому, кому пришлось бы заниматься этим делом профессионально (как Западнику).

Агентурная война

Агентурная война не есть изобретение одного только Востока. Она есть совместное изобретение Востока и Запада. Только роль партнёров в этой войне различна: один партнёр насилует другого, а другой легко поддается насилию, порою испытывая мазохистское наслаждение. Восток оказался способным создать свою агентурную армию на Западе и вести успешную агентурную войну. Запад оказался исключительно благоприятным полем деятельности для агентурной армии Востока. Не будучи в состоянии конкурировать с Западом в области экономики и технологии, Восток использует в борьбе с Западом те средства, которые больше соответствуют его социальной природе и его реальным возможностям. Удивительным тут являются не масштабы агентурной армии Востока, действующей на Западе, а то, что Восток пока ещё лишь в ничтожной мере использует свои реальные возможности на этот счёт.

Размах агентурной войны Востока на территории Запада характеризует не столько то, что из себя представляет Восток, сколько то, что из себя представляет современный Запад. Это явление не столько в «восточном» обществе, сколько в «западном». Это плата за западную «демократию». По условиям этой «демократии» восточные агенты оказались лучше защищёнными на Западе, чем те, кто по идее должен

был бы вести борьбу против них. Даже при чрезвычайно слабой контрразведке на Западе степень разоблачаемости агентов Востока оказалась зависимой не от технической способности контрразведки их разоблачать, а совсем от иных обстоятельств, в том числе от политических соображений, общественного мнения, прессы и т.д.

Агентурная война ведётся силами массы агентов, а не одиночками. Тут важно не качество агентов, а их количество, организация и распределение. При этом от агентов не требуется длительная профессиональная подготовка. Им не надо учиться стрелять, не надо овладевать приёмами каратэ, не надо иметь выдающиеся сексуальные способности. Они могут быть самыми заурядными индивидами. Они живут в стране, как правило, за счёт этой страны. Интерпретация их деятельности как несовместимой с их формальным статусом касается лишь незначительной их части и в исключительных случаях.

Представление об агентурной операции как о чём-то таком, что задумано, подготовлено и осуществлено силами агентов, давно устарело. К числу агентурных операций относится все то, что деморализует, дезорганизует и ослабляет данную страну, нарушает общественный порядок, вызывает беспокойство, сеет неуверенность, хаос и панику в массе населения. Наводнение. Снегопад, нарушающий нормальную работу транспорта. Эпидемия. Похищения бизнесменов. Покушения на политических деятелей. Угон самолётов. Взрывы. Катастрофы. Характер агентурных операций всему этому придаёт отношение ко всему этому агентуры Востока и её присутствие в этом. Когда на Западе начнут усматривать руку Москвы в лондонских туманах и в сексуальной распущенности молодёжи, КГБ сможет констатировать, что он хорошо поработал над психологическим и идеологическим состоянием Запада. Для любой агентурной операции, которую хотела бы совершить агентура Востока, на Западе найдутся люди, которые хотят или захотят сделать то же самое, способны сделать это или готовы оказать поддержку тем, кто способен сделать это. Задача агентуры Востока — знать таких людей, посеять в их мозги нужную идею или поддержать её, если она уже есть, стимулировать их активность.

Массовая агентура одной страны, действующая на территории других стран, явление в истории совсем не Новое. Вспомните, каких масштабов достигла агентура гитлеровской Германии в странах Европы перед Второй мировой войной. Советская агентура в Европе Мало ей уступала, а в некоторых отношениях превосходила. Но лишь в послевоенные годы произошёл качественный скачок в этом направлении: массовая агентура Востока на Западе превратилась в агентурную армию, а её деятельность — в агентурную войну. Завершился этот скачок в семидесятых годах. Он связан с именем генералиссимуса агентурной войны Юрия Андропова. Имена маршалов и генералов этой войны навеки останутся неизвестными человечеству.

Главное в агентурной войне не раскрытие неких секретов, а физическое присутствие в теле противника, способность поддерживать

агентурную армию из года в год и восстанавливать её в случае потерь.

Агентурная война имеет то достоинство, что ведётся на территории чужой страны и ведётся силами, почти полностью существующими за счёт этой страны. Это война целиком и полностью паразитарная. Главная её задача — разрушение внутренних самозащитных механизмов данной страны, её деморализация и дезорганизация, принуждение её к такому поведению, какое требуется для страны, обладающей этой агентурной армией. Агентурная война является фактически беспроигрышной для страны, ведущей её. Неразоблачённый агент наносит ущерб стране, в которой он действует, своей тайной деятельностью. А если агент разоблачается, то сам факт его разоблачения приносит этой стране ущерб удесятёрённый. Если при этом агент проник на достаточно высокий уровень социальной иерархии, факт его разоблачения порождает глубокий политический, идеологический, психологический и моральный кризис в стране. Последствия такого кризиса ощущаются многие годы и фактически не изглаживаются никогда. Они становятся фактом истории этой страны навечно. На Западе раздувают случаи перехода восточных агентов и дипломатов (как будто есть восточные дипломаты, не являющиеся агентами!) на сторону Запада. В агентурной войне и на этот счёт есть свои законы. Если восточному агенту или дипломату (т.е. тоже агенту) разрешено выехать на Запад, то это сам, по себе предполагает, что он не способен даже при желании сообщить слишком много о своей агентуре и нанести ей непоправимый ущерб. Если даже сам министр иностранных дел Советского Союза останется на Западе, это не будет катастрофой для советской агентурной армии, ибо он не знает и сотой доли того, что знает рядовой работник аппарата КГБ, которому поэтому не разрешается выезжать на Запад.

Набор агентов в агентурную армию зависит не от воли и желания кандидатов в агенты, а от воли и желания тех, кто осуществляет набор. Каждый может быть использован как потенциальный или актуальный агент. Все сто процентов советских граждан, выезжающих на Запад, должны рассматриваться как агентура КГБ. Это есть элементарная служебная формальность, играющая для советских людей такую же роль, какую в своё время играло крещение младенцев в христианских странах.

Нужно приучить всех людей к мысли: если ты не агент КГБ, то это означает вовсе не то, что ты мужествен и непоколебим, а то, что ты не попал в поле действия агентуры и что не принято решение использовать тебя в интересах агентуры.

Сын

Шеф КГБ... Кстати, почему это западное словечко «шеф» как-то незаметно вошло в употребление?! Председатель КГБ, которого сотрудники за глаза называли Шефом, как бы между прочим поинтересовался здоровьем Западника, его домашними делами, успехами детей.

— Трудно теперь с детьми, — вздохнул Шеф. — Не ценят тех благ, какие мы потом и кровью зарабатывали. Не понимают, в каком обществе мы живём. На Запад смотрят. Пора нам за наших детей всерьёз взяться... Дети — наше будущее. Судьба завоеваний революции зависит от наших детей.

Шеф говорил эти пропагандистские банальности неспроста. Западник чувствовал, что тут есть какая-то подоплёка.

Надо с сыном поговорить, подумал он. А то закрутился с делами, совсем семью забросил...

Сын от беседы уклонялся под разными предлогами. Отец был взбешён и предъявил ультиматум: либо в такое-то время сын явится для разговора, либо пусть пеняет на себя. Разговор походил на разговоры Западника с сослуживцами и начальством. Сын юлил, пытаясь выяснить, что отцу известно о нем. Отец юлил, пытаясь заставить сына проговориться и сказать что-то о его интимной жизни. Отец попробовал было говорить в том же стиле, как говорил шеф КГБ. Сын сказал, что он «этими пропагандистскими помоями сыт по горло». Отец назвал сына прохвостом. Сын не моргнув глазом сказал, что «яблочко от яблони недалеко падает».

Сын ушёл, не дослушав нотацию отца. В машине его ждали друзья — две накрашенные девочки, дочери народного артиста и академика, и сын маршала...

Дочь

Вечером его навестила дочь. Попросила «нажать» на Отдел науки ЦК, чтобы тот «нажал» на президиум Академии наук, чтобы тот «нажал» на «болванов» из института её супруга, чтобы те наконец-то избрали её супруга в члены-корреспонденты Академии наук. В конце концов, пора, он написал уже десяток статей и брошюру в издательстве «Московский рабочий». Другие академики и того не имеют.

Дочь очень рано вышла замуж за входившего тогда в моду артиста. Артист первым делом потребовал от молодой жены, чтобы её «высокопоставленный папочка» устроил им квартиру по крайней мере из четырех комнат. «Высокопоставленный папочка» устроил им квартиру всего из трех комнат, причём не в том районе, где хотел зять, «высокоодарённый творческий работник». Затем зять захотел стать заслуженным артистом республики. Пришлось ждать два года, и зять был этим чрезвычайно рассержен. Наконец зять предъявил ультиматум: либо «высокопоставленный папочка» устраивает ему главную роль в каком-то фильме (всё равно в каком), либо развод. «Папочка» предпочёл развод. Причём «высокоодарённый творческий работник» не получил ни квартиры, ни дачи, ни автомашины. И в фильмах его перестали снимать. И предупредили: если он не перестанет «рыпаться», ему придётся играть совсем иные роли где-нибудь на Чукотке. И бывший зять исчез из жизни моего Западника. Дочь сменила несколько кандидатов в мужья. Она могла

бы выйти замуж за молодого и преуспевающего дипломата. Но ей, как дочери моего Западника, было запрещено выезжать за границу. И от дипломатической карьеры ей пришлось отказаться. Поскольку в это время в среде чиновников входило в моду быть учёными, она вышла замуж за новоиспечённого доктора наук, числившегося в Академии наук, но работавшего на КГБ.

С дочерью все в порядке, думал Западник. У неё трезвая голова. Она своего не упустит и с пути не сойдёт. Правда, она совсем чужая. Но это уж её дело. Но вот сын... Проглядел я сына. А ведь способный парень. В школе ему сулили будущее большого учёного. Надо принять решительные меры. Какие? Отправить в Новосибирск? Или лучше в секретный научный центр, занимающийся космическими полётами? Или в армию?

Додумать мысль не удалось: позвонили от Генсека, попросили зайти на «чашку чая».

Рутин

Во всех газетах на Западе сообщили, что один видный политик собирается в Москву. Зачем? Кто его знает. Может быть, пошатнувшийся авторитет укрепить. Может быть, за прошедший период отчитаться. Может быть, из личной симпатии к старому или новому советскому руководству. Может быть, посмотреть легендарный Кремль, откуда все инструкции мировой политике исходят. В Царь-пушку заглянуть, яблочный огрызок в дуло бросить. Изумиться: сколько столетий эти таинственные русские огрызки и бутылки в эту пушку суют, а наполнить не могут! Вот это пушка! Так какое же оружие должно быть у этих русских в Сибири припрятано?! В Царь-колокол слезить. И опять изумиться: какой же шум с такими колоколами эти русские на весь мир поднять могут! Ему, западному политику, невдомёк, что Царь-пушка никогда не стреляла, а Царь-колокол никогда не звонил, что придуманы они были для устрашения врага. И хорошо, что они не стреляли и не звонили, — так оно страшнее было. Итак, собирается западный политик в Москву. С Самим беседовать. Честь-то какая — с Самим! Весь мир целую неделю только этим и будет занят. Все газеты, журналы, радио и телевизионные программы. «Слышали, — будут говорить все западные граждане, — этот... как его?.. не помню, как звать... ну, политик... глупый такой... Откуда? Из какой страны? Из какой партии?.. А кто его знает... Да это и не важно... В общем, в Москву летит! В Кремль! С Самим беседовать будет! Да, да, с Самим!..»

Побаивается политик, конечно. А вдруг на Лубянку попросят?! На всякий случай признает, что в коммунизме есть кое-что положительное... В общем, нельзя отвергать с порога. Советское руководство не хочет войны, и это главное! Надо садиться за стол переговоров! Он, политик, совсем позабыл, что из-за стола переговоров все враждующие и дружественные стороны не вылезают уже сорок лет. Если и вылезают, то чтобы сменить протёртые за этими переговорами штаны...

На страницы печати никогда не попадёт лишь одно обстоятельство,

связанное с намеченным визитом западного политика в Москву: то, что его кандидатура была намечена и обдумана в отделе моего Западника. За той самой чашкой чая, из-за которой Западник прервал ход своих мыслей. Генсек сказал ему между прочим, что неплохо было бы сейчас визит какой-нибудь устроить. Зачем? А просто так. Тут сам факт визита важен. Пусть приедет. Мавзолей посетит. Венок у могилы Неизвестного солдата возложит. С ним, с Генсеком, побеседует. О чем? Да ни о чём. О пустяках каких-нибудь. Тут не это важно, а весь антураж вокруг визита. Важно на виду быть. Показать, что «помирать нам рановато». Одним словом, обдумай подходящую кандидатуру там, на Западе.

В Отделе

Каждую неделю в отделе просматривают западные шпионские фильмы. Сотрудники отдела относятся к ним так, как они того и заслуживают: с презрением и насмешкой. Но смотрят фильмы с удовольствием. Западные разведывательные службы работают смехотворно плохо, зато фильмы о шпионах делают хорошо. Западник тоже иногда посещает эти просмотры. В таких случаях после фильмов происходят неофициальные обсуждения проблем агентурной работы. Многие ценные идеи родились именно в таких разговорах, порою в форме шуток и анекдотов.

Составом сотрудников отдела и их взаимоотношениями Западник доволен. Он сам отбирал сотрудников годами, принимая во внимание не только деловые, но и личные качества, важные с точки зрения единства коллектива. Дружная, деловая и даже весёлая обстановка в отделе Западника служила предметом зависти для сотрудников других отделов. Западника не раз упрекали в том, что он создал в отделе обстановку семейственности. Но придраться конкретно было не к чему. Западник отделялся шутками, обещая организовать в секторе склоку, дабы отдел выглядел как прочие.

Сотрудники других отделов прилагали немало усилий к тому, чтобы разрушить «семейную» обстановку в отделе Западника и посеять в нём настоящую склоку, которая является обычным явлением во всяком со-ветском учреждении. И надо признать, не безуспешно. В последнее время Западник стал замечать некоторое недовольство и раздражение в поведении своего заместителя. На совещаниях иногда стала вспыхивать излишне резкая перепалка.

Этапы пути

Ещё до прихода Юрия Андропова к власти Западник проделал огромную работу (через свою агентуру, конечно) по подготовке общественного мнения Запада к тому, что преемником умирающего Брежнева будет бывший глава КГБ, создавший беспрецедентную советскую агентурную сеть на Западе и решивший проблему разгрома

внутренней оппозиции в стране. Люди Западника позаботились о том, чтобы в западной прессе с уверенностью заговорили о бывшем шефе КГБ как о будущем Генсеке.

Главное возражение со стороны противников и конкурентов Генсека в Политбюро состояло в том, что бывшему шефу КГБ нельзя будет ездить на Запад (там будут массовые демонстрации протеста), что на Западе поднимется антисоветская шумиха, закричат о возврате к сталинизму. Западник подготовил для Политбюро справку на этот счёт. «На Западе, — говорилось в ней, — по данным нашей разведки, относятся положительно к тому, что новым руководителем страны будет именно бывший глава КГБ, поскольку, думают там, он хорошо осведомлён о фактическом положении как в стране, так и за рубежом. Никаких демонстраций протеста в этой связи на Западе не ожидается. Во всякое случае, мы приложим усилия к тому, чтобы их не было. Точнее говоря, мы их не допустим». И большинство членов Политбюро поддержало кандидатуру бывшего шефа КГБ, аргументируя это тем, что новому Генсеку надо будет сосредоточиться на преодолении внутренних трудностей и не надо будет ездить на Запад. Сталин ведь тоже не ездил на Запад. Пусть западные политики сами приезжают в Москву.

Интересно, что много лет назад тот же Западник принимал участие в дискредитации другого бывшего шефа КГБ — Шелепина, тоже претендовавшего на роль Генсека. Но обстановка в стране и в мире с тех пор настолько изменилась, что работа в КГБ стала ставиться в заслугу претендентам на роль Генсека. В аппарате всё большим уважением стала пользоваться идея, что будущие генсеки должны какое-то время работать в КГБ, — во главе общества, в котором почти все граждане так или иначе являются сотрудниками или помощниками КГБ, должен по праву стоять главный кагэбэшник.

Не следует, конечно, преувеличивать роль Западника в выдвижении бывшего главы КГБ на роль Генсека. В этом принимали участие сотни и даже тысячи сотрудников системы власти, среди которых были лица и повлиятельнее Западника. Но и он приложил к этому руку, причём таким образом, что его реальная роль стала заметной и была сильно преувеличена в сознании других. В результате среди противников Генсека в отношении к Западнику усилилась ненависть, а среди сторонников — зависть. Он предвидел это заранее. Но он не мог избежать той роли, какую ему навязывали обстоятельства. Его поведение, как и поведение прочих лиц в системе власти, не было делом доброй воли и свободного выбора.

Рутинa

Помощник доложил, что западногерманское телевидение хочет снять фильм о советском колхозе. Западник приказал «выделить» немцам для съёмок образцово-показательный колхоз в Белоруссии, причём поближе к границе, чтобы немцы не увидели настоящих советских деревень. Хотя немцы сами не стремятся к правдивому показу советской деревни, меры

предосторожности были все же нелишними: а вдруг в группе немцев будет американский шпион, который снимет незаметно кое-что такое, что иностранцам показывать не следует, и устроит потом с этими материалами антисоветскую фальшивку?! Западник настолько привык всякую правду о советской жизни считать клеветой на советский общественный строй, что саму возможность обнаружения кусочка правды о советской жизни называл антисоветской фальшивкой, употребляя это слово без кавычек. Колхоз, выбранный для показа по западногерманскому телевидению, был образцово-показательный, т.е. специально предназначенный для показа иностранцам. Но и несмотря на это, прежде чем туда пустить немцев из Западной Германии, нужно было ещё послать в колхоз под видом трактористов, комбайнёров и прочих представителей «деревенских профессий» специально отобранных людей с приличными лицами и здоровыми зубами, одеть их в новые и чистые комбинезоны, платья и костюмы, не уступающие современным западноевропейским, устроить такой обед в поле, какой не увидишь даже в среднем западноевропейском ресторане, короче говоря — изобразить такое процветание советской деревни, «чтобы немцам самим захотелось там жить» (это слова Западника).

Западник вспомнил анекдот, который рассказала ему дочь, когда ещё была школьницей. Воспитательница детского сада рассказывала детям о жизни в Советском Союзе. По её рассказу получалось, что жизнь в СССР — настоящий земной рай. Вдруг одна девочка заплакала. «В чем дело?» — спросила воспитательница. «Хочу в Советский Союз!» — ответила девочка. Аппаратчик на сей раз даже не усмехнулся, вспомни анекдот, над которым когда-то вся семья хохотала целую неделю. Вспомнил он также о фронтовом товарище отца, который всю войну делал из фанеры фальшивые танки, пушки, самолёты. Делал с целью отвлечь противника на ложные цели или создать ложное впечатление о мощи Советской Армии.

Помощник робко заикнулся о том, что немцы могут заподозрить «липу». На этот раз Западник не выдержал и громко рассмеялся. Заподозрят! Да они заранее на все сто процентов уверены в том, что им покажут типичную пропагандистскую «липу». Но дело в том, что они именно «липу» и хотят показать! Мы им ничего не навязываем, мы лишь помогаем им устраивать у себя дома свои собственные «липы».

Свежая идея

В беседе за упомянутой выше чашкой чая Генсек высказал «свежую» идею: предложить руководителям ведущих стран мира сесть за стол переговоров и обсудить с полной откровенностью все основные проблемы современности. Западник кивал головой в знак согласия, а про себя думал иное. Странно, думал он, стоит умному человеку (а ведь Генсек действительно умен!) дать высшую власть, как он превращается в самого заурядного болтуна. Ничего себе «свежая» идея! А чем мы занимаемся

все годы после войны?! Сидим за столом переговоров и делаем своё дело, ничего общего не имеющее с тем, что мы говорим при этих переговорах. Да и кто за столом переговоров говорит с полной откровенностью?! Генсеку, когда он был главой КГБ, лучше, чем кому-либо, было известно, что всякие разговоры об ограничении гонки вооружений и о разоружении нужны лишь для того, чтобы выиграть время для перевооружения. А теперь он бредит идеей разоружения. Неужели и он превращается в нечто брежневообразное?! Генсеку же Западник сказал, что бросит все силы агентуры на обработку общественного мнения Запада в духе этой «свежей» идеи Генсека.

Расставшись с Генсеком, он пил нечто более существенное, чем чай. Ночью ему приснился гигантский стол переговоров, растянувшийся от Вашингтона до Москвы. За ним сидели миллионы руководителей с длинными языками и с широко разинутыми ртами. Они болтали языками и размахивали руками. А за спиной у них скапливались полчища танков, пушек, ракет, самолётов, кораблей, солдат. Эти полчища заполнили оба полушария планеты. Наконец переговаривающиеся руководители ведущих стран мира склонились над столом с намерением подписать соглашения о всеобщем разоружении и о вечном мире. Это послужило сигналом их армиям начать военные действия. Стол переговоров исчез. Переговаривающиеся миротворцы превратились в генералов. Началась Великая Война.

Рутина

Помощник положил перед ним список выпускников школ и студентов, в большинстве — детей из привилегированных слоёв, отобранных для учёбы в западных университетах. Нужна его подпись. Он внимательно просматривает список. Это сын генерала, который будет начальником нового центра по подготовке специалистов по комплексным проблемам мировой войны. Отпадает: будет непременно объектом внимания западных разведок. Это сын заведующего крупнейшим в стране магазином. Парень — типичный балбес и прожигатель жизни. Но отец — полезный человек. Пусть едет. Хороший агент из него не выйдет. Но как приманка сойдёт. Этот и этот — толковые ребята, настоящие комсомольцы, из них выйдут отличные разведчики. Эта — дочь знаменитого артиста. Красотка, ничего не скажешь. Выйдет замуж за полезного нам человека. Пусть едет. Этот... Западник с удовольствием отправил бы и своих чад куда-нибудь на Запад. Они рвутся туда, но их не выпускают. Они негодуют на отца, думают, что это он запрещает. Но это не так. Просто он занят таким делом, что не могут его родственники выехать даже в страны советского блока.

Затем помощник положил перед ним список лиц, которым дано разрешение на эмиграцию. Список этот составлялся и утверждался в другом отделе. Западник имел право включать в него, в принципе, любое число своих агентов. Но он знал меру. Слишком большое число агентов

КГБ в числе эмигрантов могло вызвать раздражение секретных служб на Западе. Не подозрение (то, что КГБ включает своих агентов в число эмигрантов, было общеизвестно), а именно раздражение.

Наконец, помощник положил перед ним список деятелей культуры, которых целесообразно послать в страны Запада. Эти деятели культуры были отобраны из числа тех, которые на Западе считаются критически настроенными по отношению к «режиму». В их задачу вменяется изображать новое советское руководство как начало новой эры в эволюции советского общества «в направлении дальнейшей демократизации». Для большего эффекта отобранным представителям советской культуры разрешили высказывать критические замечания о своей стране. Инструктировавшие их сотрудники аппарата ЦК и КГБ внушили им, что они направляются на Запад как «посланцы Советского Союза», что их историческая миссия — «прояснить сознание западных людей в отношении сущности советского общества и намерений нового руководства». Большинство из тех, кто был в списке, уже не раз бывали на Западе, успешно выполняя задания не только ЦК, но и КГБ. Все эти люди были хорошо известны Западнику. Лично сам он относился к ним с презрением, зная им реальную цену. Но на Западе этих людей воспринимают всерьёз — они в духе вкусов и желаний средств массовой информации Запада и миллионов простаков и снобов. Их вклад в обработку общественного мнения Запада ощутим. Бегло проглядев список, он подписал его.

Сны и реальность

Иногда он засыпает, сидя в кресле. Спит минут десять. В этом он похож на Наполеона. Но в отличие от Наполеона, он видит сны. Сны ему снятся ведомственные. Вот сегодня ему приснилось, что западноевропейские страны в угоду Советскому Союзу признали советские деньги за конвертируемую валюту, причём по официальному советскому курсу: 100 рублей равны 90 долларам. В Советском Союзе начали срочно строить фабрику по печатанию денег, по мощности вдвое превосходящую все существующие. Генсек сказал, что по выпуску денег как по абсолютной величине, так и на душу населения мы в следующей пятилетке превзойдём США вдвое. Все его сослуживцы уехали на Запад покупать джинсы, дублёнки, приёмники, автомашины и продукты питания. Его помощник привёз целый мешок картошки. «Надолго хватит!» — сказал он, хихикая.

В тот момент, когда Западнику приснилось светлое видение — помощник с мешком западной картошки, — раздался звонок и вернул его к мрачной реальности.

— Дирижёр, — доложил помощник, — покончил с собой.

— Позаботьтесь, — сказал Западник, — чтобы инцидент получил огласку в западной прессе. Можно с намёками на «руку Москвы». Но не перебарщивайте. Одновременно организуйте статьи с намёками на «руку

Вашингтона».

Потом он отправился на очередное свидание с Великой Картой.

Великая Карта

«Рука Москвы» — это не есть лишь метафорическое выражение. Это объективная реальность, которая ощущается во всех точках планеты. На Западе чувствуют «руку Москвы», но стараются видеть её не там, где она есть, и не в такой форме, в какой она на самом деле ощупывает все части тела западного общества и постепенно тянется к его горлу. И Запад имеет свои серьёзные причины именно так реагировать на «руку Москвы»: Запад не есть нечто единое, подобно Советскому Союзу; корыстные интересы отдельных людей и отдельных социальных объединений тут гораздо сильнее, чем интересы Запада в целом в его противостоянии коммунизму как вне, так и внутри его.

Такое ложное представление Запада касается не только одной «руки Москвы» на Западе, но и всей Москвы, т.е. всего советского общества. Советское общество отражается в общественном сознании Запада через мощнейшие средства массовой информации и массового искусства, которые создают либо карикатурно-смешной и унижительный, либо карикатурно-устрашающий и тоже унижительный образ его. Десятки тысяч людей всякого рода, занятых советской темой и живущих за её счёт, пресекают в зародыше всякого рода попытки создать объективную картину советского общества, ибо эти попытки они воспринимают как угрозу их престижу и благополучию. Потому, несмотря на обилие конкретных фактов и на наличие людей, способных дать им объективно правильное истолкование, стена ложных представлений, разделяющих Восток и Запад, все растёт и крепнет.

Чтобы получить хотя бы самое первоначальное представление о том, что из себя представляет «рука Москвы» на Западе, достаточно взглянуть вот на эту Карту агентурной советской сети в Западной Европе. Десятки тысяч разноцветных электрических лампочек разместились на этой гигантской Карте так, что на самом деле чётко вырисовывается мощная рука. Большой палец её лёг на Скандинавские страны, указательный лёг на Англию, Бельгию и Голландию, средний вытянулся через Францию в Испанию, безымянный протянулся в Италию через Германию, Австрию и Швейцарию, мизинец проник через Югославию и Румынию в Грецию. Ладонь руки плотно прикрывает Западную Германию и Францию. Страны советского блока рука покрывает лишь постольку, поскольку она не может протянуться в ненашу Европу, минуя нашу её часть. Действительно рука, в прямом, а не метафорическом смысле. Только взглянуть на эту руку не так-то просто: она является одним из величайших секретов государства. Доступ к ней имеет всего несколько человек. Даже из членов Политбюро о существовании её знает лишь один человек — Председатель КГБ. Среди тех немногих, кто посвящён в её секрет, находится в первую очередь он, Западник, — инициатор и вдохновитель создания этого чуда современной

науки и техники.

Карта является его гордостью. Он ею гордится даже больше, чем реальной агентурной сетью, созданной под его руководством в Европе. Средств на эту карту потрачено не меньше, чем на реальную агентурную сеть. А может быть, и больше. Подавляющее большинство агентов живёт и действует за счёт средств, зарабатываемых на других должностях или вообще на Западе. Можно смело утверждать, что Запад фактически сам кормит советскую агентуру. И неплохо кормит. Из советских агентов пока ещё никто не жаловался на плохое содержание и не изъявил желания вернуться обратно домой. Не говоря уж о том, что значительный процент советских агентов суть граждане западных стран, рождённые и прожившие всю жизнь на Западе. Многие из них богаты и знатны. Многие занимают важные посты в правительствах и фирмах. Каков именно процент и как они распределены? Очень просто узнать. Нажмите вот эту кнопку на карте... Видите?.. Вы потрясены? А вот на этом табло вы можете увидеть точную цифру. Вас интересует возрастной состав? Пожалуйста! Профессиональный? Пожалуйста!.. Нажимаете вот эту кнопку «Военные». Видите, сколько западных генералов и офицеров состоят вольно или невольно на нашей службе?! С помощью же этой кнопки вы можете узнать в какой мере советская агентура контролирует правительства стран Запада. Содержание и эксплуатация карты обходится тоже в копейку, не меньше, чем содержание целого министерства. Но затраты эти вполне окупаются. Европа стоит и большего.

Стоит ли говорить о том, какой научно-технический гений вложен в эту карту. Трудно сформулировать проблему, касающуюся советской агентуры в Европе, на которую нельзя было бы немедленно получить чёткий и лаконичный, а главное — абсолютно надёжный ответ. Вас, например, интересует всё, что касается агента такого-то. Вот через это устройство даёте приказ соответствующим операторам. Теперь глядите на карту — на лампочки и на табло. Ага! Что это? Вспыхивают оранжевые лампочки вокруг лампочки, символизирующей нашего агента. Тревога! Это означает слежку. «Немедленно дайте указание такому-то, — приказываете вы, — выйти из-под наблюдения!»

Карта — его любимое детище. Он относится к ней как к живому существу. Он знает, что карта — единственное существо, которому можно полностью доверять. Она не переметнётся на сторону врагов, не распушит клеветнический слух, не сочинит предательский донос. Каждый день он проводит около неё по крайней мере один час. Карта есть явление эпохальное. Она сомасштабна величайшим продуктам величайшей революции. Она грандиознее всех семи чудес света, вместе взятых. Она есть божество. А божество не просто любят, ему поклоняются.

Он смотрит на Великую карту, и ему в голову приходит шаловливая мысль. Устроить бы сейчас международный конгресс советских агентов на Западе. Допустим, в Париже. В самом большом зале, чтобы тысяч Десять вместились. Это была бы сенсация! Съехались бы со всего мира видные политики, дипломаты, священнослужители, генералы, учёные, артисты,

спортсмены, художники, писатели, гангстеры... Мир содрогнулся бы от ужаса. А что, если в самом деле устроить такой съезд под каким-либо предлогом? Жаль, высшее руководство не позволит. Мол, ценную агентуру потеряет. А какая она «ценная», он-то знает хорошо. Два-три агента среди них действительно чего-то стоят. Остальных всех легко заменить новыми в два-три года. А на случай войны надо всё равно готовить агентурно-диверсионные войска на своей территории и потом забрасывать в страны Европы. Нынешнюю агентурную сеть можно увеличить хоть в сто раз, а её эффективность от этого не увеличится. Хоть всю Европу завербуй, всё равно положение не изменится. Мы достигли потолка эффективности — вот проблема!

Среди агентов есть, конечно, исключения. Они редки, как во всяком деле, в котором заняты тысячи людей. Любая массовая деятельность по самой своей природе требует тысячи заурядных людей и единицы выдающихся, ибо таковы сами исполняемые в ней функции. Из тысячи наполеонов лишь один может стать императором Франции, остальные обречены на роль заурядных офицеров или в лучшем случае более или менее удачливых генералов. У него есть такие исключительные агенты. Они суть его личные представители на Западе. Их задача — жить в предназначенной им стране, наблюдать, анализировать, обобщать, выдвигать идеи. Они должны знать и понимать страну так, как на то не способны никакие специальные службы и научные учреждения. Они суть Его органы чувств и мысли, вынесенные из Москвы далеко на Запад. Они суть щупальца спрута, мозг которого лежит в Москве. Они должны выполнять иногда особые задания. Но это нечасто. В общем и целом они суть «свободные охотники». Завидное положение! Живут в роскоши и комфорте. Свободны, как птицы. Сколько угодно женщин. Рестораны. Прекрасные города. Отели. Южные курорты. А он обречён тут терять жизнь за письменным столом. Но что поделаешь, долг перед историей обязывает...

— Дайте мне все о Немце, — приказал он дежурному офицеру.

II. Рука Москвы

Немец

Если человек занимается грязным делом, из этого ещё не следует, что он счастлив и что ему живётся хорошо. Хотя его называли Немец, он был по рождению и в основе своей русский. А раз ты был когда-то таким, ты до смерти таким и останешься. Ты можешь потерять все русское. Ты можешь жениться на сумасбродной, взбесившейся от миллионов наследнице западного миллионера, ты можешь стать уважаемым офицером в штабе армии западной страны, ты можешь стать доверенным лицом западного видного политика или близким другом какой-нибудь королевы, но ты никогда не потеряешь основного: судьбу русского

человека...

В тот момент, когда на Великой Карте в Москве зажглась лампочка с его личным номером и металлический холодный голос диктора начал сообщать Западнику данные о Немце, он мчался по немецкому автобану на немецкой машине из одного чистенького, похожего на «кухен» немецкого городка, славящегося средневековыми зданиями, в другой чистенький, похожий на «кухен» немецкий городок, славящийся средневековыми зданиями. Хотя он знает эти городки назубок, хотя он бывал в них десятки раз, все они слились в его представлении в один, до тошноты чистенький и похожий на тошнотворно-сладкий «кухен» городок с той же самой ратушей такого-то века, собором такого-то века, рыночной площадью такого-то века, конной или пешей статуей такого-то великого человека (здесь, в отличие от русских, все — великие)... И конечно же с шикарными ресторанами, отелями, витринами магазинов. Здесь в каждом маленьком городке есть всё, что есть в большом. Может быть, за исключением картинных галерей и опер, в которые он никогда не заглядывал, и сексуальных учреждений, в которые он заглядывал регулярно. Он употребил выражение «учреждение» в отношении к сексу. Это — не из чувства юмора и не с целью сатиры. На Западе секс давно утратил статус тайны и интимности. Все табу тут давно отброшены. Осталась чисто физиологическая техника (тут употребляют термин «инженерия»). Когда-то он, мечтая о Западе, думал прежде всего о женщинах. Баб там, думал он, сколько угодно. Любого вида. Любого возраста. Любого темперамента. Это впечатление у него сложилось на основе наблюдений, какие у него были в первые месяцы после войны в Германии. Он тогда не понимал, что это было счастливое время: война сосредоточила в этом месте большое число женщин всякого рода со всей Европы и сбросила их всех без разбора на самый низкий уровень бытия. Физический, духовный, моральный, культурный и прочий голод делал их легкодоступными, душевно отзывчивыми, близкими. Оказавшись теперь в сытой и богатой Западной Германии, он увидел, что тут нет абсолютно ничего такого, что отвечало бы его юношеской розовой иллюзии. Здесь все, связанное с женщинами, стоило денег, усилий, потерь. Истинность тезиса марксизма о «власти капитала» он ощутил прежде всего в своих общениях с женщинами, т.е. в самых фундаментальных человеческих отношениях.

И тоска по русским женщинам, отдающимся без всякого расчёта и отдающим безвозмездно все свои душевные силы, прочно поселилась в его душе. Ему не много потребовалось времени, чтобы поставить крест на том, что раньше называли чистым и прекрасным словом «любовь». Он выбросил это слово из своего лексикона», потому что здесь это слово приобрело значение известного нецензурного русского слова. Русский анекдот, в котором женщина спрашивает мужчину, любит ли он её, а мужчина отвечает вопросом «А что я сейчас делаю?», здесь не кажется смешным.

За словом «любовь» последовало слово «дружба». Пришло

ощущение одиночества. Пришло и уже не отпускало его ни на минуту. Он впал в панику и попросился обратно в Россию. Ему сказали: «Нет!» Ему сказали: «Ты знал, на что шёл. Так что изволь исполнять свой долг». Ему сказали: «Такие, как ты, никогда обратно не возвращаются. Выкинь эту надежду из головы раз и навсегда».

Возможно, Германия есть исключение на Западе. После разгрома в войне тут рухнули все сдерживающие начала. Состояние безнравственности и безответственности оказалось удобным для немцев. Они к нему привыкли и извлекают из него всяческую выгоду. Но по его наблюдению, и другие страны Запады движутся в том же направлении. А на горизонте — война.

Если уж речь зашла о таких серьёзных вещах, то он имеет на этот счёт определённое мнение, которое он вынашивал годами: Западная Германия есть ключ к решению всех основных проблем мировой политики как с той, так и с другой стороны. Борьба за Западную Германию скоро станет борьбой за лучшие исходные позиции в будущей мировой войне. И для него, для Немца, это хорошо: его ещё долго не спишут в расход, он ещё долго будет нужен Москве.

Мыслитель

В своих бесконечных разъездах по стране он привык размышлять. Однажды он шутки ради послал в Москву свои общие рассуждения о состоянии Западной Германии и её возможной роли в будущем. Из Москвы немедленно пришло распоряжение продолжать размышлять в том же духе. И он стал мыслителем. Агент-мыслитель! Было ли нечто подобное в прошлой истории?

Он не воспринял приказ Москвы всерьёз и ошарашил её подробнейшим «теоретическим» отчётом об американской армии в Германии и о бундесвере. В Москве поднялась паника: его данные не совпадали с теми, какие военная разведка собрала за последние десять лет. Его заподозрили в том, что он продался американцам и прислал дезинформацию с их ведома.

К счастью, его не успели убрать. Его информация стала подтверждаться новыми сообщениями военной разведки. Москва приказала ему прекратить «самодеятельность» и «не соваться не в своё дело». После этого он, проносясь на машине мимо объектов военного значения, лишь прищуривал глаза и презрительно усмехался. Ему предназначалась более грязная работа, требующая, однако, более высокого интеллекта, чем военная разведка. Как понять этот парадокс?

Свобода

Он мчался на максимальной скорости, на какую была способна машина. Мчаться вот так, стремительно обгоняя другие машины и виртуозно лавируя между ними в миллиметре от смертельного риска,

было единственным, что ещё волновало его. Он мог бы стать выдающимся гонщиком, как в своё время мог стать лётчиком-испытателем, но Москва запретила. Он с горя запил. Его навели «друзья» и предложили: либо кончай валять дурака, либо... Он выбрал первое. Свобода! Хороша свобода, если каждый твой шаг рассчитан в Москве и контролируется Москвою.

В Москве не имеют понятия о том, что такое свобода в западном смысле. За западную свободу приходится платить потерей той свободы, которую мы не ценим и даже не замечаем у себя дома. У нас люди свободны от тех внутренних забот, которые превращают нашу жизнь здесь, на Западе, в состояние непреходящего ужаса.

Думай что хочешь. Делай что хочешь. Говори что хочешь. Езжай куда хочешь. Выбирай что хочешь. Это все тут, конечно, есть. Но тут есть ещё кое-что другое. То, что ты захочешь выбрать или совершить, т.е. само твоё желание определено и предопределено другими людьми и от тебя не зависящими обстоятельствами. Чтобы наслаждаться свободой, нужны деньги. Их надо зарабатывать. А для этого из мира кричащих реклам, вопящих экранов и зовущих страниц журналов спуститься в преисподнюю общества. Он бы посылал советских пропагандистов на стажировку на Запад, причём без денег и без протекции. Пусть сами ищут работу и добывают средства существования. Впрочем, у них остаётся надежда вернуться домой с чемоданами дешёвых здесь, но безумно дорогих в России тряпок. Чтобы ощутить западную свободу сполна, надо потерять всякую надежду потерять эту свободу. Западная свобода для русского человека есть прежде всего одиночество.

Рутинa

Он только что выполнил задание Москвы, ничего общего не имеющее с его ролью «мыслителя». Оно касалось советского дирижёра, решившего остаться на Западе во имя свободы творчества. Он должен был обнаружить местонахождение дирижёра и устроить ему «неофициальную встречу с представителями советского посольства на нейтральной почве». Местонахождение дирижёра он обнаружил легко. У него возникло подозрение, что местные власти умышленно не очень тщательно скрывали его. Никакой охраны не было, если не считать служащих отеля. Он представился журналистом, и словоохотливый администратор рассказал ему больше того, что ему требовалось. Он связался с «представителями посольства» и сообщил им, что они могут нанести визит дирижёру без всяких формальностей и препятствий. И без предупреждения, конечно. На другой день он прочитал сообщение в газетах о том, что советский дирижёр, решивший остаться на Западе, повесился на своём брючном ремне в номере такой-то гостиницы. Повесился от тоски по Родине и страха одиночества. Вполне разумное объяснение, подумал он. Но чтобы повеситься на брючном ремне, надо основательно повозиться. Впрочем, полиция вряд ли посмеет проделать

следственный эксперимент.

Германия

Он ненавидел эту страну. Здесь он попусту растратил свою жизнь. Ни семьи. Ни детей. Ни друзей. Ни профессии. Ни любимого дела. Дороги. Города. Отели. Рестораны. Аэродромы. Короткие знакомства. И бесконечные газеты, журналы, книги, разговоры с незнакомыми людьми... Сначала это нравилось. Потом это было терпимо. Но вот на горизонте показалась старость, и на него повеяло ужасом одиночества. Иногда на него нападало нестерпимое желание вернуться в Москву. Но пока он сочинял письмо на эту тему, желание пропадало. А что в Москве? Там тоже ничего и никого. Жениться, обзаводиться детьми и друзьями уже поздно. Здесь, по крайней мере, уровень быта выше, чем в Москве. И он уже не сможет нормально жить в советских условиях. Он привык к свободе и комфорту. Так что надо в этой проклятой стране тянуть до последнего...

У него были знакомые из самых различных слоёв населения и самых различных возрастов и характеров, с которыми он иногда встречался в течение десятков лет: С некоторыми — довольно часто. И абсолютно никакой близости. Тут все рассчитано. Все экономится. Все за деньги. И в том числе — дружеские чувства и духовная близость. Чем больше даёшь человеку, тем ближе он тебе становится духовно. Однажды он вроде бы влюбился. И она его полюбила тоже — она сама первая призналась ему в любви. Они несколько месяцев жили вместе. Но они не могли прийти к соглашению по поводу каких-то мелких пустяков в брачном контракте, и брак не состоялся. И хорошо, что не состоялся, — так он решил, расставшись со своей любовью навечно и без всякого сожаления. Какой ужас, если бы у него появилась тут семья! Немецкая семья!.. Ну нет, лучше подохнуть в одиночку в доме для престарелых, чем в обществе практичных немецких членов семьи, которые наверняка сэкономят на его похоронах.

Мыслитель... Какой он мыслитель?! Одинокий человек, обречённый думать, чтобы хоть как-то заглушить тоску. Сегодня он решил не брать в машину очередную, свободную от предрассудков женщину, желающую передвигаться, жрать и спать даром. Выспаться решил. Смешно сказать — выспаться. Будет долгая бессонная ночь. И думы, думы, думы. Тяжёлые. Серые. И все одни и те же. Как же ему надоел этот Запад с его ложными и никчёмными проблемами! Как ему надоело думать... Не думать! Не думать! Не думать!.. Скорее бы советские войска пришли сюда. Здесь их давно ждут. С ужасом, но с облегчением. Хотя бы на несколько дней будет развлечение. Хотя бы раз он как следует напьётся со своими ребятами. Вот тогда немецкие женщины отдадутся нашим солдатам с удовольствием, бескорыстно и с чувством ответственности за судьбы цивилизации.

Рутина

Одно время он читал романы и документальные книги о шпионаже. Его удивляло почти полное несовпадение его реальной жизни как шпиона с этими описаниями. И он ни разу не сталкивался с реальным случаем, который был бы похож на литературные описания. Дело в том, что литература собирает воедино то, что разбросано по крупицам по многим лицам и событиям, а также сжимает во времени то, что в реальности растягивается на многие годы. Современная агентурная деятельность осуществляется множеством людей, на долю каждого из которых приходится что-либо само по себе незначительное, недостойное внимания литературы. Вот, например, целая группа осуществляет операцию «Социолог». Цель операции — не просто нейтрализовать бывшего советского учёного, высланного на Запад, но дискредитировать его и деморализовать так, чтобы был нанесён удар по всему тому, что тот говорил и писал. Собственно говоря, никакой операции в строгом смысле слова нет. Есть общая и весьма неопределённая установка. Тянется время. Происходят какие-то события. И при случае те или иные люди совершают вроде бы незначительные действия, которые вместе и в результате дают желанный эффект.

Самое гнусное в этой операции то, что обрабатываемый объект присуждён Москвою к сверхвысшей мере наказания — к полному, пронзительному, ледяному и испепеляющему одиночеству. Человек, передавший ему приказание Москвы насчёт Социолога, так и сказал прямо: «Твоя задача — довести этого человека до такого состояния, чтобы он на четвереньках пополз к границе Советского Союза с обещанием выполнить всё, что ему скажут, лишь бы ему разрешили умереть в России. Изолировать его для этого мало: это состояние пассивное. К нему можно привыкнуть. Нужно с него шкуру содрать, образно говоря, так, чтобы любое прикосновение причиняло невыносимую боль и чтобы никто... подчёркиваю, никто!., ему не посочувствовал и не протянул руку помощи. Нужно это делать открыто, но чтобы никто не замечал или не обращал внимания. Чтобы он вопил о помощи, но чтобы никто этого не слышал или чтобы слышащие затыкали уши. Понятно? Ну, да ты стреляный воробей. Ты — ас в этом деле. Не мне тебя учить».

Или вот другая операция. Здесь все чисто, никакой гнусности. И задание вполне определённое: вынудить такую-то фирму к сотрудничеству с Советским Союзом. Два года слежки за владельцем фирмы. Тоже не специально, а между делом и от случая к случаю. Сотни фотографий. Наконец — улов: несколько фотографий — владелец фирмы в банке в Швейцарии. Этого было достаточно для шантажа: фирмач имел тайный счёт в этом банке, а значит, укрывал от налогов какие-то суммы.

В последние годы его группе довелось принимать участие в операциях, масштабы которых в целом были известны лишь немногим лицам в Москве, — в расшатывании и деморализации руководящих политических, деловых и военных кругов Германии. Но и тут — скучная,

мелочная и довольно грязная рутина: сбор компрометирующих сведений об интимной жизни отдельных важных персон, провоцирование их на неблагоприятные поступки, распространение слухов и фальшивок. Конечно, если бы вся работа, проделанная советской агентурой в этом направлении, была предана гласности, это была бы сенсация. Но сенсация чисто газетная. Серьёзное объективное исследование эффективности этой деятельности не произвело бы никакого впечатления. В него бы не поверили. На Западе верят лишь в то, во что хотят верить, в то, что соответствует их навыкам и традициям верования. Вот если, например, какая-то важная личность подозревается в гомосексуализме, это вполне понятно. Тут есть о чём поговорить. Тут есть на чём показать силу западной демократии. А вот если вы документально точно опишете, как из тончайших и малюсеньких агентурных паутинок плетётся всеобъемлющая, густая и прочная сеть для целой страны с населением шестьдесят миллионов человек, в это не поверит никто. Это, скажут, типично советская болезнь. Правда, сама Германия когда-то шла тем же путём. Но то была Германия! Высшая раса! А тут какие-то русские, у которых даже туалетной бумаги, Жевательной резинки и джинсов нет!

Тревоги

С каждым годом события в России его интересовали все меньше и меньше. Он стал реагировать лишь на то, что так или иначе касалось его лично. Сообщение о том, что бывший глава КГБ стал Генсеком, изумило его. Чтобы человек из КГБ пришёл к власти, это было не в советских традициях наследования власти. Две прошлые попытки (Берия и Шелепин) провалились. Но ещё более его изумила реакция Запада на это: впечатление создавалось такое, будто Запад испытывал величайшее удовлетворение и облегчение. Мол, наконец-то во главе Советского Союза стал достойный уважения, хорошо информированный, трезвый и деловой человек! Поразмыслив несколько над этой, казалось бы, странной реакцией Запада, он пришёл к выводу, что как раз такая реакция является наиболее естественной. В мире многое изменилось. КГБ на Западе теперь уважают больше, чем свои секретные службы и правительства, и боятся ещё больше, чем атомной бомбы. Кто знает, может быть, теперь станет традицией для кандидатов в генсеки проходить тренировку в КГБ... Что же, от этого они глупее не станут. А нам, подумал он с усмешкой, агентам, здесь, на Западе, будет предоставлен дипломатический... нет, это слабо... лучше — агентурный иммунитет. Тебя ловят на месте преступления, а ты им в морду суёшь красную книжечку с золотыми буквами «КГБ». Они, конечно, извиняются за беспокойство. И в порядке компенсации за моральный ущерб сообщают тебе дополнительные секреты. Красота. Эти мысли мелькнули в его сознании, уступив место личной тревоге. А что, если в Москве начнут «повышать уровень» не только трудовой дисциплины и эффективности экономики, но и агентурной работы на Западе? Тогда и в этой области у нас будет положение, как в сельском

хозяйстве. Тогда не только хлеб и тонкую технологию придётся добывать в Америке, но и шпионов. И его, Немца, тогда спишут в расход.

Будущее России

Хотя он в Москве считался «свободным охотником», круг его обязанностей был определён настолько жёстко, что он с трудом выкраивал пару недель в году, чтобы отдохнуть. А на этот раз даже отдохнуть не удалось: Москва приказала присутствовать на международной конференции о будущем социальном строе в Советском Союзе после крушения там коммунистического «режима». Собрались две тысячи советологов и критиков советского «режима» со всего мира. Все ораторы единодушно утверждали, что советский «режим» вот-вот рухнет и что советский народ выберет, вне всякого сомнения, западную демократию. Такого идиотизма и в таком количестве ему ещё не приходилось слышать никогда. Он написал в Москву отчёт о конференции с перечислением её участников и подробными справками о них (вплоть до описания внешности, если не удалось сделать фотографию). Его сначала удивило то, что Социолог не был приглашён на эту конференцию. Но, послушав нескольких ораторов, он решил, что Социолог тут выглядел бы белой вороной.

Через несколько дней он прочитал интервью Социолога в одной незначительной газетёнке по поводу этой конференции. «Социальный строй не выбирают, — говорилось в интервью. — Выбирают президентов, сенаторов, депутатов... Выборы президента США или канцлера ФРГ ни в какой мере не являются выборами социального строя этих стран. Как вы себе представляете выбор социального строя? Что вы думаете, человеку при рождении показывают западную демократию и советский „режим“ и предлагают выбирать? Чтобы человек был способен выбирать, он должен вырасти, получить образование, приобрести жизненный опыт. А достигнув такого состояния, он уже приучается жить в той социальной среде, которая ему навязана, которую он был не в силах выбрать. Если человек протестует Против этой среды и борется против неё, он борется против недостатков этой среды, а не за достоинства другой, о которой он не имеет реальных представлений. Я уж не говорю о том, что советские люди, как и люди в любом другом обществе, не однородны. Протестующих единицы. Подавляющее большинство советских людей будет сражаться за свой плохой „режим“ с не меньшим ожесточением, чем западные люди — за свой хороший».

Странно, подумал Немец, что Москву так раздражает этот человек. Вот, например, за такое интервью в Москве должны были бы благодарность ему выразить. А там по этому поводу будут от злобы зубами скрипеть. Зато явно антисоветские высказывания других будут игнорировать. Почему? Москве не страшна никакая ложь о советском обществе, никакая клевета, никакая злобная критика. Страшна спокойная, бесстрастная правда, правда как таковая, правда в любой форме. Потому

для Москвы неприемлема даже правдивая апологетика советского общества. Правдивая апологетика вообще теряет качество апологетики и переходит в свою противоположность. Любая клевета на общество ближе апологетике, чем правда.

Он спросил себя, какой «режим» предпочёл бы он сам, старый человек, имеющий в избытке жизненный опыт? И он не смог ответить на этот вопрос. Оказывается, когда приходит жизненный опыт, проблема выбора отпадает. Тем более, что никакого выбора вообще нет.

В дороге

Он включил радио и отыскал советскую радиостанцию. Известный советский журналист-международник (какое нелепое слово — «международник»!) из кожи лез, стремясь доказать, что жизненный уровень на Западе на самом деле не такой уж высокий, как думают на Западе.

Болван, подумал Немец, выключив радио, надо признать, что жизненный уровень тут очень высокий, но пояснить, что это значит в реальности. Высокий уровень жизни сам по себе ещё не есть благо. Он на деле может быть хуже для людей, чем низкий. А главное — он не есть дело добровольного выбора. Он вынужден обстоятельствами. Если бы люди захотели жить на более низком уровне, у них ничего не вышло бы. Когда есть деньги в достаточном количестве, жизнь тут прекрасна. А если их нет?! Деньги ещё заработать надо. Квартира, машина, всякие страховки, больничная касса, отдых — здесь все это стоит дорого. Для массы людей это превращается в кошмар, преследующий их всю жизнь. Одурачивающая немецкая бережливость (и только ли немецкая?!) есть тоже вынужденное условие высокого уровня жизни. А как люди живут у себя дома между периодами короткого отдыха? А дети?.. Короче говоря, высокий уровень жизни на Западе содержит в себе не меньше зла, чем низкий уровень в России.

Инструктаж

Когда он входил в кафе, где должна была состояться его встреча с человеком из Москвы, в проходе столпилась группа турок-гастарбайтеров.

— Свиньи, — тихо сказала пожилая женщина своему мужу. — Гнать их надо отсюда.

— Они работают на нас, — ответил муж.

— Сегодня они работают на нас, а через два поколения мы будем работать на них.

— Ну, мы этого не допустим.

А вас и спрашивать не будут, подумал Немец. Вас уже не будет, а ваши внуки и правнуки будут иного мнения. Вот где лежит главная опасность для Запада! Не советские ракеты и танки, а ваши собственные дети суть главная угроза западному обществу...

На этот раз его инструктировал совсем ещё молодой человек. Он отметил, что Инструктор блестяще говорил по-немецки, без малейшего акцента. И всё-таки он чувствовал, что Инструктор не немец из Восточной («нашей») Германии, а настоящий Иван. В облике, в одежде и в манере держать себя в Инструкторе не было ничего такого, что выдавало бы русского. «Хорошо стали учить, — отметил он про себя, — не то что в наше время».

— Вам теперь надо сосредоточиться на пацифистском движении, — говорил Инструктор. — Надо это движение изучить всесторонне. И конкретно: я имею в виду людей. Демонстрации — дело важное. Но не следует преувеличивать их значение. Видите, на площади группа людей с плакатами? Они молчат за мир! Ну и пусть молчат. Для нас важнее умонастроения людей, лишь облекаемые в форму пацифизма. Существенное место в них занимает антиамериканизм. Вот в эту точку и надо бить. Надо сорвать размещение новых американских ядерных установок здесь. Пусть пацифисты требуют одностороннего (со стороны Запада) разоружения. В случае войны они будут требовать одностороннего прекращения военных действий. Конечно, практически они этого не добьются. Но свою долю в дезорганизацию Запада они внесут.

Верно, думал он. Но я бы действовал иначе. Пусть американцы размещают свои ракеты здесь. Пусть тратятся. И настроения антиамериканские тут усилятся. Это важнее. Ракеты скоро устареют, а настроения — нет. Надо здесь накапливать антиамериканские настроения. Спокойно, постепенно. Так, чтобы взрыв их произошёл не сейчас, а перед самой войной.

— Я привёз деньги, — наконец перешёл к сути дела Инструктор. — Я даю вам сорок тысяч, вы даёте расписку на пятьдесят.

Ого, подумал он, у них не только уровень подготовки выше, но и аппетиты тоже. Его предшественник урвал для себя всего пять тысяч.

— Зато вам налоги с этой суммы платить не надо, — сказал Инструктор, как бы прочитав мысли Немца. — В Москве говорят, будто тут даже когда грабители грабят человека, последний просит квитанцию, чтобы отнятые деньги сбросить с налогов.

— Совершенно верно, — холодно ответил Немец. — Так что будьте добры, напишите мне расписку в получении этих десяти тысяч.

Инструктор струхнул. Но деньги не вернул. И расписку не дал.

— Кстати, — сказал Инструктор, уже попрощавшись с ним, — с Социологом приказано закругляться.

Проза жизни

Деньги из Москвы он получал нерегулярно и самый минимум. В Москве же рассчитывали по московским критериям и думали, что он живёт как миллионер. Тысяча марок, например, по официальному советскому (а не западному) курсу означает более трехсот рублей. В Москве это огромная зарплата, а здесь за такие деньги не станет работать даже

безграмотная уборщица. А так как на чёрном рынке тысяча марок превращается в три тысячи рублей, то в Москве думали, что он живёт как мультимиллионер. Если бы он мог реализовать эту тысячу марок в Москве на чёрном рынке и жить по советским нормам там, в Москве, летая на ковре-самолёте на работу в Германию, его положению можно было бы позавидовать. А тут — ночь в гостинице, и минимум сто тридцать марок долой. Обед — двадцать или тридцать марок. Заправил бензобак — снова полсотни плати. Высокий уровень жизни на Западе означает прежде всего необходимость добывать много денег, а вовсе не лёгкость их добывания. Конечно, можно прожить и на то, что он зарабатывает сам. Но в таком случае его ценность как агента упадёт до Уровня дилетантов, каких тут тысячи.

Хорошо тем сотрудникам КГБ, которые работают тут под видом дипломатов, журналистов, всякого рода Представителей, а также туристов, членов делегаций, деятелей культуры. Они обеспечены средствами существования по другим, официальным каналам. Для них агентурная работа — развлечение и приработок.

Приближается старость. А у него ни денег, ни пенсии, ни постоянного угла, ни близких. Он все ночи напролёт думает о деньгах. Будь деньги — не было бы никаких тревог. За деньги тут можно все купить — и дружбу, и любовь, и заботу. Без денег здесь не имеешь ничего подобного, каким бы личным обаянием ты ни обладал. А какое может быть обаяние у старого человека, да ещё шпиона?! Стремление разбогатеть здесь вовсе не есть какое-то прирождённое корыстолюбие. Условия жизни вынуждают людей, от природы некорыстолюбивых, стремиться к богатству, подобно тому, как в Советском Союзе многие люди, не являющиеся карьеристичными от природы, вынуждаются делать карьеру.

И мечты

Он теперь чуть ли не каждый день «прокручивает» в сознании один и тот же сюжет. Вот он встречается пожилую миллионершу... Пусть старую!.. Чем старше, тем лучше — скорее умрёт. Он женится на ней. Она передаёт ему свои миллионы. Но эти мечты беспочвенны. Он встречал много миллионерш. Богатые старухи тучами шляются по миру. Но из них не выжмешь даже чашку кофе без сливок. Если бы он был юным прекрасным плейбоем, то, может быть, на него и клюнула бы семидесятилетняя грымза. И за десяток лет непорочной службы она бы отвалила ему пару сотен тысяч, не более. Но он не юн и не прекрасен. В молодости он был лётчиком — прекрасным принцем для русских девчонок в нищих, разорённых из-за войны или войной деревушек. Но для западных богатых старух лётчик всё равно что мусорщик. Многие из этих старух сами летают на своих собственных самолётах...

Что же остаётся? Продаться западным секретным службам? Но таких, как он, тут не покупают. Был у него один агент из невозвращенцев послевоенного времени. Сначала работал добросовестно. Но потом

почему-то проданся какой-то западной контрразведке. Его выманили в Москву как туриста и там расстреляли якобы за старые грехи. Но всем, причастным к секретным службам, было ясно, за что именно. И правильно сделали — урок. Кроме того, в Москве немедленно перекупили чуть ли не всех агентов той страны, которым было разрешено до сих пор считаться неразоблачёнными. Тоже урок. После этого он не знает ни одного случая, чтобы агентов такого рода перекупали на Западе. Желающих продаться, надо думать, полно. Но желающих покупать уже нету. Боятся!

Передышка

Обычно он останавливается в самых дешёвых отелях. Получив деньги из Москвы, он решил «шикануть» — снял номер в дорогом отеле. Надо несколько дней пожить на уровне благополучных людей. Посидеть в хороших барах и в ресторанах. Побродить по городу. В музеи заглянуть. Отдохнуть, короче говоря. Хороший ресторан, однако, оказался дорогим, но не таким уж хорошим в смысле еды. В музее ему стало скучно. В кино шли фильмы, от которых его давно мутило. Он вернулся в отель. Ему показалось, что в его вещах кто-то рылся, пока он гулял. Но среди его вещей не было ничего такого, что следовало бы скрывать. Он включил телевизор. Шла передача о состоянии сельского хозяйства в США и в СССР. Положение в США преподносилось как катастрофа для фермеров, а в СССР — как рай для крестьян.

Не может быть, подумал он, чтобы немцы, делавшие Передачу, не знали о том, что фильм о советском колхозе есть пропагандистская «липа» явно в просоветском духе. И всё-таки фильм сделали и показали! И миллионы немцев примут эту «липу» за чистую монету! При этом мало кто вспомнит о том, что Советский Союз из года в год закупает зерно в США, а в США оно производится в изобилии. Почему Советский Союз с его необъятной территорией и с такими процветающими колхозами не может прокормить сам себя?

Быть русским

Судьба Социолога была небезразлична ему, как судьба русского человека. Он уже давно заметил, что русскому деятелю культуры труднее войти в мировую культуру, чем любому другому. На Западе русских пускают в число выдающихся деятелей мировой культуры в исключительно редких случаях, да и то при этом стремятся занижить их фактические масштабы. А в Советском Союзе стремятся не выпускать выдающихся русских деятелей культуры в мировую культуру, навязывая неприемлемые для Запада заурядные фигуры. В деле уничтожения и занижения русских гениев Запад и Советский Союз едины.

Он, Немец, тоже гений в своём роде. Если бы собрать все его донесения, написанные в Москву за годы его агентурной работы, и издать в нескольких томах, то это могла бы быть мировая сенсация. Трудно

назвать какую-то сторону жизни Западной Германии, которую он не подвергал бы тщательному и беспощадному анализу. Жаль, он не оставлял для себя копии своих донесений.

Сбежали бы они куда-нибудь с Социологом, обработали бы эти бесценные материалы и... Впрочем, на этом «и» и пришлось бы остановиться. Никто на Западе не решился бы напечатать их труд. На Западе так же не любят правду о себе, как и в Советском Союзе. На другой день он покинул город раньше того срока, до которого собирался отдохнуть здесь. Когда он выходил из отеля, на какое-то мгновение ему показалось, что за ним следят. Внимательно осмотревшись, он, однако, не заметил ничего подозрительного.

Выбор пути

У одних выбор жизненного пути обусловлен серьёзными причинами, мотивами и обстоятельствами. У него же вся жизнь была делом случая. Случайно попал в авиационную школу и стал лётчиком. Неплохо воевал. Мог сделать военную карьеру. Но опять случай резко изменил ход жизни: в пьяном виде подрался с командиром эскадрильи, и его уволили из армии. После увольнения из армии он устроился в детский театр, минуя театральное училище, и быстро добился успеха. Ему доверили роль Серого Волка в пьесе «Красная Шапочка». Это возбудило зависть коллег. Они боялись, что его после этого возьмут в Художественный театр, где он будет играть роль Гамлета или даже Ленина. И они подстроили ему пакость, из-за которой его выгнали из комсомола и из театра. К этому времени он уже оказался на учёте в разведке: ценный кадр — знает немецкий язык и обладает артистическими способностями! Когда вербовавший его офицер сказал ему, что для разведчика очень важна способность перевоплощаться, он хохотал так, как не смеялся ни разу до этого. Так, смеясь, он и подписал своё согласие поступить в шпионскую школу. После этого он уже ни разу в жизни не смеялся. Лишь усмехался иногда, причём криво.

В шпионской школе он стал первым во всех дисциплинах, и ему стали прочить роль сотрудника посольства — самую соблазнительную роль в разведке, Имеющую все достоинства работы разведчика, но не имеющую её недостатков. И опять вмешался нелепый случай, отбросивший его на самую низшую ступень Шпионской иерархии: на экзамене он перенёс столицу ФРГ в Западный Берлин. В эту «столицу» его и направили под видом перебежчика-немца.

Кличку Немец ему дали ещё в полку: он был белобрыс и хорошо говорил по-немецки. Эту кличку сохранили за ним и в КГБ.

Разочарование

Работа в качестве агента не принесла ему удовлетворения. Он мог бы стать гением в подрывной и разведывательной работе на Западе, а его

заставили заниматься мелкими и грязными делишками. Он даже стал подумывать о том, чтобы перейти на сторону Запада по той причине, что советская система не даёт ему возможности развернуть свои способности по причинению зла Западу. Но вспомнил, что у него уже был предшественник: Пеньковский. Тот стал английским шпионом в знак протеста против того, что не мог реализовать свои шпионские таланты в качестве советского шпиона на Западе. Тогда это была сенсация на Западе. Но Пеньковский был шпионом Запада в Москве. А зачем Западу свои западные шпионы у себя на Западе, да ещё талантливые?!

К тому же Запад оставался для него лишь полем деятельности, а не объединением близких ему человеческих существ. Он ощущал себя тут одиноким охотником во враждебных джунглях, охотящимся не на грозных и прекрасных зверей, а на жалких и омерзительных червяков. Непосредственно обслуживающих его агентов он воспринимал лишь как аксессуар охотничьего снаряжения. С этими людьми у него тем более близости не могло быть. Они вызывали в нём антипатию, переходящую в отвращение.

Он забросил все дела и запил. Из Москвы прислали человека привести его в норму. Московский «врач» предложил поехать в тёплые края — позагорать, с девочками побаловаться, отведать вин...

— Тебе плохо, — сказал московский «врач». — Но не ты первый, не ты последний. И ты ведь русский Иван, а не кто-нибудь! Ты же боевой офицер! Сколько раз смерти в лицо смотрел? А тут раскисать от какой-то ностальгии!.. Мы можем тебя отозвать. Но ты думаешь, что в Союзе тебе лучше будет? Месяц-другой будет немного легче. А потом? Ты же потом от тоски по этому проклятому Западу повесишься. Проверено. Не ты первый, не ты последний.

Когда они разговаривали в таком высоком стиле о проблемах жизни и смерти, появилась группа подвыпивших советских моряков. Они окружили клетку с попугаями и битый час учили их говорить слово «дурак». Но безуспешно. Попугаи бормотали что-то своё.

— Видишь, — сказал он своему московскому утешителю, — чему мы учим Запад, и к тому же безуспешно. Сколько тысячелетий потребовалось человечеству, чтобы вскарабкаться на вершины современной цивилизации. А что мы несём в мир? Подлости, моральную деградацию, страх, халтуру, чувство ненадёжности и неустойчивости.

— Не будь таким наивным, — говорил московский «врач». — Если бы мы имели в запасе столетия, то и мы тоже начали бы карабкаться вверх. И уверяю тебя, мы за сто лет вскарабкались бы выше Запада. Но у нас этого столетия нет. Есть, может быть, десять или от силы двадцать лет. А нам нужно победить во что бы то ни стало. Разгромим Запад, тогда у нас в запасе будет вечность. Тогда мы восстановим все ценности западной цивилизации, разовьём новые и вознесём человечество на такие высоты, какие тут и не снились.

Он не стал тогда спорить. Кто знает, может быть, тот «врач» был прав. Но оправдывает ли потенциальное благородство далёкого будущего

актуальную подлость нашего времени? Этот вопрос, который мог стать поводом терзаний для героев Достоевского, оставил его равнодушным.

Когда они уходили, один из попугаев вдруг отчётливо произнёс русское слово «дурак».

— Видишь, — сказал московский «врач», — наши усилия не пропадают даром!

Они рассмеялись. А попугаи хором долго ещё кричали им вслед: «Дурак!», «Дурак!», «Дурак!»...

Мысли в дороге

Его жизнь — движение. Его дом — дорога. В дороге он думает. Думает хаотично, не различая серьёзного и пустяков, анекдотичного и драматичного, личного и чужого. Устав думать, он включает радио. Вот выступает известный политик. Говорит о том, что если на Советский Союз надавить сильнее, то он будет вынужден «либерализоваться».

Какая чепуха, думает он. Но наше руководство тоже не блещет интеллектом и выдержкой. Во всем какая-то незавершённость, недоделанность, половинчатость. Во всем неспособность идти до конца. Наши высшие руководители делают грубую ошибку, заботясь о своей репутации на Западе. На Западе это истолковывают как слабость. Лучше плохая репутация сильного и независимого, чем хорошая слабого и послушного. Чем хуже о нас пишут и говорят на Западе, тем лучше для нас. Вообще было бы полезно довести плохое мнение о нас на Западе до уровня абсурда. Тогда его можно было бы очень быстро изменить на противоположное.

Рутинa и творчество

Он перестал ощущать себя рядовым советской незримой армии, атакующей Запад. Он отвык от высокопарных выражений насчёт советской агентуры и привык рассматривать свою работу как серую рутину, вытягивающую из него все человеческое. Он стал относиться к себе как к машине, выполняющей чужую волю. И заботился лишь только о том, чтобы машина работала исправно. Его русский язык стал бедным и невыразительным. Он думал по-немецки. И сны видел по-немецки. Это внесло немецкую педантичность и формалистику во всю его работу, но убило в нём живое русское творческое начало. Он стал замечать, что чем лучше и безупречнее он лично и его группа работает, тем мизернее становились результаты работы по существу. Из работы исчезло то, что можно было бы назвать элементом открытия, изобретения. Немецко-западные критерии оценки происходящего и самой деятельности его организации оттеснили критерии русские — халтурные, неопределённые, но в конечном счёте гораздо более здравые и жизненные.

Надо бы всю эту нашу лавочку прикрыть, думал он не раз, и начать

снова. Начать с нуля, на пустом месте, но творчески. Но именно это-то и исключено. Почему? Вот над чем стоит задуматься. Если уж в нашем шпионском деле мы оказались врагами творчества, так что же говорить о науке, технике, культуре, управлении!.. А что, если наша историческая роль на самом деле состоит именно в убийстве всего творческого в человечестве?! Возможно, что история породила нас только для того, чтобы сказать человечеству: «Стоп!» И возможно, что это «Стоп!» есть проявление инстинкта самосохранения человечества. Гипертрофия творчества уже стала смертельно опасной для человечества.

Мозговые вопросы

Такого рода вопросы захватывали лишь его мозг, оставляя его равнодушным как к самому процессу думания, так и к его результатам. Он их называл «мозговыми вопросами». Его устраивал любой ответ на них. И никакой ответ на них не удовлетворял его. Любой ответ других людей на них раздражал его и вызывал возражения.

Наша эпоха, думал он, вообще есть эпоха «мозговых вопросов». Холодная, бездушная, расчётливая и продажная эпоха. Эпоха недоверия ко всему и ко всем. Эпоха безразличия ко всему и ко г.см. Даже когда организуются какие-то действия, связанные с эмоциями, все они рассчитаны заранее. В наше время даже голодают под надзором врачей или в расчёте на насильственное питание. И непременно в расчёте на сенсацию в прессе.

Голодающие ушли на обед

Несколько советских эмигрантов и западных интеллектуалов, вовлечённых в советские проблемы, устроили голодовку в Гамбурге в знак протеста против каких-то действий советских властей. Ему приказали дать подробную информацию об участниках голодовки и о ходе её. Зачем? В газетах и без того информация на этот счёт имеется в избытке. Но приказы не обсуждают. Он поехал в Гамбург, хотя были более важные дела в другом месте. Голодающих, однако, в том месте, где они, согласно газетам, должны были жертвовать своим здоровьем во имя справедливости, демократии и ещё чего-то, он не нашёл. Кто-то сказал ему, что они ушли обедать в ресторан вместе с журналистами и врачами, следившими за их здоровьем.

Ждать у него не было времени. И он послал в Москву самое короткое за всю его работу на Западе, но самое ёмкое сообщение: «Голодающие ушли на обед». Реакция Москвы осталась ему неизвестной.

Просматривая газеты

На первой странице газеты — фотография австралийского премьер-министра в обществе красивых женщин на берегу океана.

Премьер-министр бесследно исчез двадцать лет назад. Считалось, что его съели акулы. Но вот некий дотошный журналист установил, что премьер-министр был китайским шпионом и сбежал в Китай на подводной лодке. «Величайший шпион в истории человечества!» — вопят жирные чёрные буквы с газетной страницы.

Что этот премьер-министр был китайским шпионом, в этом нет ничего особенного, думает он. Но есть неписаное правило шпионской этики: если шпион начал делать большую карьеру, его уже не используют как шпиона. Ему не мешают добровольно работать в пользу страны, шпионом которой он является. И какой он величайший шпион?! Премьер-министр не может быть даже заурядным шпионом. Все, что он может сообщить, гораздо лучше известно и без него. Да и влияние его на ход истории практически равно нулю.

Опять фотография. На сей раз советского шпиона в Англии. Шпион — офицер военно-морского флота. Передавал секретную информацию в советское посольство в течение двадцати лет. Ему угрожает тюремное заключение на шесть месяцев или штраф пятьсот фунтов.

«Из компетентных источников стало известно, — сообщает газета, — что Советский Союз намерен обменять этого шпиона на английского шпиона в СССР, тоже бывшего морского офицера, пытавшегося передать секретную информацию в английское посольство и осуждённого за это на пятнадцать лет лагерей строгого режима».

Прекрасно, думает он. В результате этого взаимовыгодного обмена мы будем иметь нового шпиона в Англии и эксперта по английским военно-морским силам в Советском Союзе. На Западе никак не хотят признать, что мы их в чём-то можем превзойти. Тут довольно часто поднимают шум по поводу советского шпионажа на Западе. Но никогда не допускают даже малейшего намёка на признание того Факта, что советский шпионаж на Западе качественно превосходит разведывательные службы Запада. Устроили бы международный конгресс шпионов. Какой жалкий вид имели бы западные шпионы в сравнении с нашими! Впрочем, мы не смогли бы использовать свои преимущества. Как всегда, западные ничтожества были бы раздуты до масштаба гениев, а наши гении были бы низведены до уровня ничтожеств.

Суэта

И всё-таки работаем мы плохо, из рук вон плохо, думает он. Мы не используем свои возможности и на один процент.

Полгода назад ему представилась возможность купить чиновника, имеющего доступ к важным государственным секретам. Он послал в Москву сообщение об этом с просьбой разрешить ему, Немцу, провести операцию на свой страх и риск, гарантируя успех. Хотя проблема была экстренной важности, хотя решение по ней следовало принять в течение нескольких дней, он так и не получил ответа. По некоторым признакам он догадался, что вербовку поручили офицеру КГБ, занимающему

официальный пост в посольстве, и операция провалилась. Чиновник потерял свой пост, а советский «дипломат» срочно покинул Германию.

Когда началась массовая эмиграция из Советского Союза, казалось, что настали райские дни для советской агентуры на Западе. Но советские эмигранты за редким исключением оказались никудышными агентами. Они халтурят, врут, предают и продают налево и направо. Единственным положительным эффектом от неё на Западе оказалась шпиономания и преувеличение мощи КГБ.

От скуки он начал вычислять коэффициент полезного действия агентуры. И обнаружил, что это бессмысленно. Агент исключительно редко совершает действия, непосредственно являющиеся агентурными. Но вся жизнь его в стране с многими тысячами действий, казалось бы не имеющих отношения к агентурной работе, есть агентурная операция. Агент очень редко приносит пользу своей стране. Чаще он должен причинять ей вред, чтобы быть в состоянии иногда принести пользу. Один из его подчинённых больше десяти лет занимается антисоветской деятельностью. Пользы от него, как говорится, кот наплакал. Иногда даёт кое-какие сведения для фельетонов в советской прессе. А в Москве его считают ценным агентом.

На его глазах происходило стремительное размножение советской агентуры в Западной Европе и одновременно с этим измельчение её операций. Его исключительное положение «свободного охотника» потеряло всякий смысл. Почти все поручения Москвы, выполненные им в последние годы, не требовали никакой особой квалификации. Их могли выполнить начинающие агенты, не имеющие профессиональной подготовки. Virtuoz агентурной работы был ни к чему. Он напоминал себе виртуоза скрипача, вынужденного играть на балалайке в колхозной самодеятельности.

Он перестал быть советским человеком, но не стал западным. Он утратил многие недостатки советского человека, но не приобрёл вместо них достоинств человека западного. Он оказался в положении инопланетянина, которому все в этом мире было чуждо, с точки зрения которого все было достойно лишь насмешки и презрения. Даже тогда, когда он видел очевидные преимущества советской агентуры в сравнении с западной, он в этих преимуществах видел недостатки. Но в слабостях Запада он не находил достоинств.

Ему приходилось разговаривать со многими людьми различных национальностей и различных категорий. Но у него не было ни одного случая полного взаимопонимания. Он сразу обнаруживал ограниченность собеседников. И ему становилось скучно.

Социолог

За операцию «Дирижёр» его наградили орденом, что его не обрадовало. За медлительность в осуществлении операции «Социолог» ему сделали выговор, что его не опечалило. С Социологом он медлил

умышленно, потому что был согласен с его идеями, которые он вычитал в одной из статей Социолога. Социолог прав в главном. Чтобы иметь глубокий и устойчивый успех Советскому Союзу на Западе, надо иметь сначала успехи у себя дома, и прежде всего — в культуре. Надо сначала в сфере духа обогнать Запад. А для этого надо таких, как Социолог, у себя дома беречь, а не выбрасывать сюда. Даже жестокая критика советского общества советскими людьми есть элемент советской культуры. Мы были новаторами в построении нового общества. Мы должны стать новаторами и в его понимании, а значит — и в его беспощадной критике. Не самовосхваление, а критика самих себя есть основа нашего утверждения в мировой истории. Вот пятимарковая монета. На ней — Маркс. Юбилейная монета с изображением основателя учения, под знаменем которого разрушают капиталистическое общество! Почему тут выпустили эту монету? Да потому, что марксизм есть существенный элемент немецкой истории и культуры. Немцы бережливы. А мы расточительны.

Приказ Москвы завершить операцию «Социолог» его насторожил. Что-то в этом приказе было отклонением от нормы. Ему показалось, что в Москве тем самым хотят одним выстрелом убить двух зайцев: убрать Социолога и подвести под удар его, Немца. Но он отбросил это подозрение. Приказы не обсуждают, а выполняют. У него в жизни ещё не было случая, чтобы он приказ не выполнил.

Просматривая газеты

В газетах краткое сообщение о том, что в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС по вопросам идеологии. Немец представляет, какое это было грандиозное мероприятие. Сотни партийных руководителей и профессиональных идеологов съехались в Москву со всех концов страны. Иностранцы. Представители. Друзья. Враги. Наблюдатели. Журналисты. Тысячи аппаратчиков на всех уровнях власти и во всех районах страны были вовлечены в подготовку и проведение Пленума. Западные люди просто не в состоянии вообразить, сколько советских граждан было затем занято изучением и пропагандой материалов Пленума, какие титанические усилия страна приложила к этому. А на Западе на это эпохальное событие не обратили почти никакого внимания. Зато все средства массовой информации переполнены материалами по поводу ассистентки зубного врача, которая плюнула в рот склочного пациента. Фотографии в газетах. Телевизионные передачи. Были забыты все знаменитейшие женщины века, включая Индиру Ганди, мать Терезу, леди Диану, Железную Леди и погибшую в автомобильной катастрофе монахскую принцессу, которую тут хотят зачислить «в клику святых» (так истолковали советские газеты выражение «причислить к лику святых»).

Между прочим, на упомянутом идеологическом Пленуме ЦК КПСС сотни и тысячи советских руководителей и аппаратчиков наплевали в душу Западу. Ну и что? Ровным счётом ничего.

Как в кино

Теперь он мчится в Бонн, где намечена грандиозная пацифистская демонстрация. Километрах в стах от Бонна его остановил полицейский патруль. Полицейский унёс его документ и вернул лишь через десять минут. Возможно, это обычная проверка. Сейчас в Бонн со всей Европы стекаются всякого рода тёмные личности. И террористы, конечно. Но бережёного Бог бережёт. В таких случаях он привык принимать свои меры предосторожности. Неподалёку отсюда у него есть «точка», где он может изменить номер машины и внешность. «Точка» — советская женщина, вышедшая замуж за немца. Инцидент с проверкой документов встревожил его. В последнее время он стал интуитивно ощущать, что в окружающем его мире происходит что-то, порождающее в нём состояние тревоги. Прежде чем ехать к «точке», он позвонил ей по телефону — предупредить о своём приезде и узнать, все ли у неё в порядке. Потом внимательно осмотрел улицу, где находился дом «точки». Не заметив ничего подозрительного, въехал в открытый специально для него гараж и через внутреннюю дверь вошёл в дом.

Пока Немец сбривал усы и бороду и менял одежду, муж «точки» сменил номер его машины. Выждав, когда стало смеркаться, Немец снова помчался по направлению к Бонну.

Бонн

Все гостиницы в Бонне были переполнены. Номер для него был зарезервирован на имя, от которого ему пришлось отказаться. Чтобы заполучить этот номер, ему пришлось дать взятку и ждать несколько часов, чтобы администратор убедился в том, что номер действительно свободен. Машину на всякий случай он оставил на стоянке довольно далеко от отеля. С собою в отель взял чемодан, который в случае чего будет не жалко оставить, — это был один из приёмов, который уже не раз выручал его.

Из соседнего номера вышли двое мужчин. Немец сразу догадался, что это «земляки». Когда они громко заговорили по-русски, Немец невольно вздрогнул. Один из «земляков» был невысокий и толстый, говорил баском. Не басом, а именно баском. Другой был тощий и высокий, говорил тенорком. Не тенором, а именно тенорком.

— Готов пари держать, — сказал Басок, кивая на Немца, — что этот тип наверняка из ЦРУ. Его специально рядом с нами поселили, чтобы за нами следить. Так что будь начеку!

— Самой собой разумеется, — поддакнул Тенорок. — Не в первый раз.

Массы

До намеченной демонстрации ещё оставалось два дня, а город и его окрестности уже были битком набиты будущими демонстрантами, полицией, агентами секретных служб, журналистами, дипломатами, жуликами и скучающими праздными зеваками. В том отеле, где он остановился, поселилась целая группа американских старух. Они прилетели сюда специально посмотреть на демонстрацию. Они тоже не хотят войны, но не хотят участвовать и в демонстрации. Достаточно того, что они здесь и что они сочувствуют демонстрантам. За эти дни они достаточно нагляделись на будущих демонстрантов. И их сочувствие к ним, кажется, начало резко падать. Не исключено, что старухи покинут Европу, не дожидаясь дня демонстрации. Особенно старух шокируют антиамериканские лозунги и речи ораторов на импровизированных митингах. Возник слух, будто экстремистская часть демонстрантов призывает устроить варфоломеевскую ночь американцам. Потому американские богатые старухи, борющиеся за мир, скрывают свою Национальную принадлежность и стараются говорить По-французски. Но французов тут тоже не любят. Тут никого не любят, кроме себя.

Женщины

Большинство будущих демонстрантов — женщины, причём молодые. Факт примечательный. При организации всякого рода движений следует особое внимание обратить на вовлечение в них молодых женщин, лишённых моральных устоев. От этого зависит успех движения. В негативном отношении женщины теперь инициативнее мужчин. Многие террористические группы здесь вдохновляются женщинами.

Англичане

За завтраком сидел за одним столом с англичанами. Англичане обсуждали «русские дела». Не свои, а именно русские. Впрочем, это у них вежливая форма говорить о себе. Один из собеседников сказал, что опасность Западу несёт не Россия, а коммунизм. Другой сказал, что опасность несёт именно Россия, а не коммунизм. Третий англичанин глубокомысленно рассуждал о сущности русской истории и развил целую программу перевоспитания России.

Нам, русским, думал Немец, Запад навязывает примитивное и ложное понимание нашей истории и нашего социального строя, высосанную из пальца программу на будущее, совершенно не отвечающую нашим условиям и нашим потребностям.

Он был в Англии во время Фолклендской войны: все силы советской агентуры в Европе были брошены туда. Реакция Англии на постыдную победу в этой унижительной для бывшей великой империй войне его поразила. В Англии так не ликовали даже после покорения Индии. Если

страна с таким великим прошлым так переживает исторически ничтожную победу, подумал он, на ней можно ставить крест.

Мы — европейцы

На улице около отеля молодые люди раздавали листовки. Дали и ему. Листовку выпустила группа «Объединённая Европа». Он прочитал следующее:

Какие-то народы уцелеют и, может быть, даже выгадают от войны. Но что выгадаем мы, европейцы, от того, что уцелеют китайцы, чукчи, эскимосы, папуасы?! Мы, европейцы, допустили огромную и непоправимую ошибку, пробудив и подняв другие народы к исторической жизни и позволив им вторгнуться в наше общество. Если ещё не поздно, надо остановить этот самоубийственный процесс. Европейцы во всем мире должны объединиться против всех остальных.

Неевропейцев надо пускать в Европу лишь на подсобные работы, причём содержать их в особых резервациях. Надо во всех частях света создать неприступные крепости европейцев. И всеми силами препятствовать неевропейцам развиваться до уровня европейцев. Если это не будет сделано, европейское население будет просто поглощено неевропейским и постепенно вымрет, как таковое.

Эта опасность страшнее любой войны. Европейское население не просто исчезнет. Исчезнет память о нем. Все созданное им станет достоянием неевропейцев. Вся история человечества будет пересмотрена и переписана заново. Имена Аристотеля, Наполеона, Шекспира, Ленина, Рафаэля, Данте, Бетховена, Пикассо и других великих представителей европейской цивилизации навеки исчезнут из человеческой памяти.

История не может быть одинаково благосклонна ко всем. У истории есть свои избранные. Нам надо позаботиться о спасении самих себя. Расовые конфликты и конфликты культуры разрешимы только путём Установления отношения господства и подчинения или Уничтожения одной из враждующих сторон.

Наши идеологические конфликты суть конфликты внутри нашей, европейской культуры. Даже советский марксизм-ленинизм есть явление в европейской культуре, а не вне её. Разница между советским и китайским марксизмом неизмеримо сильнее, чем между советским марксизмом и католицизмом.

Главное — сохранить европейскую культуру и её творца и носителя, сохранить европейский человеческий материал.

Что это такое? — подумал он. Новый вариант расизма, расширенный до масштабов европеизма, или ничего не значащее мальчишество? Надо выяснить, что это за группа. Кто знает, может быть, она со временем сработает в нашу пользу...

Соотечественники

Вслед за ним из отеля вышли соотечественники. Парень с листовками сунулся было к ним. Но Басок жестом дал ему понять, что они не нуждаются в его сочинении. Немец невольно прислушался к их разговору, пока они шли рядом.

— Хочется всё-таки поглядеть ихний пресловутый стриптиз, — хихикнул Тенорок.

— Хочется, да колется, — проворчал Басок. — Знаешь, сколько это стоит? Тут, брат, тебе за это удовольствие самому стриптиз по-советски устроят.

— А как это?

— Развернут догола и выбросят в шею в чём мать родила.

— Да, Запад есть Запад. Соотечественники направились в центр города, а Немец — к предназначенному для него пункту наблюдения, рядом с отелем. Здесь колонна демонстрантов будет вливаться в город.

Память

Ровно пятьдесят лет назад его родители приняли решение отправить его в Москву продолжать учёбу. Соседи предрекали ему великое будущее.

— Столяром будешь, — говорили они с завистью: их сыновья были обречены «копаться в навозе» в маленькой деревушке.

— Бери выше, — говорили другие, — сапожником будет, а то и портным!

Но столяром, сапожником или портным, увы, ему стать не довелось. Он стал агентом.

Реальность

И вот стоит он около уютного отеля в комфортабельном западноевропейском городе. На улицах необычное для раннего утра оживление. Тротуары заполнены главным образом пожилыми людьми и собаками. Куда ни глянешь — переполняющие рты белоснежные искусственные зубы. Он никогда раньше не думал, что красивые зубы делают старые лица ещё безобразнее. Теоретики предсказывают, что через пятьдесят лет всем европейцам (если, конечно, они уцелеют) будут вставлять искусственные вечные зубы уже при рождении. Многовековой кошмар кариеса перестанет терзать человечество. Потребление «кухенов» в одной только Германии возрастёт до десяти миллионов тонн в год. Ожирения, однако, опасаться не следует. К тому времени будет открыт такой эффективный способ сбрасывания лишнего веса, что за один год население Западной Европы будет терять в весе ровно столько, сколько население Китая будет прибавлять за десятилетие. Вид на мостовую ему закрыла молодая двухметровая женщина. Во рту у неё

сорок восемь зубов. Одета она вызывающе безвкусно. Впечатление такое, что это манекен из роскошного магазина дамской одежды, решивший тоже бороться за мир. В Москве такую особу приняли бы за клоуна из цирка. Здесь на неё никто не обращает внимания. Те же теоретики-футурологи предсказывают, что через пятьдесят лет такие огородные чучела станут идеалом женской красоты. Бедные потомки! Впрочем, о вкусах не спорят. Пятнистый слюнявый дог, например, отчаянно кокетничает со старой облезлой собачонкой, сидящей в сумочке у Венеры двадцать первого века. А он бы на месте дога предпочёл бы вон ту молодую боксершу... Но он — всего лишь шпион из страны, которая отстала от Запада в отношении дамских мод и искусственных зубов на целых пятьдесят лет. Неужели Москва всё-таки догонит Запад, и там будет то же самое, что сейчас здесь? Непонятно, зачем кого-то догонять, если можно просто уйти в сторону, т.е. вперёд? Люди стоят неподвижно и безмолвно. Даже собаки замерли с сознанием важности момента. Поразительный контраст с русской толпой. В России в таких случаях толпа кипит движениями и звуками, а собаки носятся как ошалелые, радуясь людскому сборищу как светлому празднику. Тут ни одного пьяного. А в России трезвый мужчина в таких случаях исключение... Так кто же от кого отстал?! Теоретики предсказывают, что через пятьдесят лет человеческие сборища вообще исчезнут во избежание распространения инфекционных заболеваний и во имя защиты свободы личности от посторонних прикосновений. И даже пацифисты будут ходить на демонстрации лишь с помощью телевидения.

Пацифисты

Пацифисты съехались сюда со всех концов страны, многие — на своих машинах. Говорят, что через пятьдесят лет на каждого европейца будет в среднем приходиться три автомашины. Интересно, считают ли эти предсказатели русских европейцами? И как наш брат Иван будет передвигаться на тройке из автомобилей по нашим непроходимым дорогам, да к тому же ещё в доску пьяный?

Ходят слухи, будто демонстрацию спровоцировали советские агенты. Зачем советским агентам провоцировать то, что и без их усилий может случиться? Им достаточно лишь не мешать западным миролюбивым и свободолюбивым людям делать то, что они сами хотят, и писать в Москву отчёты о том, что все происходящие на Западе полезные для Москвы события суть результат их активности, — надо же как-то оправдать своё приятное времяпрепровождение на Западе. И слухи распускать в том же духе. Легковерным западным людям можно даже неожиданный для этого времени года снегопад представить как «руку Москвы». Это полезно как Москве, так и Западу. Москва раздувает свою воображаемую мощь, а Запад — свою воображаемую немощь. Западу это выгодно как самооправдание своей потенциальной капитуляции перед не очень-то сильным противником, а Москве — как маскировка своей актуальной неспособности принять эту капитуляцию.

Запад

По обе стороны улицы выстроились полицейские. Рослые, сытые, хорошо одетые молодые ребята. Хотя они до зубов вооружены, выглядят они гораздо миролюбивее борцов за мир, которые вот-вот вольтуются в эту улицу. Он уже видел их в прошлые дни. Они съезжались сюда целую неделю, заполнив весь город и его окрестности. Настроены они довольно агрессивно. А на лицах полицейских написана неуверенность и растерянность. Их оружие выглядит скорее как средство самозащиты, а не нападения. И вообще создаётся такое впечатление, что аппарат государственной власти на Западе уже был бы не способен защитить существующий социальный строй, если бы нашёлся достаточно сильный враг этого строя, всерьёз захотевший его разрушить. Вот проблема для размышлений футурологам! Он убеждён в том, что в ближайшие десятилетия все созданные до сих пор социологические и политологические теории современного исторического процесса будут выброшены на помойку. Вспомнил польские события недавнего времени. В тот момент, когда Папа приезжал в Польшу, казалось, что достаточно было одного его слова, чтобы в корне изменить ход истории в этом кусочке планеты и в этот отрезок времени. Но слово не было сказано, ибо никто не хотел, чтобы оно было сказано. Ибо все боялись, что слово будет сказано, но ничего существенного не случится. А будет ли сказано это решающее слово здесь в будущем?

Раздался вой сирен. Промчались полицейские на мотоциклах, за ними — полицейские на бронированных машинах. Показалась голова колонны демонстрантов. Впереди — старые и выходящие из моды деятели культуры, молодые и входящие в моду руководители левых политических группировок, защитники животных и растений, профессиональные борцы за мир. Они несут лозунг «Война — нет, мир — да». Смешно, война ещё не началась, а они уже требуют мира. Впрочем, когда война начнётся, тогда будет не до демонстраций. А начнётся ли она? Никто не хочет войны. Те люди, которые не участвуют в этой демонстрации, тоже не хотят войны. Но войны не начинают, они сами начинаются. Люди затем лишь оформляют неподвластный им исторический процесс в честолюбивую форму воли и интеллекта. Люди до такой степени не хотят войны и боятся её, что прилагают титанические усилия как можно лучше подготовиться к ней.

Пацифисты

— Но оставим эти мрачные мысли, — говорит он себе. — Погляди, сколько тут людей доброй воли, которые хотят предотвратить новую войну! Откуда их столько набралось? Кто эти люди? Чего они хотят на самом деле? Мира? Так они его и имеют! Но он всё-таки их не удовлетворяет. А что бы они делали, если бы не было угрозы войны,

вернее — если бы страх войны не превратился в идеологическое средство манипулирования людьми и не завладел бы душами миллионов? Демонстрировали бы по какому-то другому поводу. Раз есть свобода демонстраций, так почему бы ею не воспользоваться? Заставить бы их работать в колхозах или на «великих стройках коммунизма», как в Советском Союзе! Тогда бы... Но они не против работы. Правда, они хотят работать совсем не так, как у нас: не в колхозах и не в Сибири. А сколько здесь иностранных рабочих? Ладно, это их дело, а не твоё. Они добиваются того, чего хотят они сами, а не того, что кажется целесообразным постороннему наблюдателю. А ты тут посторонний.

Направление истории

Допустим, однако, что войну предотвратят. Ну, хотя бы ещё на несколько десятилетий. Что будет тогда? А ничего особенного. Будет все то же самое, только чуть побольше или поменьше, помягче или поострее. Все значительные социальные перемены в мире уже произошли. И мы переживаем и будем переживать их неотвратимые последствия. Мир катится и будет катиться в направлении, предопределённом этими переменами. И никакая война и никакой мир не способны остановить это движение или изменить его направление. Есть историческое направление эволюции человечества и историческая инерция эволюции. Все будет то же самое, хотя и будет казаться, что все будет иное, — ничтожные изменения в субъективных критериях оценки происходящего часто воспринимаются людьми как великие исторические переломы, а реальные переломы проходят незамеченными. Социальные отношения между людьми и принципы поведения их в больших человеческих коллективах не зависят от моды на одежду и от акселерации. Двухметровый и бородатый начальник, с социальной точки зрения, мало чем отличается от маленького и безволосого.

Будущее

А что в самом деле произойдёт в случае, если не будет войны в ближайшие десятилетия? Средний возраст советских руководителей увеличится до ста лет. Советские подводные лодки появятся на улицах Парижа. Франция вышлет из страны тысячу советских шпионов и... впустит десять тысяч новых. Впрочем, социализм во Франции достигнет такого высокого уровня, что никакие секреты там вообще производиться не будут, и французам самим придётся воровать секреты, допустим в Монголии... Мясо, во всяком случае, им придётся ввозить из Советского Союза, который будет получать его из... Франции. Советские шпионы в Англии станут такой же доброй традицией, как и королева. И управлять Англией будут только женщины, говоря по-русски — бабы. А мужчины превратятся в баб (опять-таки говоря по-русски). Германия проложит хлебопровод из США в Советский Союз. Шведы вымрут от скуки, социализма и страха

перед советскими подводными лодками. Все наследницы западных миллионеров выйдут замуж за советских шпионов. Впервые в истории Римским Папой будет избрана женщина — будет Римская Мама (МАМСТ). Говорят, такой случай уже был. Но он был нелегальный. А тут будет официально признано. Католическая церковь будет настолько демократизирована, что равноправие женщин будет признано даже в назначении на церковные должности. И первой Римской Мамой будет, разумеется, советская женщина. По всей вероятности, она будет членом ЦК КПСС. И тогда особым Постановлением ЦК КПСС все жители планеты будут обращены в католичество. За исключением поляков, конечно, которые все станут протестантами в знак протеста против поголовного окатоличивания (а до тех пор это была их привилегия). Люди через 50 лет вообще перестанут читать и печатать книги. И потомки так и не узнают о наших предсказаниях. Замена органов человеческого тела достигнет такого совершенства, что будут заменять даже мозг и половые органы. Вот это будет мир! Миллиарды стариков с могучими половыми органами и вечными зубами! А все политики — с великолепными искусственными мозгами. В России будет восстановлена монархия и пышным цветом расцветёт православие. Правда, это произойдёт в сумасшедшем доме и в воображении четвёртой эмиграции. Но это тоже событие. Будет открыт такой способ замораживания покойников, что их можно будет хранить сколь угодно долго, разморозить через много лет и оживить. Зачем? Ради прогресса и гуманизма, конечно. Через пятьдесят лет вся планета будет заставлена гробами с замороженными миллионерами, кинозвёздами, спортсменами, певцами, политиками... Представляете, что будет твориться в мире, если их на самом деле разморозят! Но будем надеяться, что потомки наши будут уж не такими наивными, чтобы пойти на это. А что, если борцов за мир тоже начнут замораживать? Тогда начнётся не холодная, а ледяная война. Б-р-р-р!!...

Короче говоря, проблема не в том, что будет через пятьдесят лет, а в том, что будут думать о нас уцелевшие потомки через пятьдесят лет. А думать они о нас будут плохо и с полным презрением к нам, а не с сочувствием. В этом можно быть уверенным на все сто процентов. Потомки вообще плохо думают о реальных предках. Они думают хорошо только о таких предках, каких они сами выдумывают по образу своему и подобию. Предки вообще есть лишь карикатура на современников, а потомки — карикатура на предков.

Пацифисты

Двигутся ветераны той войны с лозунгом «Не допустим повторения!». Зачем ломиться в открытую дверь? Та война, увы, в принципе неповторима. Она была последняя бесчеловечная, но соразмерная человеку война. Будущая война будет, может быть, человечнее прошлой. Но она будет несоразмерной человеку и всему человечеству. По масштабам она будет войной богов, но вести её будут

ничтожества, причём ради ничтожных целей. И уцелеют ничтожества. И социальные сдвиги в мире будут ничтожны. А прошлая война была всё-таки значительна по целям, участникам и результатам.

Память

Была... В памяти всплывают иные картины. Память, она порою мучает так же, как и страх будущего. Ужас в прошлом и ужас впереди — что за жизнь?! В начале той войны он сочинил стихотворение, из которого вспоминаются такие строки: счастливы мёртвые, им жизнь не угрожает, им не придётся больше ничего терять. Тогда они не теряли ничего, кроме жизни, а это не так уж страшно. Теперь людям страшно потому, что есть что терять. Им было страшно думать о жизни, ибо им в жизни не светило ничего.

Они тогда в беспорядке отступали в глубь страны, не успевая зарыть погибших товарищей. Отступали без сна и отдыха, грязные и голодные. Они утратили чувство страха смерти и покорно ждали своей очереди быть убитыми и оставленными непогребёнными. Однажды им выпала удача: они натолкнулись на котёл с кашей, брошенный какой-то воинской частью. Видать, плохо пришлось ребятам, если они оставили такое бесценное сокровище. Каша была ещё тёплая. От неё исходил такой упоительный аромат, что они решили наконец-то выполнить приказ Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад!». Они побросали оружие и, отталкивая друг друга, стали грязными руками набивать кашей ссохшиеся от голода животы. Они игнорировали слезливые призывы политрука поскорее удирать от приближающихся немцев. Они нажрались так, что на самом деле не могли сделать ни шагу назад, разлеглись вокруг опустошённого котла и размечтались о будущем. И не о каком-то паршивом завтрашнем дне, а о великом отдалённом будущем, о том, каким будет мир лет через тридцать или даже через пятьдесят.

«Еды будет вдоволь», — сказал один пророк. «Обувь будет без дыр», — поддержал его другой. «Под душем будут мыться каждую неделю», — добавил третий...

Высказывая такие фантастические гипотезы, они хохотали до колик в животе.

На рассвете все пророки были убиты. Уцелевшие перешагнули через их тела и побрели дальше назад — в будущее, предсказанное убитыми. Промчались годы. Все те предсказания сбылись. А для кого? И что от того погибшим пророкам?! Им же, уцелевшим, это не принесло особой радости. Сбывшиеся мечты оказались ничего не значащими пустяками. Их заслонили другие, чуждые им заботы живых. И им не осталось ничего другого, как утешать себя банальными житейскими истинами. Не мы — первые, не мы — последние. Предсказания сбываются, но не для тех, кто их делает. И совсем не так, как это нужно потомкам. Потомкам предсказанное предшественниками оказывается безразличным, чуждым или ненавистным. У них появляются свои желания и свои предсказания.

Они перешагивают через трупы предсказаний своих предшественников и уходят в такое же чужое им будущее.

Так пусть и на их пути тоже встретится свой котёл с кашей!..

Пацифисты

А колонна движется и движется. Час. Другой... Вот несут плакат — чёрный силуэт атомной бомбы, перечёркнутый красным крестом. Но будущая война вряд ли будет атомной. К тому же есть оружие пострашнее атомной бомбы: это — страх перед атомной бомбой. И это оружие уже действует в мире, бьёт в сердца и головы людей, причём без промаха. Кто посчитает число жертв этой ещё неначавшейся войны? Кто залечит нанесённые ею раны?

Никакого из ряда вон выходящего страха атомной войны в реальности нет. Это вымысел прессы и самообман. Страх вообще есть естественное состояние людей. И всегда есть что-то такое, что обобщает страх более или менее широких групп людей. Психиатры и социологи, например, отмечают страх атомной войны у детей. Если бы они теми же методами исследовали детей в России до революции, то они бы столь же «безошибочно» установили бы страх перед сказочной Бабой Ягой или перед Кощеем Бессмертным.

Память

Советские люди по многим признакам отличаются от западных по отношению к войне, и среди них — чувство юмора. Они со смехом смотрят на мрачное будущее, и это помогает им легче переживать ещё более мрачное настоящее.

Это было в самом начале войны. Был в их дивизии один очень маленький, но очень толстый полковник. Он был очень похож на Наполеона. Похож не только внешне, но и по внутренним амбициям. Уступая превосходящим силам противника, они отошли на заранее подготовленные позиции и зарылись в окопы. Они ждали атаки противника. Но у противника был выходной день. Судя по звукам из его окопов, там пьянствовали и орали песни. Тутто полковник-Наполеон и решил проявить свой полководческий дар. Он вылез на бруствер, широко расставил ноги для устойчивости и поднял ладонь ко лбу, дабы лучше разглядеть расположение противника. Прodelал он этот величественный жест наподобие русского богатыря Ильи Муромца на картине Васнецова «Три богатыря». Но в этот момент просвистел немецкий снаряд, и несостоявшемуся Наполеону оторвало голову. Обезглавленное тело его, однако, продолжало устойчиво стоять на бруствере с поднятой рукой. Зрелище было такое жуткое, что все — от рядовых солдат до командиров полков, политработников и начальников особых отделов — разразились гомерическим хохотом. Хохот был такой силы, что заглушил стрекотание пулемётов и автоматов и даже гул отдалённой артиллерийской канонады.

Немцы были озадачены и, сжигаемые любопытством, безоружные, повылазили из окопов. Не сговариваясь и не прекращая хохота, русские бросились в атаку и отбили обратно оставленные ранее позиции. Позиции оказались им совсем ни к чему, и им было приказано оставить их снова. На этот раз они стройными рядами проходили мимо обезглавленного полковника, повернув в его сторону (как на параде) хохочущие физиономии. Им было так весело, что они без боя оставили противнику и те заранее заготовленные позиции, на которых им было приказано держаться до последнего. Уходя, они превратили наши окопы в нужники. И опять-таки они при этом надрывались от хохота, представляя выражение морд у немцев, когда те будут занимать эти не нужные никому позиции.

Этот образ обезглавленного карлика-полководца, мечтавшего стать Наполеоном и прочно стоявшего на бруствере окопов, превращённых в нужник, преследует его всю жизнь как образ будущей войны. А что, если мир станет очень смешным, но смеяться будет Уже некому?!

Соотечественники

Вдруг неподалёку послышалась русская речь. Говорят громко, будучи уверены в том, что их не понимают окружающие. Их действительно не понимали. Хотя Советский Союз играет теперь первостепенную, может быть даже, решающую роль в истории, на Западе русский язык учат мало: пусть, мол, советские люди сами учат западные языки. И те учат. Правда, тоже пока ещё мало, но все же больше, чем на Западе учат русский.

— Немчуру мы добъём, — слышится знакомый басок. — Америкашкам мы тоже морду набъём, и Западная Европа нам в этом поможет. Но вот как нам быть с китайцами?

— Китайцев мы разгромим совместно с америкашками, — хихикает угодливый тенорок.

— Верно, — мурлычет басок. — А потом мы вместе с китайцами добъём америкашек.

Запад

Большинство зевак на тротуарах — старухи. О чем это говорит? О том, что мужчины умирают чаще, чем женщины. И дело тут не в войнах, а в механизме самосохранения: женщины (особенно старые) для продолжения рода важнее, чем мужчины. Не исключено, что через 50 лет надобность в мужчинах вообще отпадёт. Через 50 лет в мире будет два или три миллиарда прожорливых старух с практически вечными зубами. На десять старух будет один молодой человек. На десять молодых пар будет один младенец, причём китаец или, на худой конец, турок. Родители могут быть немцами, французами, англичанами и даже шведами, а дети всё равно будут китайцами или турками. Так что забота моих соотечественников о будущем Китая вполне понятна.

Память

Венере двадцать первого века стало скучно смотреть на движущееся пёстрое стадо человеческих существ — она и не такое видала. Уходя, она скользнула по нему равнодушным взглядом: для неё он был чем-то вроде человекоподобного насекомого. Они принадлежали к разным, несовместимым мирам. Но лицо её на сей раз ему показалось приятным. Оно напомнило ему другое, бесконечно родное и милое лицо...

Тогда, в 1941 году, у них лишь один парень во взводе имел фотографию девушки, которую (девушку) он выдавал за свою невесту. Они ему не верили. Кто-то из ребят видел, как он подобрал фотографию в брошенном доме. Но какое это имело значение? На фотографии можно было увидеть чудесное молодое русское лицо, и этого для них было достаточно, чтобы ощутить тоску ещё непережитой любви. Они по очереди просили у владельца фотографию — поносить её. Но однажды фотография пропала вместе с тем парнем, который выпросил её поносить тогда. Владелец сильно сокрушался, но не по убитому товарищу, а по фотографии...

Третье тысячелетие

В стоявшей рядом с ним группе заговорили о третьем тысячелетии. Немец вспомнил статью Социолога на эту тему. Он эту статью в своё время выучил наизусть.

Третье тысячелетие можно понимать просто как временный период, который начнётся через пятнадцать лет. Но его можно понимать и как новую эпоху в истории человечества, которая может начаться на рубеже второго и третьего тысячелетий, немного раньше или немного позже двухтысячного года. Ведь и Христос, как известно, родился на несколько лет раньше Рождества Христова.

Бессмысленно заниматься предсказаниями конкретных событий, которые произойдут в третьем тысячелетии. Но совсем не бессмысленно подумать о том, что ждёт человечество в третьем тысячелетии на основе тех предпосылок, которые сложились к концу второго и которые нам всем хорошо известны. Ведь человечество так или иначе будет вынуждено в третьем тысячелетии решать те проблемы, которые назрели, но остались нерешёнными во втором. Человечество в третьем тысячелетии будет вынуждено пожинать плоды деяний, совершенных во втором. Так что если мы хотим серьёзно подумать о третьем тысячелетии, мы должны первым делом подвести итоги второго. Мы должны в состоянии человечества конца второго тысячелетия увидеть основные черты его состояния в будущем, третьем. В эволюции человечества будущее не есть нечто абсолютно новое. Будущее есть лишь основная часть настоящего, освобождённая от оков прошлого.

Как я себе представляю третье тысячелетие, понимая его как историческую эпоху? Должен признаться, что я не вижу особых оснований для оптимизма. Будет новая мировая война или нет (а она, скорее всего, будет), человечество всё равно уже обнаружило полную неспособность найти разумные средства борьбы с разрушительными тенденциями нашего тысячелетия, с такими, например, как катастрофальный рост населения, обострение расовой вражды, истощение природных ресурсов, разрушение природной среды, разрушение основ нравственности, рост паразитизма, перепроизводство жизненно ненужных вещей (включая вооружение) и т.д. и т.п.

Независимо от того, будет война или нет, независимо от того, кто победит в войне, человечество просто в силу объективных законов организации больших человеческих масс не может решать проблемы такого рода, о которых я упомянул, и остановить самоубийственные тенденции своей эволюции, не пойдя на огромные жертвы. Жертвы неизбежны при всех обстоятельствах. Жертвы как в отношении человеческого материала, так и в отношении достижений культуры. Нельзя остановить действие отрицательных тенденций, не остановив действие положительных, — они неразрывно связаны. Катастрофальные тенденции эволюции человечества суть неизбежные спутники безудержного прогресса нашей эпохи.

Третье тысячелетие будет неотвратимой и исторически справедливой расплатой за все достижения второго. Человечество в третьем тысячелетии дорого заплатит за то, что оно в нашем тысячелетии разрушило все ограничения на все проявления общественной жизни. На смену всесторонней распущенности нашей эпохи идёт новое «средневековье», которое может растянуться на много столетий. И имя ему — коммунизм. Это будет такой коммунизм, по сравнению с которым советский коммунизм покажется неслыханной демократией.

Возможно, я сильно сгущаю краски. Возможно, я недооцениваю способности социального строя стран Запада, именуемого «западной демократией», сопротивляться разрушительным тенденциям истории. Но ведь факт остаётся фактом, что коммунизм завоевывает мир, опираясь на разрушительные тенденции на Западе, а не у себя дома.

Да, я сгущаю краски и делаю это намеренно, чтобы хотя бы немного способствовать росту чувства ответственности у моих современников за ход истории. Судьба человечества в будущем тысячелетии во многом зависит от того, насколько высоко развито чувство ответственности за эту судьбу в нас, людях конца второго тысячелетия.

А стоявшие рядом с Немцем люди говорили о том, что единственный путь уцелеть и войти в третье тысячелетие — это сдать на милость Советов. Сопротивление всё равно бессмысленно. Если встать на путь

сопротивления, то Западная Европа будет полностью уничтожена. А в случае капитуляции потери будут небольшими. А Запад всё равно навяжет Советам свой образ жизни и свою культуру. В истории уже были прецеденты такого рода. Вспомните: побеждённая Римом Греция победила победителя. Во Второй мировой войне нас разгромили, а мы сейчас живём лучше всех в Европе!

Немцу стало не по себе от этого бредового разговора, и он перешёл на другое место. Глас Социолога, подумал он, остался гласом вопиющего в пустыне.

Пацифисты

Идут солдаты. Они требуют разоружения. Такого в истории человечества ещё не было: солдаты должны требовать оружие! Но их требование, увы, неосуществимо. Если оружие есть, его уничтожают только в том случае, если есть возможность заменить его более совершенным оружием. Разоружение есть всегда перевооружение. Или капитуляция.

Никто не стремится к войне, это аксиома. Но почему такое множество людей из всех сил стремится доказать недоказуемое, т.е. аксиому, очевидную без всяких доказательств? Потому что люди устали от затянувшегося мира! Люди устают не только от войн, но и от мирных лет, если они чрезмерно долги. Нынешний пацифизм есть лишь извращённая форма тоски по войне. Взгляните на примеры, когда вроде бы из-за ничего разрушаются благополучные и счастливые семьи, вроде бы из-за ничего начинаются бунты в сытых и благоустроенных странах! Почему? От усталости, благополучия и счастья, от сытости и благоустроенности.

И ожидание войны, конечно, делает своё коварное дело. Страх и ожидание войны достигли такой силы в душах многих людей, что может наступить эпидемия сумасшествия от ожидания, если война не начнётся.

Молодёжь

Идёт молодёжь. Юные демонстранты одеты подчёркнуто неряшливо, парни — с бородами и длинными, слипшимися в пряди волосами, девушки — с нелепыми мальчишескими причёсками или с растрёпанными космами (по-русски говоря). Но лица сытые, здоровые, безмятежные или вызывающе агрессивные. Они несут плакат со словами «Мы хотим жить!». Они живут. Ничто пока не угрожает их жизни. А ими уже владеет страх смерти. Хотеть жить — признак старости. А они уже хотят жить. Тот, кем завладело желание жить, уже мёртв наполовину. Кто уродует жизнь этим цветущим юношам и девушкам, внушая им желание жить, т.е. страх смерти?! А они, его поколение, боялись они смерти? Они не могли себе позволить такую роскошь. Они говорили друг другу, что не боятся смерти. Они делали вид, что не боятся. И потому не боялись. Хотя они были голодны, плохо одеты, не имели зубных щёток и ещё не познали женщин,

они уже были мужчины. Мужчина должен смело смотреть смерти в лицо, считали они.

Память

Время имеет одно измерение, но два направления: в будущее и прошлое. Думая о будущем, он уносится в прошлое. Если хочешь познать будущее, загляни хотя бы на минуту в прошлое. Вот они — русские солдаты — уже в Польше. Его штурмовому авиационному полку предстоит первый боевой вылет на территорию Германии. Они должны штурмовать аэродром противника. Аэродром имеет мощную противовоздушную защиту: шесть зенитных батарей и шестьдесят истребителей. Его эскадрилья должна принять на себя Первый удар этой огневой мощи. Командир полка так и сформулировал задачу: отвлечь на себя все огневые средства противника и обеспечить другим эскадрильям возможность вывести из строя лётное поле, взорвать склады с авиабомбами и уничтожить самолёты, сосредоточенные в лесу вокруг аэродрома.

Отвлечь на себя огонь противника... Знаешь ли ты, юноша восьмидесятых годов, рождённый в условиях мира, но с пелёнок боящийся войны, что это значит — отвлечь на себя огонь противника? Это значит, что из двенадцати самолётов эскадрильи восемь взорвутся в воздухе, и от их экипажей не останется даже капли живого тела. А остальные четыре, чудом уцелевшие, изрешечённые пулями и осколками снарядов, упадут на изрытую бомбами землю. И оставшимся в живых мальчишкам станет стыдно оттого, что они уцелели... Но это будет потом, через час... А пока живые ещё мальчишки слушают речь политрука. «Товарищи! — кричит старый (он им казался старым) комиссар. — Мы ведём великую битву за будущее всего человечества! Многие из нас сегодня погибнут в этом бою. Но благодаря нашей гибели люди в будущем будут жить счастливо! Так покажем же, на что способны мы, русские солдаты!» Атомная война... Страшно!.. А они уже пережили нечто подобное. Они могут поделиться опытом. Вот их ведущий переводит свой штурмовик в пикирование. И они «ныряют» за ним. Жмут на кнопки бомбосбрасывателей и на гашетки пушек и пулемётов. И вот... Вспыхивает машина ведущего. Миг, и её уже нет. Очередь следующего за ним. Миг, и его тоже нет... И никаких хлопот с похоронами. Жаль, поминки не справишь и не напьёшься с живыми до бесчувствия.

Наилучшее решение

Размышляя о войне, он вдруг нашёл гениальное решение мучительной проблемы. Зачем противникам обстреливать друг друга ракетами с атомными бомбами, если можно просто взорвать эти бомбы у себя дома.

Собрать военную конференцию и договориться о том, кто, где и

сколько бомб взрывает у себя дома. Так точнее будут «попадания». И дешевле, ракеты не потребуются. И Советский Союз без компьютеров может обойтись. И отсталые страны могут на равных правах с великими державами участвовать у себя в войне. Они могут даже для престижа больше вреда себе причинить, чем причинили бы внешние враги! Отличная идея! Но при этом нужен контроль, чтобы противники не надули друг друга, — чтобы не взорвали бомб больше, чем положено по договору. Вот тогда переговоры о сокращении вооружений и о разоружении приобретут практический смысл.

Пацифисты

Боритесь, люди, за мир! Непременно боритесь! Но при этом знайте: чем мощнее движение за мир, тем сильнее страх людей перед войной. А когда люди очень сильно боятся какой-то опасности, они невольно лезут в неё, как кролики — в пасть удавов.

— Надо отсюда уехать куда-нибудь подальше, — шепчет озабоченно старушка рядом с ним.

— А куда от них денешься? — шепчет её дряхлый спутник. — Они теперь везде.

— Надо на другую планету улететь, — вздыхает старушка.

Чудаки, думает Немец. Бежать некуда и бессмысленно. Убегая, мы уносим ужас перед историей в самих себе. Более того, мы уносим в себе само угрожающее нам будущее. Будущее — это мы сами. Можно улететь на другую планету, но нельзя улететь от самих себя. Улетев на другую планету, мы принесём туда и свои проблемы, причём в ещё более страшных формах, чем на родной Земле. Да и есть ли эти другие планеты? Теоретически — да. А практически? Путь до них долог. Эти трясущиеся старички и их трясущаяся собачонка вряд ли долетят до райской планеты, где нет ни агрессоров, ни борцов за мир, ни террористов, ни красных, ни зелёных, короче — где ничего и никого нет. Впрочем, мы все рано или поздно такую «планету» получим и без космических кораблей. Надо, господа, внимательнее читать, что на эту тему пишут такие люди, как Социолог.

Сказка о будущем

Когда жизнь на Земле оказалась под угрозой гибели, люди решили построить гигантский космический корабль, на котором избранные должны были улететь на ближайшую пригодную для жилья планету. Тогда уже было известно, что лететь на такую планету нужно много десятков и даже сотен тысяч лет. Значит, люди в космическом корабле должны жить из поколения в поколение как в некоей естественной, единственно возможной для них среде существования. Космический корабль построили так, чтобы люди внутри его не могли вмешиваться в его механизм. Все было рассчитано заранее, все было

автоматизировано. Людям создали только все необходимые условия для воспроизводства их жизни практически в неограниченном числе поколений. Корабль был огромен — сфера жизни людей была размером со среднее европейское государство, достаточно богатая средствами существования и разнообразная. Разумеется, организована жизнь была на уровне самых высочайших достижений науки и техники. Были отобраны здоровые во всех отношениях счастливицы. Все они получили самое первоклассное образование. Само собой разумеется, они были знакомы с идеологией, разработанной на основе самых высших достижений культуры сверхгениями. Всех обитателей корабля обучили наилучшим нормам поведения в коллективе. Им дали наилучшую, самую разумную и справедливую социальную организацию! систему самоуправления, самую совершенную систему воспитания и образования.

Короче говоря, много сотен лет все человечество было занято только созданием этого корабля и разработкой идеальной системы жизни его будущих обитателей. Затем в течение ряда поколений производился отбор и выведение наилучших из возможных индивидов для выполнения величайшей в истории мироздания миссии — для спасения и продолжения рождённой на Земле цивилизации.

И вот новый корабль стартовал. Чтобы это произошло, планета должна была быть полностью разрушена. И она разрушилась. И уцелевшая в корабле избранная часть человечества (т.е. высший продукт развития человечества в течение многих миллиардов лет) понеслась в Космос в направлении к единственной пригодной для жилья планете, обнаруженной людьми в течение многих тысячелетий научных исследований Космоса.

Первые столетия обитатели Корабля наслаждались благополучием и гармонией человеческих отношений. Общество жило и воспроизводилось с безупречной точностью часового механизма. Конечно, возникали попытки внести в жизнь недовольство и дисгармонию. Появлялись новаторы, стремившиеся внести улучшения в жизнь общества. Но память о прошлом ещё была сильна. Коллектив ещё обладал достаточной силой убеждения. Улучшения были невозможны, ибо общественная жизнь была организована самым наилучшим образом. Это понимали почти все. Идеология с рождения прививала людям сознание, что они живут в самом идеальном из мыслимых обществ, а ещё точнее — в единственно возможном из обществ.

Уже через несколько поколений люди перестали воспринимать себя землянами, покинувшими планету в поисках нового места обитания человечества. Стали рассматривать историю своего происхождения как легенду, причём ненаучную. Люди обследовали занимаемое ими пространство. И на основе наблюдения неопровержимых фактов отдельные смельчаки построили новые гипотезы о строении Вселенной, о человечестве, населяющем её, о человеке. Они

воспринимали условия своего существования как нечто, естественным образом данное от природы. В частности, возникла идея конечности и замкнутости пространства. Такие идеи стали распространяться среди людей, особенно среди молодёжи. Идеология яростно подавляла все попытки такого рода. Но осуществить полный контроль за сознанием людей она уже не могла. Миллионы фактов, наблюдаемых из поколения в поколение, рождали мировоззрение, вступающее в конфликт с идеологией, вывезенной с Земли. Нелепые представления людей о мире, об обществе и о себе постепенно завоёвывали души людей и ослабляли влияние истинной и мудрой идеологии землян.

Шли столетия. Тысячелетия. Стали давать знать о себе обстоятельства, которые не смогли предвидеть земные гении и которые оказалась не в силах контролировать всесильная идеология. Наряду с идейным разбродом начались неполадки и в организации хозяйства, быта и культуры. Как я уже говорил, Корабль был построен так, что люди практически неограниченное время могли иметь в изобилии энергию и всё, что необходимо для существования. Вся их «производственная» деятельность была сведена лишь к тому, чтобы эти средства существования брать и распределять. Брать и распределять, разумеется, самым разумным образом. Разумно должна была регулироваться и численность населения, его возрастной состав, соотношение полов и прочее. Расчёт был на то, что Корабль населялся существами в высшей степени разумными. Предполагалось, что уровень разумности будет сохраняться: всё, что могло его нарушить, было исключено заранее. Казалось, что было исключено. Земные гении не учли одного обстоятельства: все разумное разумно лишь постольку, поскольку есть неразумное, а исключение элемента неразумности имеет неизбежным следствием превращение разумности в свою противоположность. Рафинированные диалектики, они не сумели подойти диалектически к самой диалектике — идеология сыграла с ними злую шутку. Забвение и игнорирование истины «И в поте лица будешь добывать хлеб насущный свой» жестоко отплатило за себя. Именно лёгкость достижения жизненных благ и полная гармония социальных отношений оказались главными и неодолимыми трудностями в эволюции человечества, заключённого в Корабле.

Прошло ещё несколько тысячелетий, и случилось в конце концов то, что земные гении считали абсолютно невозможным: изменилась ориентация сознания людей, и все земные средства контроля за поведением людей, изобретённые для той, для земной ориентации, утратили силу. Люди стали утрачивать навыки и работоспособность даже в использовании того, что само текло к ним неограниченным потоком. И они сами невольно ограничили этот поток так, что при изобилии всего возник дефицит всего. И как следствие сложилось социальное неравенство в распределении, возникла иерархия доступных благ. Началась жестокая борьба за более высокий уровень в иерархии. Развилась система преступлений, а значит — и физических наказаний

за них. Люди изобрели оружие для истребления своих собратьев. Открыли все человеческие пороки, отбросили все моральные ограничения и идеологические нормы поведения. Началось падение культуры, хозяйство пришло в упадок. Возникли бесчисленные болезни. Стали рождаться уродливые дети. Наметилось физическое вырождение. Общество распалось на множество враждующих объединений.

Следующие два явления обратной эволюции, характерные для антиэволюции вообще. Первое — взаимное истребление людей. Дело в том, что с крушением ограничений и запретов, принесённых цивилизацией, стали действовать социобиологические законы, в том числе — закон соотношения пространства, занимаемого людьми, и числа людей в этом пространстве. Обнаружилось, что в пространстве Корабля число людей во много раз превысило социобиологическую норму. И взаимное истребление было формой восстановления этой нормы. Сначала одни группы людей нападали на другие и убивали их. Потом людей стали мучить, прежде чем убить. Потом возникло ритуальное людоедство, которое превратилось во всеобщее символическое людоедство — наиболее сильное выражение отношения к врагу как к побеждённому врагу.

Второе явление — эволюция неравенства. Неравенство людей не есть просто фактическое положение. Оно есть социальное отношение между людьми. Через несколько столетий на Корабле сложилось имущественное неравенство, затем — отношение господства и подчинения внутри групп людей. Развилось порабощение одних людей другими. Стало обычным делом убийство подчинённых, а затем — их съедение как наиболее сильное выражение чувства превосходства над своими собратьями...

Короче говоря, обратная эволюция низвела людей с высот цивилизации к самым истокам человеческой предыстории.

...Когда Корабль наконец-то долетел до нужной планеты и открылись выходы из него, наружу выползли немногочисленные человекоподобные твари и разбежались в разные стороны...

Соотечественники

Ушли старички, мечтающие о другой планете. Зато вернулись его соотечественники. Они уходили похмеляться — вчера вечером они основательно «перебрали» на каком-то официальном приёме. Здесь, на Западе, считается признаком хорошего тона поить советских представителей водкой. И те стараются поддержать мировую репутацию Советского Союза как величайшей пьянствующей державы. Разговор бывших соотечественников принял более светское направление.

— Бабы здесь барахло, — сказал Басок, бесцеремонно разглядывая проходящих мимо женщин.

— Собаки не лучше, — поддакнул Тенорок, показав язык

малюсенькой собачке.

— Собак не трожь! — строго сказал Басок. — Тут закон горой стоит за собак.

— Недавно тут на одного принца собака залаяла, — хихикает Тенорок. — Принц испугался. Стал трястись. Хозяину пришлось миллион уплатить, поскольку собака причинила принцу профессиональную травму: с того от тряски стала сваливаться корона.

— Вот эта тварь сейчас тебя тяпнет за язык, тогда и ты получишь профессиональную травму! — хохочет Басок.

Он слушает и не знает, смеяться ему или плакать. В самом деле, что будет, если немецкая собачонка укусит советского агента за язык? Страшно подумать! Вот тогда-то Советский Союз и оккупирует Западную Европу: повод будет подходящий.

— А бардак здесь, надо признать, из ряда вон выходящий, — хихикает Тенорок.

— Это хорошо, — рокошет Басок. — Если тут будет порядок, нам работать над немцами будет труднее.

А эти ребятки не такие уж и дураки, думает Немец. И ему вдруг мучительно захотелось, чтобы тут прекратился «бардак» и наступил «порядок». Зачем? А просто так, назло этим самоуверенным соотечественникам. А в самом деле, что нужно для того, чтобы в Западной Германии навести «порядок»? Покончить с чувством вины за прошлое, создать свою мощную армию и восстановить подлинную демократию, т.е. дать возможность большинству отстаивать свои интересы и защищаться от претензий меньшинства. Иначе говоря, немцам нужна чистая совесть, независимость и здоровье.

Память

Они летели над степью, растянувшейся на десятки километров. Ведущий, командир эскадрильи, пел «За вечный мир, в последний бой летит стальная эскадрилья». Они, ведомые, подпевали каждый для себя. Для некоторых экипажей этот бой действительно был последним, в том числе для самого командира эскадрильи. Перед тем как дать команду «По машинам!», командир, двадцатитрехлетний весёлый парень, уже ставший майором и Героем Советского Союза, сказал, сверкнув ослепительно белыми зубами: «Украсим Родину трупами врагов!» И он был сбит первым. Но он не украсил Родину даже своим собственным трупом: его машина взорвалась в воздухе, и он испарился.

Приближалась весна. Начал таять снег. На полях обнажились трупы солдат, убитых во время зимнего наступления и занесённых снегом. Трупы так и оставили под снегом до весны. И вот они обнажились. Точки на снегу такого страшного цвета, для которого в живописи нет названия. Тысячи и тысячи точек. Километр за километром. Эскадрилья снизилась до бреющего полёта: посмотреть, свои это или враги. Но различить своих и врагов не удалось: трупы всегда нейтральны.

Как будет выглядеть поле битвы в будущей войне, подумал он. И будут ли вообще трупы? Труп человека есть продолжение его существования. Могила человека есть часть его жизни, есть её продолжение. Общество без трупов и могил — ужаснее ничего не придумаешь.

В тот полет ему вдруг стало страшно. Но не оттого, что его могли сбить. А оттого, что он вместе с самолётом взорвётся в воздухе, как их командир, или от удара о землю, как его ведомый, и от него ничего не останется. Буквально ничего. Все куда-то испарится. Новые сапоги и новый широкий офицерский ремень, которым он очень дорожил. Ордена. И фотография девочки, в которую он был влюблён в школе. Не останется абсолютно ничего. Как будто его не было совсем. Страшна не смерть сама по себе, думал он, а сознание того, что будет так, как будто тебя совсем не было. Человек биологически и исторически сформировался так, что могилы предков стали частью его жизни. То, что людей убивают и будут убивать, это нормально. Ненормально то, что не остаётся могил предков. Каких только лозунгов тут нет! И ни одного — о праве человека на могилу.

Они

Мысли его снова переключаются на демонстрацию. Западный массовый человек, думает он, глядя на пёструю толпу демонстрантов, похожую скорее на карнавал, чем на политическую демонстрацию, есть существо очень странное. Он изобретает великолепные электрические бритвы и после этого начинает отращивать бороду. Изобретает замечательные одежды, а облачается в бесформенные балахоны или обнажается совсем. Изобретает умопомрачительные кушанья и начинает голодать во имя здоровья. Развивает технику мгновенного уничтожения миллионов людей и начинает ожесточённую борьбу за её запрещение.

Вот группа молодых людей несёт лозунг «Мы предпочитаем сдаться русским без сопротивления, чем исчезнуть от взрыва русской атомной бомбы».

Вы предпочитаете, думает он. А подумали ли вы о том, что предпочитают сами «русские»?

Предпочтение

Во время войны с Германией им в качестве военных трофеев попадались немецкие пистолеты. Ах, какие это были замечательные пистолеты! Стрелять из них было большим удовольствием. Правда, стрелять в тире. И ухаживать за ними надо было очень тщательно, чтобы они не отказали. Из своих же, отечественных пистолетов стрелять было не очень-то приятно. Как бабахнет, так, того гляди, руку из плеча вырвет или сам из руки выскочит. И попасть из него, допустим, в кошку или собаку с пяти шагов было немислимо. И даже в человека из двух выстрелов один промажешь, а другим вместо головы, в которую метишь, попадёшь в часть

тела, прямо ей противоположную. Зато за отечественными пистолетами можно было совсем не ухаживать. Плюнешься с ним в грязь, он всё равно не откажет в случае надобности. Им гвозди можно было заколачивать, а он всё равно работал. Плохо работал, но всё-таки работал. И они, идя на свидания с девчонками, украшали себя изящными немецкими «вальтерами», а идя в бой, брали с собою грубые, но безотказные советские «ТТ». Им тогда было невдомёк, что тем самым они были участниками столкновения двух социальных систем, двух тенденций исторического развития. Им тогда было невдомёк, что, когда дело касалось жизни и смерти, они предпочитали грубую надёжность своей системы.

У русских, думает он, есть свои принципы предпочтения. И в будущей войне русские вряд ли будут способны брать в плен. В особенности без сопротивления.

Мы

— Если начнётся война, — говорит Басок, скользя взглядом по роскошным витринам магазинов, — тут будет где порезвиться.

— Да, — соглашается Тенорок. — Ювелирные магазины и банки можно будет голыми руками и безнаказанно очистить.

А Немец вспомнил случай из первых дней войны, когда к ним в часть заехали два грузовика, нагруженные мешками с деньгами, сбросили мешки и помчались дальше. Они равнодушно перешагнули через эти мешки с миллионами ненужных (как тогда казалось) денег и побрели вслед за умчавшимися машинами. Праздные разговоры, ребята, думает он. Если начнётся война и вы будете топтать по бриллиантам, вы даже не наклонитесь их поднять хотя бы из любопытства.

— Недавно, — хихикает Тенорок, — в Москве загорелся поезд метро. Началась паника. Но нашлись мужественные люди, которые начали грабить впавших в панику пассажиров. О чем это говорит? А о том, что человечество не погибнет в будущей войне. Найдутся предприимчивые смельчаки, которые в считанные минуты разворуют все богатства. Это и послужит потом основой для восстановления разрушенной войной экономики.

— Обрати внимание, — говорит Басок, насмеявшись досыта, — среди демонстрантов ни одного иностранного рабочего. А ведь их тут больше четырех миллионов! Почему бы это?

— А очень просто, — говорит Тенорок. — Им работать надо. Им некогда заниматься такой ерундой. Да и ни к чему. Они тут на положении рабов. А рабам не до политики. Политика тут есть дело плебеев.

Немцу надоело слушать болтовню обнаглевших «землячков». Переходя в другое место, он на мгновение почувствовал на себе чужой внимательный взгляд. Лишь на ничтожную долю секунды. Но этой доли секунды было достаточно, чтобы решить: следят! Он пошёл в отель, купил в баре сигареты и вернулся на прежнее место. Ничего подозрительного

заметить не удалось. Значит, показалось? Вряд ли. Здешняя контрразведка имеет свои недостатки. Но если уж она решила тебя «проявить», она это сделает хорошо. И от неё тогда не так-то просто отделаться. Если даже показалось, всё равно надо бежать отсюда. Бежать от своей тревоги хотя бы.

Бежать, подумал он. А что это тебе даст? Сможешь Ты жить иначе? Нет, друг, не сможешь. Эта бессмысленная работа стала смыслом твоей жизни. Ни на что Другое ты уже не способен. Ты сможешь расстаться с такой жизнью, только расставшись с жизнью.

Кнопка

Группа демонстрантов несёт плакат, на котором изображена кнопка, скрюченный палец поджигателя войны, пытающийся нажать кнопку, и меч борца за мир, отсекающий палец. При виде этого плаката Немец вспомнил о кнопке пожарной тревоги в отеле. Рядом с кнопкой, на блестящей металлической цепочке, прикреплен молоточек из нержавеющей стали — стекло разбить, если нужно нажать кнопку. Недавно в каком-то городе дотла сгорел отель со всеми обитателями. Сохранились лишь такие молоточки и кнопки пожарной тревоги. Причём никто не догадался воспользоваться этими молоточками и нажать кнопки. По всей вероятности, так будет и в случае новой мировой войны. Все будет уничтожено. Сохранится лишь автоматическая система управления средствами обороны и нападения. Нажать роковую кнопку просто позабудут. Или не решатся.

Если

Хвост колонны пацифистов скрылся из виду. А что, если в самом деле войну сумеют предотвратить? Что тогда будет? Вот тогда-то она и начнётся. Именно тогда, когда люди решат, что они предотвратили войну, она и начнётся. Решите этот парадокс, и вы поймёте, что прав был сын царя и царь Экклезиаст: все есть суета, суета суёт, всяческая суета и томление духа.

Эх, если бы он был сейчас в России, то напился бы с тоски и ради оптимизма. А тут, на Западе, даже напиток не хочется. Да тут и не с кем напиваться. Тут берегут здоровье. И деньги, конечно. Русскому человеку есть с кем воевать на Западе, но не с кем выпивать — вот самая надёжная гарантия того, что Советский Союз не завоюет мировое господство. Если даже русские и покорят Западную Европу, они

всё равно оставят её — она не годится для русского пьянства.

Ах, почему не сбылось предсказание его земляков и он не стал ни столяром, ни сапожником, ни портным?!

Тревога

Вернувшись в отель, тут же начал писать отчёт для Москвы. Писал стремительно, хотелось поскорее отделаться от этого пустякового для него задания и исчезнуть отсюда.

«Пацифистское движение на Западе, — писал он, — является разношёрстным по социальному составу и по целям его участников, и было бы грубейшей ошибкой рассматривать его как некую новую форму классовой борьбы».

— Несмотря на то что пацифистское движение на Западе является разношёрстным по социальному составу и целям его участников, — скажет потом Главный Идеолог на Пленуме ЦК КПСС в своём докладе «О классовой борьбе в современных условиях в странах капитала», — оно есть новая форма классовой борьбы на Западе.

«Нам сейчас важно не увеличение числа людей, исповедующих марксизм, — пишет Немец, — а усиление любых явлений в западном обществе, разъедающих его изнутри. Людей, считающих себя марксистами, в мире больше чем достаточно. Но признание марксизма само по себе ещё не делает этих людей нашими союзниками. Среди марксистов на Западе наших врагов не меньше, чем среди антимарксистов».

— Число людей, принимающих марксизм-ленинизм на Западе, неуклонно растёт, — скажет потом Главный Идеолог. — Это свидетельствует о том, что...

«Ни в коем случае не следует придавать пацифистскому движению и другим массовым движениям такого рода марксистский и просоветский характер, — пишет Немец. — Надо использовать их, не обнаруживая открыто нашей заинтересованности в них и не навязывая им наших лозунгов».

— В широких народных массах Запады, — скажет Главный Идеолог, — растёт и крепнет солидарность с Советским Союзом...

«В настоящее время на Западе все большее влияние приобретают идеи далёкие от коммунизма и даже враждебные ему, — пишет Немец. — Нашей главной опорой на Западе теперь должны становиться массы людей без определённой классовой принадлежности».

— Нашей главной опорой на Западе по-прежнему остаются рабочий класс и трудовое крестьянство, — скажет Главный Идеолог...

Вот в таком духе в Москве «перерабатывают» все мысли агента. Тот доклад, который сделает Главный Идеолог, могли бы сочинить начинающие студенты факультета марксизма-ленинизма, не имеющие ни малейшего представления о реальной сегодняшней ситуации на Западе.

Закончив писать отчёт, он позвонил по телефону, где его звонок ждал связной, назвал условленное имя, услышал в ответ условленное «Вы ошиблись номером» и затем пошёл в условленное место около университета. По дороге ему опять показалось, что за ним следят. Сделал несколько проверочных манёвров, но слежки не обнаружил. Тревога,

однако, не исчезла. Зачем ему, асу шпионажа, поручили это примитивное и совершенно бессмысленное задание? Неужели только из-за того, что какому-то высокопоставленному болвану в Москве захотелось сделать вклад в марксистскую теорию, надо было ценнейшего агента подвести под угрозу разоблачения?! А впрочем, так ли уж ты ценен как шпион?

Около университета затерялся в толпе молодёжи и передал связному приготовленный пакет. Через десять минут пакет будет в посольстве, а через полчаса его содержание станет известно в Москве. К чему такая спешка? Тут официальных советских журналистов было больше десятка. Зачем ещё потребовалось мнение тайного агента?

Одиночество

Соотечественники вернулись в отель поздно ночью. По шуму в соседнем номере можно догадаться, что они продолжают пить. Захотелось присоединиться к ним. Сказать, кто он. Упитья до слез дружбы, поцелуев и взаимных оскорблений. Но соотечественники вряд ли примут его в свою компанию. Они решат, что это — провокация. Да и о чём ему говорить с этими людьми, с которыми его роднит теперь лишь только русский язык?

Не спится. Столько лет прошло, а до сих пор не может поверить в реальность того, что это он и что он в чужой и нелюбимой стране. На него накатило ощущение одиночества. Чтобы понять, что такое одиночество, надо прожить целую жизнь, причём не на необитаемом острове и не в камере одиночного заключения, а на свободе и среди людей. Одинокие люди внешне ничем не отличаются от прочих. Как правило, они тянут жизнь до естественного конца и погибают не от одиночества, а от других общечеловеческих болезней. Состояние одиночества есть результат не внешних обстоятельств, а внутренней эволюции человека в течение многих лет. Одиночество неизлечимо. Одинокие люди обречены. Они не могут объединиться и преодолеть некий барьер, обрекающий их на одиночество. Множество одиноких людей может жить рядом, иметь сходную судьбу и участвовать в одном общем деле, оставаясь одинокими. Одиночество есть болезнь сытых. Это болезнь будущего. Будущее представлено сегодня прежде всего одиночеством. Одинокий человек — человек будущего.

Человеческая жизнь интересна не столько рациональным расчётом, сколько иррациональными страстями. Оказавшись на Западе, он вынужден был отсечь второе.

Человеческая жизнь интересна не столько умом и правильностью, сколько глупостью и ошибками. Оказавшись на Западе, он вынужден был отсечь второе. Человеческая жизнь интересна не столько самовидением, самооценкой, самоанализом и самосознанием, сколько отражением её в окружающих, т.е. тем, как тебя видят окружающие, что они думают о тебе, как оценивают твоё поведение. Оказавшись на Западе, он отсек второе.

Человеческая жизнь интересна не столько личными переживаниями,

сколько сопереживаниями друзей и врагов. Оказавшись на Западе, он отсек второе.

Человек не может сколько угодно оставаться человеком в таком состоянии. Он продержался дольше, чем кто бы то ни было другой. Он установил мировой рекорд. Это вполне в духе советской мании рекордсменства. Жаль, нигде и никто не скажет об этом рекорде. Он невольно ставил эксперимент на одиночество — насколько человек силён против него. Эксперимент показал, что человек способен вынести многое, способен вынести одиночное заключение или жизнь на необитаемом острове, но не способен вынести одиночество, будучи здоровым и оставаясь в человеческом обществе.

Он почувствовал озноб. Надо бы обратиться к врачу. Но он не имеет на это права. Он не должен болеть. Болезнь не входит в его профессию.

Любопытно, подумал он, вот я сегодня умру. Кто меня похоронит, как и где?

Нет, об этом не следует думать. Смерть тоже не входит в его профессию. Мысли перескочили на далёкую, забытую и уже недоступную Россию. Страшная вещь — тоска по покинутой Родине. Но ещё страшнее тоска по Родине, которой для него уже нет и никогда уже больше не будет.

Сумма жизни

Сумма жизни измеряется не итогом — итог жизни всегда равен нулю. Он исчезнет, не оставив после себя никаких следов пребывания в этом мире. Не будет даже никакого некролога. Его настоящее имя навечно исчезнет в архивах КГБ. Его именем не назовут не то что город или улицу, но даже туалет в шпионской школе.

Сумма жизни равна множеству нереализовавшихся возможностей и одной реализовавшейся нелепости.

Как сложилась бы его жизнь, если бы осуществились какие-то из упущенных возможностей? Вот было бы интересно, если бы каждый раз, когда перед ним открывались какие-то возможности, появлялись бы его точные дублёры, которые продолжали бы жизнь в направлении этих возможностей. И собрать бы сейчас всех этих дублёров его «я» вместе!

Ему представился большой зал, который постепенно заполнялся его потенциальными «я». Вот вошёл стриженный наголо солдат. Он был убит в начале войны, когда вызвался добровольцем прикрыть отступление остатков разгромленного полка. А это что за существо? Неужели этот старик с распухшей фиолетовой мордой тоже он?! Да, это он, бывший неудавшийся актёр, а ныне — вахтёр в каком-то магазине. Этот толстый, лысый и самоуверенный тип тоже он — доцент в каком-то провинциальном городишке. И этот отставной полковник — тоже он. Он пришёл сюда прямо из своего огорода на окраине сибирского городка, где он возится с утра до ночи с картошкой, помидорами, луком и прочими дефицитными теперь продуктами питания. Жена и дочь продают их на городском рынке. Хорошие деньги приносит огородик, побольше, чем его полковничья

пенсия.

А люди идут и идут. Молодые и старые, трезвые и пьяные, больные и здоровые, лысые и волосатые, толстые и тощие, опустившиеся и сохранившие форму, Удачливые и неудачники, живые и мёртвые. Преобладают старые, обрюзгшие, обросшие, грязные, пьяные, больные. Будто это — собрание пропойц, околачивающихся в московских забегаловках и около винно-водочных магазинов. Ничего себе возможности, открытые для русского Ивана!..

— Товарищи! — торжественно прозвучал в зале голос. — Первый в истории человечества съезд всех потенциальных «я» одной и той же реальной личности объявляется открытым! Слово для отчётного доклада представляется единственному реализовавшемуся из всех потенциальных «я» — советскому разведчику в Западной Германии по кличке Немец.

Он направился к трибуне. Но трибуна исчезла. Исчезли все собравшиеся. Остался лишь маленький номер в третьеразрядном отеле в чужом немецком городе. И он, старый человек, растерявший все свои потенциальные «я» на пути к этой реальной нелепости.

Ощущение опасности

Вернулось ощущение опасности. Это не страх, а нечто иное. Это ощущение того, что теперь ты стал для других объектом той самой деятельности, какую занимался сам до сих пор.

Есть агенты, о которых контрразведка знает с самого начала. Их «разоблачают» по мере надобности или в силу необходимости. «Разоблачение» грозит им высылкой из страны или, в худшем случае, кратковременным тюремным заключением, которое они, как правило, не отбывают долго — их обменивают на своих агентов, осуждённых в соответствующей стране, или отпускают в обмен на какую-либо услугу или уступку. Но есть агенты, о существовании которых контрразведки не знают и разоблачение которых означает немедленное уничтожение. Эти агенты суть смертники. Он принадлежит к их числу. Он знал это с самого начала. Время от времени для него возникала тревожная ситуация, и он научился ускользать от неё. Но в последнее время ощущение большой опасности, возникнув, уже не покидало его, достигая порою состояния интуитивной паники. И тогда он метался по стране, меняя документы, машины, внешность. И все же он чувствовал, что опасность неотступно следует за ним. Незримая, неуловимая, но ощутимая каждой клеточкой тела. Вот и сейчас он чувствует, что его обложили со всех сторон, но не видит тех, кто это сделал. Нужно немедленно покинуть этот город. За каким чёртом ему приказали прибыть сюда?! Ничего нового он здесь не узнал, кроме этой мизерной группки «Объединённая Европа». Москва считает, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Но ведь тому, что он видел, в Москве всё равно не поверят.

Уничтожение Социолога было грубой ошибкой. Оно было организовано так, что все внимание контрразведки было направлено на

него, на Немца. Зачем это было сделано? Умышленно? Неужели в Москве решили пожертвовать им ради каких-то «высших» целей? Впрочем, в агентурной работе это обычное дело. Он сам не раз принимал участие в таких операциях. Выходит, теперь его черёд? Но это же несправедливо. А почему это несправедливо? Разве было несправедливо во время войны оставлять на верную смерть одних, чтобы прикрыть отступление других?! Но такие рассуждения хороши лишь тогда, когда они касаются других, а не тебя лично. Он, Немец, не трус. Он готов умереть, если жертва жизни оправданна. А в данном случае он не видит никакого разумного оправдания. Надо хотя бы на время покинуть эту страну. А куда? Может быть, в Южную Или Центральную Америку? Сражаться за какой-нибудь режим. Все равно за какой. Или против какого-нибудь режима. Все равно против какого. Так или Иначе убьют. А «за» или «против» — для истории не Играет никакой роли. А может быть, лучше в Африку податься? В какое-нибудь дикое племя? Поселиться в хижине с негритянкой... А где ты теперь найдёшь в Африке дикое племя? А хижину? И негритянки теперь цену себе осознали. И нашего брата Ивана там не меньше, чем здесь.

Германия

Ещё до рассвета русский человек по кличке Немец покинул Бонн. Выехав из города и не видя преследования, он вздохнул с облегчением. Он мчался по прекрасному немецкому автобану на прекрасной немецкой машине мимо богатых и сытых немецких городов, городков и деревень, которые русский человек никак не способен признать деревнями. Чувство опасности постепенно ослабевало в нём. Вот оно исчезло совсем. На душе стало легко и радостно. Вот промелькнула раздавленная кем-то птица, не успевшая взлететь с ав-тобана. Была — и нет. Как будто её и не было совсем. Появляются и исчезают галактики, а не то что отдельные птицы. Даже галактики галактик исчезают. Где-то возникали и исчезали грандиозные цивилизации. Возникали и исчезали живые существа, которые в сравнении с нами были как боги. И где они? Исчезали без следа. Так стоит ли думать о жизни такого ничтожного червяка, как советский агент?!

Вдруг он почувствовал, что машина потеряла управление.

...Он не успел понять, что случилось...

Москва

На Великой Карте в Москве потухла одна лампочка. Её тут же заменили две новые.

III. Великая Кнопка

Загадка

Но всё-таки почему незначительная газетёнка и безликая «Группа товарищей»? Ведь за этим должна быть большая жизненная драма. Конечно, большинство людей исчезает в Ничто вообще без некролога. А тут все же некролог, и не в заводской или стенной газете жилищно-эксплуатационной конторы, а в городской газете. И все же это не объяснение и тем более не оправдание. Должны быть веские причины, чтобы вычеркнуть его из жизни с некрологом низкой категории. В советской истории имели место многочисленные случаи, когда руководители высшего уровня теряли свои посты, но все же достаивались некрологов высшей категории. В чем провинился наш герой, чтобы быть так жестоко наказанным?

На вершине карьеры

Западник достиг вершины в избранном им канале карьеры. И что бы он теперь ни делал, он уже не мог подняться выше: некуда. Чтобы подняться выше, надо переходить в аппарат ЦК. Но это связано с риском. И время на это нужно. А годы Западника уже не те. Кроме того, ситуация в системе власти должна быть стабильной хотя бы в течение пяти лет. А рассчитывать сейчас на это ни в коем случае нельзя. Положение нового Генсека не такое уж прочное. Борьба группировок за власть обостряется. Генсек стар и болен. В любую минуту может произойти событие, которое безжалостно переломает все расчёты и планы. Так что менять канал карьеры было бы безумием. А на вершине его канала карьеры вступает в силу так называемый потолковый эффект: чем успешнее будет его деятельность, тем больше шансов будет на то, что он покатится вниз. Забравшись на вершину карьеры, он должен вцепиться в неё когтями и зубами и замереть, не делая никаких неосторожных движений.

Одно из правил поведения на вершине карьеры гласит: проявляя инициативу и иди на риск только тогда, когда для инициативы не нужно проявлять никакую инициативу, а риск не связан ни с каким риском. Но именно на вершине карьеры соблазн инициативы достигает апогея, а любой риск представляется оправданным и ненаказуемым. Именно в таком положении и оказался Западник.

Рутинa и дыхание истории

Все великое в истории начинается тихо и незаметно. Когда великое осознается как великое, начало его исчезает без всяких следов в прошлом. Когда оно начинается, никто ещё не знает, что началось нечто великое. На лбу новорождённого младенца не бывает написано, что родившийся есть Наполеон. Так случилось и с Западником.

Однажды после очередного доклада шефу КГБ Западник вернулся в свой кабинет, попробовал заснуть на несколько минут (по-наполеоновски), но впервые в жизни это у него не получилось. Он задумался над тем, на что он потратил свою неповторимую жизнь. Его мозг вдруг осветила мысль, что он был рождён для дел сталинского масштаба, а вынужден гробить свой гений (он так и подумал: гений) на всякую канцелярщину. Где проходит его жизнь в основном? За письменным столом. И ещё было бы полбеда, если бы он эпохальными и планетарными идеями занимался. Ничего подобного! Мелочи, мелочи и мелочи. Из них, конечно, и складываются дела эпохального и планетарного значения. Но попробуй ощути это!

По дороге домой он думал все о том же. Какой-то мыслитель сказал, что в последнее столетие вообще вся история есть продукт деятельности канцеляристов и что это справедливо, потому что канцеляристы и есть мозг общества. Это, конечно, верно. Но в это надо внести наш, советский корректив. Надо в канцелярщину внести элемент творчества! Надо канцелярскую скуку поднять на уровень шекспировской или даже греческой трагедии! Надо канцелярские «мелочи» возвысить до уровня Великой Истории! Пора в конце концов и ему, Западнику, показать свою способность мыслить эпохальными масштабами.

Хорошо, что Социолога уже нет. Социолог стал бы помехой. Тот уже начал было публиковать серию статей о маниакальных претензиях нового советского руководства. Хорошо, что Немец пресёк эту антисоветскую вылазку. Жаль, конечно, с другой стороны, что пришлось из-за этого пожертвовать опытным агентом. Но что поделаешь! Война есть война.

Им вдруг овладело благородное чувство ответственности за будущее страны. Будущее, что это такое? Послезавтра? Чепуха! Будущее не есть чисто физическое явление. Будущее существует прежде всего в нас самих. Как надежды, как ожидание и как намерение. Будущее. Как физическое явление уже существует в настоящем, оно лишь есть реализация потенциалов настоящего. Будущее не столько предсказывают, сколько делают, причём таким, каким хотят его иметь. Когда будущее Приходит, оно приносит с собой нечто такое, чего мы не хотели и что мы не ожидали от него (потому что не хотели). Будущее похоже на наших детей. В нем всегда случается нечто такое, что при самом педантично точном исполнении наших намерений и желаний делает его не похожим на наш идеал.

Будущее человечества, думал он, уже родилось: это — коммунизм. Запад тоже неуклонно движется к коммунизму. Идеи коммунизма были изобретены на Западе, а не в России. И они там не были высосаны из пальца. Не спасёт Запад от коммунизма и война. Войны не меняют направление эволюции. Они лишь замедляют или ускоряют эволюцию в уже избранном направлении. Главная проблема для нас — не судьбы коммунизма, а как уцелеть в качестве данного человеческого материала. И уцелеть так, чтобы плодами выживания воспользовались мы сами, наши дети, внуки, правнуки. Если для этого надо пожертвовать самим

коммунизмом, мы им пожертвуем. Лишь бы выжить. Если мы выживем такой ценой, мы потом построим тот же самый коммунизм, причём не хуже нынешнего.

Дома

Приехав домой, Западник принял ванну, выпил графин водки, плотно закусил, похвалил жену за хорошую еду, спросил что-то о сыне и дочери и приготовился смотреть по телевидению интервью Генсека сотруднику западногерманского журнала «Шпигель». Шутливый разговор с шефом КГБ не выходил из головы. Кто знает, может быть, он, Западник, действительно был рождён для дел эпохального масштаба? Но вот началась передача интервью Генсека. Совершенно пустое, серое, обычное интервью, которое мог дать любой советский руководитель.

Все в мире ожидали, думал зевающий от скуки Западник, что новый Генсек скажет или сделает что-нибудь «остренькое», чем можно было бы заполнить все газеты и журналы, привести в возбуждение тысячи политиков и десятки тысяч журналистов, короче говоря, оживить мировую атмосферу. Не оздоровить — это дело безнадёжное. К тому же для мировой атмосферы оздоровление противопоказано: оно рождает скуку. Именно оживить. Ах, как это было бы приятно для мировой атмосферы, если бы новый Генсек приказал отозвать из Афганистана роту солдат, отслуживших свой срок! Сколько слов было бы сказано о победе сил свободы и демократии над советским империализмом, о стремлении советского руководства к разрядке! Сколько забытых и полузабытых имён, некогда гремевших на мировой арене, снова вылезло бы погромить на упомянутой арене!.. Или прикажи новый Генсек пару устаревших танков пустить на переплавку! А ещё лучше — наоборот, стукнул бы новый Генсек кулаком по кремлёвскому столу и рявкнул бы на весь мир: «Я вам покажу кузькину мать, я вам покажу, где раки зимуют, мать вашу так иразэдак!!!» Какая это была бы радость мировому общественному мнению и всем прочим силам на мировой арене. «Вот это человечище! — вздохнул бы с облегчением мир. — Вот это железная рука! Этот, пожалуй, будет тиранчище похлеще Сталина! Этот любой пожар зажжёт! Этот миллиард людей прикончит, не побоится! Не зря же он пятнадцать лет в КГБ заворачивал! А КГБ — не шутка! КГБ — сила!..» Но, увы, ничего подобного не произошло. Новый Генсек мямлил обычные банальности, как и старый. И западным журналистам приходится из кожи лезть, чтобы выкопать в его серых речах хотя бы какую-нибудь капельку железности, грозности, сатанинства.

Он выключил телевизор, не дождавшись конца интервью. Мысль о том, что он был рождён для чего-то более значительного, чем «канцелярская» рутина, вновь возникла в захмелевшем мозгу. Он ушёл в кабинет, удобно устроился в любимом кресле и размечтался. Сначала он мечтал о предстоящем присвоении очередных воинских званий работникам аппарата. Он, Западник, уверен, что Генсек велит присвоить

ему сразу звание генерал-полковника. Для него, не служившего в армии ни одного дня, это неплохо. И давно пора ему присвоить звание Героя Социалистического Труда. Было бы, конечно, лучше получить Звезду Героя Советского Союза. Это справедливо было бы: он уже командует победоносной советской незримой армией, атакующей Запад.

Война и власть

Война ему лично не страшна. Он входит в число важнейших лиц страны, которые уцелеют в любой войне. Его квартира и дача расположены в районах квартир и дач самых высших лиц (дача рядом с дачей самого Генсека), так что в случае войны ему и его родственникам гарантирована комфортабельная квартира со всеми «стратегическими» запасами в полной безопасности. Сначала под землёй прямо в том же районе, затем в природных пещерах на Урале. Он беспокоился не о себе лично и не о своих близких, а о судьбе страны. И это было искреннее беспокойство: власть теряет всё своё обаяние без того народа, над которым она есть власть. Робинзоны не бывают королями, президентами, канцлерами, маршалами, министрами и... аппаратчиками. Разве что в сумасшедшем доме. Уцелевшее руководство без массы руководимых в течение нескольких недель превратится в сумасшедший дом в буквальном, медицинском смысле слова. Двор свергнутого короля или императора мог выглядеть нормальным человеческим объединением лишь постольку, поскольку оставалась масса людей, которые сохраняли историческую память, приверженность и сочувствие. Но и тут была лишь игра полоумных. Любой психиатр мог бы констатировать тут уклонение от норм человеческой жизни. Так что уж говорить о сравнительно небольшой группе людей, довольно примитивных интеллектуально, с бедной культурой, привыкших властвовать, привыкших к почестям и комфорту, довольно старых, которые вдруг оказались без всего того, что породило их! Если даже допустить, что на Земле сохранится значительная часть населения, но какое-то время будет опасно жить на поверхности, всё равно сознание изолированности сделает своё коварное дело. Массовое умопомешательство в спасённой руководящей группе, какой бы большой она ни была, будет неизбежным следствием изоляции.

Если что-то способно удержать людей от новой мировой войны, так это страх сильных мира сего оказаться после войны на положении сумасшедших в подземных или отдалённых от бывших центров культуры изоляторах. И ещё неизвестно, как поступит уцелевшее на Земле население с ними. Скорее всего, оно расправится с ними как с виновниками трагедии.

Трезвый подход

Он выпил ещё бутылку водки, и мысли его стали трезвыми.

Война неизбежна, подумал он. И мы это понимаем. Мы готовимся к

ней. А как? По бумагам — превосходно. А на деле? На деле, как и во всем, сплошная халтура.

Недавно он возглавлял особую комиссию, инспектировавшую состояние межконтинентального оружия, по идее готового в любой момент начать действовать. Стоит кнопку нажать, и... И либо ничего не получится, либо получится не то. Судить мерзавцев надо!

Размышляя таким образом, мой государственный муж уснул в кресле.

Сон

Ему приснилось, будто советская разведка сообщила: США начнут атомную войну против Советского Союза в такое-то время такого-то числа. Сообщил самый ценный советский шпион, который был внедрён в Пентагон ещё до образования США, и потому он не вызывал никаких подозрений у ЦРУ и ФБР. Западник, получив такое сообщение, бросился искать Генсека: надо опередить американцев! Но Генсек уехал на юг в санаторий и просил не беспокоить целый месяц из-за всяких пустяков. Тогда он решил разыскать членов Политбюро. Но те разъехались по дачам и не захотели принимать его без ведома Генсека: ещё подумает, что заговор устраивают, с Генсеком такую же шутку сыграть хотят, как в своё время с Хрущёвым. Что делать? Тогда он решил сам взять на себя великую историческую ответственность и нажать советскую Кнопку раньше, чем это сделает американский аппаратчик. Он бросился искать Кнопку, но никак не может её найти.

Он спрашивает одних прохожих: где, мол, Кнопка? Ему показывают налево. Бежит налево — нет Кнопки. Другие прохожие говорят, что Кнопка — направо. Бежит направо — там тоже никакой Кнопки. А время идёт. Американский кагэбэшник (называемый там Восточником) уже шагает по длинному коридору Пентагона к своей Кнопке. И указательный палец держит наготове, негодяй. Что делать? Как быть?! Заплакал мой патриот Западник горячими слезами. Решил обратиться прямо к трудовому народу, как в своё время товарищ Сталин. Мол, старики и дети, мужчины и женщины, калеки и здоровые, братья и сестры, дорогие друзья мои! Так, мол, и так, укажите, где Кнопка зарыта? Так и сделал. Указали ему трудящиеся на Кнопку: вот, мол, она, прямо у тебя под носом! Обрадовался Западник, как кот на мышь, бросился на Кнопку. Всеми десятью пальцами нажал на неё. А Кнопка не работает!.. Не работает, и все тут. Сломали Кнопку трудящиеся массы! И оборудование все растащили и пропили. Дорогое оборудование, американское! Наши шпионы десять лет охотились за этим оборудованием. Сколько сил потратили! Сколько политиков и бизнесменов подкупили! Сколько прогрессивных сил совратили! А тут — за паршивую поллитру водки спёрли и продали. И водка-то не первый сорт, не «Московская особая», не «Столичная», а самый дешёвый «сучок»! У нас всегда так: чуть зазеваешься, разворуют или сломают. И ракеты новейшие миглом на самогонные аппараты переоборудуют, титановые оболочки на крыши для

сараяв и погребов пустят. Что же всё-таки делать? Надо страну привести в состояние боевой готовности и начать войну без Кнопки. Сказано — сделано. Отдал он все необходимые распоряжения. Кинулись все граждане исполнять свой долг согласно инструкциям, планам, предписаниям и высшим эпохальным, стратегическим и тактическим концепциям. Все делают как положено. Даже лучше. Но ничего путного у них не получается. По отдельности все верно, а в целом — ошибка выходит. Ракеты не летят или летят не так, как положено. Бомбы взрываются как-то боком и вверх ногами. Чего-то во всем этом не хватает. Чего? Чего?!!

Великий Проект

Нам не хватает ядра, которое придало бы нашей подготовке к войне более целесообразный и эффективный характер, думал он по дороге на работу. Нужен комплексный проект будущей войны. Великий Проект Будущего. Надо принять этот Великий Проект Будущего как абсолютный государственный закон. Надо построить всю жизнь страны так, чтобы нельзя было этот Закон нарушить никому, чтобы нельзя было его отменить и вернуться вспять. Жизнь По этому Закону должна пойти так, чтобы никто и Ничего не смог бы разворовать, сломать, разбазарить, Пропить. Чтобы нельзя было халтурить и обманывать.

Одним словом, этот Великий Проект должен обладать божественной мудростью, ясностью, предопределённостью. И он, Западник, отныне посвящает свою Жизнь этому Великому Делу Жизни.

Закончив эту мысль, мой Западник даже прослезился от радостного возбуждения. Он почувствовал, что наконец-то приобщается к Великой Истории, которая ему по плечу, которая адекватна его личным масштабам. Последующие две недели Западник работал более вяло, чем обычно. Помощник решил, что он нездоров, и посоветовал ему отдохнуть в санатории. Сейчас особо важных дел нет, одна «текучка», можно и без него обойтись. В случае чего помощник свяжется по прямому проводу или прибудет лично. Но Западник не был болен. Наоборот, он был здоровее обычного. Он обдумывал важнейшую проблему: как назвать свой Великий Проект Будущего? Наконец его осенило: он назовёт его «Великая Кнопка». Не «Волга», не «Восток», не «Союз», а именно «Великая Кнопка»! Его Великий Проект и будет той кнопкой, нажав которую мы завоюем всю последующую историю.

Отцы и дети

Личная жизнь ответственных лиц страны и членов их семей скрыта от общественного мнения, которое в стране вообще отсутствует, т.е. не предаётся гласности и тщательно скрывается. По идее такие лица и их домочадцы должны быть образцом нравственности. И уж во всяком случае они должны чтить Уголовный кодекс. Каков на самом деле уровень

нравственности этой среды, установить практически невозможно — запрещено. Лишь по отдельным, из ряда вон выходящим фактам, которые становятся всеобщим достоянием через специфически советскую систему распространения информации — через систему слухов, простые граждане догадываются, что «там» далеко не все в порядке. Они удивляются, конечно, тому, что и «там» полно жуликов, бандитов, мошенников, подлецов и мерзавцев. «Чего им там ещё нужно?! — недоумевают простые червяки человеческого муравейника. — Ведь все имеют по потребности, как при полном коммунизме: еды вдоволь, питья вдоволь, жилья вдоволь, развлечений вдоволь. Что ещё нужно?!» Наивные червяки человеческого муравейника забывают при этом доморощенную житейскую мудрость «Аппетит приходит во время еды» и высокую научную истину «Удовлетворённая потребность рождает новую».

Шеф КГБ попросил Западника зайти к нему в кабинет и положил перед ним объёмистое досье на его любимого сына. Западник побледнел, сильно кольнуло сердце. Но он виду не подал. Молча перелистал содержимое папки. Моральное разложение — это пустяки. Это поправимо. Сейчас многие проходят через это. Это вроде того, как русские дворяне в молодости в гусарах служили. Но вот кое-что похуже. Валютные махинации. Наркотики. Контакты с западными секретными службами.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал шеф КГБ, подчёркнуто обращаясь к Западнику на «вы», — что важно принять меры, чтобы никакая информация не стала достоянием прессы на Западе. Кроме того, вот этих лиц надо срочно отозвать с Запада, установив за ними строжайший контроль. Вот этих лиц желательно нейтрализовать...

«Мы даём нашим детям самое правильное воспитание, — думал он, вернувшись домой и уединившись в кабинете. — Почему же получаются такие досадные срывы?»

Он так и подумал: «досадные срывы». Сам собой напрашивался вывод: тлетворное влияние Запада. Он вспомнил коллекцию порнографических романов в библиотеке дочери, по её словам — самую богатую в Москве. Он не придавал этому значения: книги были на непонятных ему языках, и потому они казались ему не понятными никому и безобидными. Он вспомнил коллекцию детективных и криминальных романов у сына. Пластинки и кассеты современной западной музыки. Фильмы. Иногда сын запирался с друзьями в своих комнатах — смотрели эротические фильмы, привезённые с Запада. Смотрели вместе с девочками. Теперь он догадывается, что они не только смотрели, но применяли виденное на практике. А в другой раз он краем уха слышал рассуждения «детей» о наркотиках. Они говорили, что надо все самим попробовать, что нельзя все принимать на веру. Кто знает, может быть, истина не только в вине и женщинах?!

Этому надо положить конец, думал он. Надо спустить новый «железный занавес». Только более умный, чем раньше. Нам надо брать на Западе лишь то, что не несёт с собою моральное разложение нашего общества.

Ему в голову приходили и другие красивые и торжественные мысли. Ему не приходили в голову лишь самые простые житейские истины, имеющие силу для всех времён и народов. На людей самое сильное впечатление производят не привычные явления, а из ряда вон выходящие. При воспитании людей решающую роль играют не повседневные добродетели, а исключительные пороки. Мой Западник не помнил, например, об одном вроде бы ничтожном событии в их жизни. Они ждали в гости одного человека, от которого зависел следующий шаг в карьере Западника. Они говорили об ожидаемом госте с презрением. Дети слышали разговор и догадывались о его сути. И как изменилось поведение родителей, когда гость прибыл! И дети это тоже отметили в глубинах своих душ. А сколько было случаев такого рода в их семье! Сколько они потом видели случаев, разрушающих официальную мораль, в школах, институтах, в других семьях! А лицемерие и ложь пропаганды!.. Короче говоря, Западник забыл про ту житейскую грязь, через которую прошёл он сам-Он выкарабкался и обзавёлся добродетелями. А дети его уже не нуждались в том, чтобы выкарабкаться. Для них проблема жизни заключалась лишь в том, чтобы сохранить доставшиеся им по рождению блага, но не обзаводиться при этом никакими ограничивающими их добродетелями.

Он не думал обо всём этом потому, что это была норма его жизни, а не её нарушение. Влияние же Запада было уклонением от нормы. Пройдя через свою отечественную житейскую грязь (через «школу жизни»), дети наберутся мудрости («перебесятся») и пойдут по стопам отцов. Так было. Так есть. И так будет. А вот влияние Запада!.. Не будь этого проклятого Запада, его сын стал бы обычным советским человеком — прохвостом в третьем поколении, как сказал бы дед.

Ненависть к Западу охватила все существо моего Западника. Запад — не просто враг его страны. Запад есть его личный враг, угроза всему тому, что входит в его ощущение и понимание жизни.

Станным во всей этой ситуации было то, что Западник не усомнился в достоверности тех материалов на сына, которые предъявил ему Председатель КТБ. А между тем лишь часть этих материалов соответствовала истине. Но если бы даже он усомнился, как он мог проверить их?

Расплата

Ночь он не спал. Когда он на другой день приехал в своё учреждение, он был совершенно седой. Сослуживцы знали о причине, но не подали виду. Дома они учили своих детей уму-разуму, но так, что дети делали свои отнюдь не нравоучительные выводы. Он позвал заместителя. Час беседовал с ним. Заместитель вышел из его кабинета с таким видом, как будто получил приказание нажать роковую Кнопку. Прошло несколько Дней. В одной бульварной газетёнке на Западе мелькнул смутный намёк на то, что сын некоей важной персоны в центральном советском аппарате

власти погиб в весьма странной автомобильной катастрофе. Но на другой же день газетёнка сама опровергла слух.

А Западник слёг в больницу с инфарктом. Положили его, естественно, в Кремлёвскую больницу (в Кремлевку).

Инфаркт был первый и не очень серьёзный. Через неделю он уже принимал посетителей. Навестили его и дочь с зятем, которого наконец-то выдвинули в члены-корреспонденты Академии наук. Правда, не выбрали. Но и тот факт, что выдвинули, был сам по себе важен. Зятя теперь назначат заведовать отделом в институте, а на следующих выборах всё-таки выберут и в членкоры. На радости зять рассказал новые анекдоты, которыми сейчас потешалась вся Москва. Дочь и зять смеялись, а ему было не до смеха: анекдоты касались ситуации в высшем руководстве, а значит — и его лично. Рассказав шутку насчёт того, что «Генеральный секретарь ЦК КПСС после тяжёлой, продолжительной болезни, не приходя в сознание, приступил к исполнению служебных обязанностей», дочь и зять ушли.

Потом приехала жена. Она сообщила приятную новость: прах сына разрешили поместить в колумбарии Донского монастыря. Это, конечно, не Новодевичье кладбище, но все же и не Новодевичье.

Как она постарела, думал он, глядя на сидевшую перед ним бесформенную седую женщину, к которой никогда не испытывал глубоких чувств (а к кому он их испытывал?!). И когда она успела так постареть?

Он не подумал о том, что его сын был и её сыном. Он снова погрузился в думы эпохального значения, и ему было не до этой «глупой старухи».

Будущая война

В соседней палате лежал очень важный генерал. Он лежал уже со вторым инфарктом и был на пути к выздоровлению — на пути к третьему, т.е. последнему инфаркту. Иногда он гулял с Западником, которого знал много лет, и обменивался с ним мыслями о будущей войне.

— Нам друг другу врать ни к чему, — говорил генерал. — Мы с тобой фактическое положение знаем. Выдержим мы конкуренцию с американцами, если пойдём Их путём? Нет, ни при каких обстоятельствах. Какой вывод? Нам надо делать то, что не зависит от этой конкуренции. Нам своим путём идти надо. Каким? Прежде всего — атомное оружие. Мы уже сейчас умеем делать бомбы посильнее американских. А скоро мы такие «штучки» будем делать, какие американцам пока не снятся. Одной бомбочкой можно будет Нью-Йорк с лица Земли снести. Согласен, американцы будут развивать средства защиты от наших бомб. Но что бы они ни выдумали, по крайней мере одна наша ракета из ста с такой «бомбочкой» прорвётся к цели. И этого нам достаточно. Пойми, наше главное оружие на много лет — наша способность нанести огромный ущерб противнику именно с помощью атомного оружия. Нас боятся, так как знают, что мы на это способны во всех смыслах. А все остальное —

праздные фантазии. Нам надо быть реалистами. Во-первых, мощное атомное оружие как средство защиты от возможного нападения. Во-вторых, развитие других форм вооружения, какие нам под силу и какие будут ещё более опасными для Запада. Запад должен осознать, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не капитулируем, что мы будем воевать любой ценой и до последнего, что мы способны нанести непоправимые потери Западу, несмотря на превосходство Запада во всех отношениях.

В другой раз генерал рассказал Западнику ещё об одной перспективе использования атомного оружия. Рассказал «по секрету». Это рассмешило Западника: говорить по секрету ему, который живёт в этих секретах и набит ими от пяток до лысины! Но то, что сказал ему генерал, его изумило. Он думал, что это относится к области научной фантастики. Оказывается, это становится реальностью. С помощью водородных бомб, как утверждал генерал, можно изменить климат на Земле так что в США и Западной Европе наступит полярный холод. Снежные ураганы парализуют там всю жизнь. И «они к нам приползут на четвереньках с просьбой принять безоговорочную капитуляцию». Главное — рассчитать точно, сколько «бомбочек», каких и где взорвать подо льдом Ледовитого океана и в Восточной Сибири.

И все же мой Западник в эту «сказку» не поверил. Он был склонен к концепции более высокого (как он думал) интеллектуального уровня. Про себя он считал генерала тупицей, хотя этот «тупица» с отличием окончил две военные академии, а он, Западник, всего лишь самый ничтожный факультет университета, и с посредственным дипломом. Этот генерал не одинок в своём заблуждении, думал Западник. Сейчас многие возлагают надежды на некое всепокрушающее оружие, которое позволит решить все проблемы войны в считанные дни и даже минуты. Таким пока считается атомное оружие. Не исключено, что оно будет как-то использовано. Но не в нём суть дела. Не одно оно решит исход войны. А скорее всего — вообще не оно. Мы должны исходить как из аксиомы из предположения, что война будет глобальной и затяжной. В ход пойдут абсолютно все средства уничтожения людей без всяких ограничений. И подготовка к реальной войне не должна сводиться лишь к изобретению и усовершенствованию сверхоружия.

Сложился предрассудок, будто любой пустяк может послужить поводом к мировой войне, будто война начнётся внезапно (нажмут кнопку, и все), будто воюющие державы в считанные минуты разрушат друг друга. Это мнение удобно как средство воздействия на массы. Но для себя мы знаем, что это есть чепуха. Мировая война по самой своей природе не может начаться внезапно. Её не так-то просто развязать. Чтобы великая война началась, нужна определённая предвоенная ситуация во всем мире. Нужно, чтобы появились лица, способные принимать роковые решения, и чтобы они приобрели авторитет в массе населения и пришли к власти. Война должна носиться в воздухе. Массы населения должны привыкнуть к мысли о её неизбежности и ждать её с нетерпением. Война

должна стать желанной в том смысле, в каком приговорённый к расстрелу порой с вожделием ждёт команду «Пли!».

В войну будут втягиваться постепенно и неохотно. Даже серьёзные поводы будут оставаться без последствий. И великие державы не будут разрушены в минуты. У них мощные средства защиты, они долго будут сопротивляться силе противника. Чтобы начать войну, нужен инициатор и молчаливое согласие противников на это. Без нашего согласия война не начнётся. А мы ещё не готовы к победоносной войне. Чтобы быть готовым, нужно сделать нечто подобное тому, что мы сделали в своё время с космической программой, но в гораздо больших масштабах и с расчётом на целую эпоху, а не на несколько лет.

Смерть генерала

Ночью генерал внезапно скончался. Скончался из-за какой-то пустяковой медицинской ошибки. На другой день все газеты напечатали некролог, подписанный самим Генсеком, всеми членами Политбюро и всеми высшими военными чинами.

Смерть генерала напугала его: а вдруг и он, Западник, так же внезапно умрёт, не завершив свой Великий Проект?! Но страх заглушила мысль о том, что после его смерти будет напечатан такой же некролог, как на генерала. Правда, у него, Западника, наград не так много, как у покойного генерала. И в войне с Германией он не принимал участия. Зато он вёл и ведёт непрерывную агентурную войну с Западом. А через несколько лет и у него наград будет достаточно. И Золотая Звезда будет. И чин генерала армии будет. А если его Великий Проект будет одобрен, то и побольше кое-что будет. Конечно, неприятная история с сыном ему несколько повредила. Но он вёл себя в этот трудный момент правильно, как подобает настоящему коммунисту. Сам шеф КГБ признал это. Так что это может даже сыграть положительную роль. Нет худа без добра.

Не-е-т, Западник не из того материала сделан, чтобы умереть внезапно, не доведя до реализации свой Великий Проект. А некролог у него будет даже получше, чем у генерала.

Некрология

Некрология есть наука о советском человеке как о существе, подлежащем умиранию. Возникла она на основе практики социалистических похорон, из неуклонно растущей потребности трудящихся в составлении некрологов, венчающих их жизненный путь. Согласно этой науке, советские люди разделяются на тех, кто после смерти удостоивается некролога, и тех, кто не удостоивается. Первые называются некрологизируемыми. Некрологи разделяются по рангам в зависимости от социальных рангов некрологизируемых. На самом низшем уровне находится некролог в десять строчек в стенной газете учреждения, где работал или состоял на партийном учёте после выхода на пенсию

некрологизируемый. Такой некролог подписывает безымянная «Группа товарищей». На самом высшем уровне находится некролог, помещаемый на первой странице центральных газет и подписываемый высшими лицами страны.

Некрологизируемые граждане, в свою очередь, разделяются на две категории, — на таких, на которых некрологи сочиняются после смерти некрологизируемых, и на таких, на которых некрологи сочиняются ещё до смерти некрологизируемых, зачастую — когда те находятся ещё в расцвете всяческих сил и в самом начале успешно делаемой карьеры. В первом случае некрологи сочиняют парторги или профорги, а то и вообще рядовые члены партийного или профсоюзного бюро. Сочиняют на каком-нибудь клочке бумаги, уже использованной на одной стороне. Сочиняют за каких-нибудь пару минут. Мол, скоропостижно... после продолжительной болезни... преждевременно... внезапно... тяжёлая утрата... невосполнимая потеря... Но никогда не пишут, что некрологизируемый скончался своевременно или с большим опозданием, что смерти его все ожидали с нетерпением, что смерть его является благом для учреждения, сослуживцев и родственников. Во втором случае некрологи сочиняют ответственные лица высоких партийных инстанций с участием представителей общественности тех учреждений, в которых некрологизируемый числился в живых в данный момент. Такие некрологи утверждаются соответствующими органами власти. При этом также устанавливается, где будет опубликован некролог и кем он будет подписан. В связи с изменением положения некрологизируемых и общих партийных установок некрологи корректируются и заменяются новыми.

Некролог в советском обществе

Некролог играет огромную роль в жизни советских людей. Он входит в норму потребления граждан подобно продуктам питания, жилью и прочим жизненным благам. Он есть законная награда, венчающая жизненный путь строителя коммунистического общества. Миллионы людей живут в предвкушении того сладостного момента, когда их сослуживцы увидят их подретушированный портрет тридцатилетней давности в Траурной рамке и прочтут сообщение о их преждевременной кончине. Из этого сообщения все живые узнают, какого замечательного гражданина они потеряли в Лице покойного. В нашем учреждении работал один склочник и клеветник. Он неоднократно повторял нам: Погодите, негодяи, вот подохну скоро, и тогда вы все воочию убедитесь в том, что я был кристально честным самоотверженным, добросовестным и талантливым тружеником вашего сволочного коллектива. Так оно и случилось. Его приукрашенная фотография периода Гражданской войны, снабжённая приведёнными выше высокими эпитетами, долго взирала на нас со стенной газеты и напоминала нам о бренности всего живого и о вечности всего мёртвого.

Один важный чиновник, потерявший высокий пост во время смены

руководства, сумел снять копии со всех своих некрологов, которые составлялись на него по мере того, как он поднимался по служебной лестнице. Он очень ими гордился и собирался повесить их в позолоченных рамках на стену, рядом с Почётными грамотами. Он догадывался о том, каким будет его последний некролог, и очень страдал из-за этого. Он считал несправедливым не столько то, что его выбросили из системы власти, сколько этот последний, унижительный некролог. Он вскоре умер от тоски по достойному его прошлого некрологу, хотя по состоянию здоровья ещё лет двадцать мог бы оставаться «на боевом посту».

А вот другой случай, с противоположным исходом. Крупный партийный работник, впавший в опалу, умирал. Его навестил сам Генеральный секретарь ЦК КПСС и пообещал подписать его некролог. Генсек был уверен, что его обещание есть всего лишь предсмертное утешение. Но умиравший воспрянул духом и через пару дней выздоровел. После этого его имя ещё десять лет фигурировало в списках лиц, подписывавших некрологи высших категорий.

В обществе к некрологам относятся в высшей степени серьёзно, не менее серьёзно, чем к партийным документам и пятилетним планам. Я думаю, что при полном коммунизме все сто процентов граждан будут охвачены некрологами, а в Конституции будет особая статья о священном праве каждого новорождённого члена общества на некролог. И тогда мы окончательно и бесповоротно утрём нос Западу и в отношении прирождённых прав человека. О серьёзности отношения к некрологам вы можете судить по такому примеру. Одного многообещающего прохвоста взяли на работу в ответственное учреждение. Когда сослуживцы отмечали это переломное в его жизни событие, он сказал, что на него теперь первым делом заготовят некролог, на всякий случай. Начались послабления, и счастливый начинающий карьерист решил позволить себе шутку на этот счёт. Он сам сочинил на себя шуточный некролог в таком духе: сослуживцы, родственники и друзья с великой радостью сообщают, что после сильного перепоя сдох отъявленный карьерист такой-то. На другой же день его уволили из этого учреждения и навеки вычеркнули из списка некрологизируемых. Он с горя ударился в запой и вскоре и в самом деле умер от алкогольного отравления. Умер совсем без некролога. А это хуже, чем для правоверного христианина умереть без отпевания.

Некрологи состояются из общих, шаблонных фраз. Каждая из этих фраз по отдельности приложима к любому некрологизируемому гражданину и не характеризует его индивидуально. Но их сочетание по правилам некрологии всегда оказывается таким, что, если в день Страшного Суда все некрологизируемые восстанут из праха, каждый из них безошибочно отыщет свой личный некролог в океане одинаковых, штампованных некрологов, подобно тому, как самка тюленя по крику находит своего тюленёнка среди непрерывного рёва тысяч ему подобных тюленят.

Самая затаённая мечта сотрудников системы власти — завершить свою жизнь некрологом в центральных газетах, подписанным высшими

лицами страны. Западник не был на этот счёт исключением. Страсти, бурлившие в нём по поводу некролога, были посильнее страстей шекспировских героев. Для него потеря возможности получить некролог высшей категории была бы гораздо более страшной бедой, чем потеря короны для короля. Ведь корона — явление временное, а некролог — это навечно.

С чего начинать

В больнице он много думал о назревших в стране реформах. Генсек начал свою реформаторскую деятельность с бесперспективной борьбы против пьянства. А с чего начал бы он, Западник, если бы его вдруг выбрали Генсеком? Он перебрал в сознании все возможные варианты и не нашёл среди них ни одного, достойного масштабам замысла. Все варианты отпали. Остался один: борьба с пьянством, с халтурой, с коррупцией и прочими привычными явлениями жизни. Сама система обрекает её реформаторов на мелочность и низводит эпохальные намерения до уровня, достойного насмешки.

Абстрактно рассуждая, можно было бы начать сразу с грандиозных перемен. С каких? Например, с резкого сокращения нашей международной активности, с сокращения трат на Кубу, на африканские и азиатские страны. В общем и целом эти траты непроизводительны. Все средства страны бросить на улучшение материального положения нашего населения, на развитие новых форм оружия, на внутреннюю консолидацию всех сил страны для будущего рывка вперёд. Абстрактно рассуждая, мы могли бы совершить чудо и в области экономики, аналогичное немецкому и японскому. Но это — лишь абстрактно рассуждая. А конкретно тут приходится иметь дело с миллиардами мелких дел, за которыми в принципе невозможно уследить. Как направить эту огромную и косную массу в нужном направлении? С чего всё-таки начинать?..

Призрак сталинизма

Западник задремал. Ему привиделся Сталин.

— Проблема примитивна, — сказал Сталин. — Начинать надо с репрессий. Надо арестовывать, отправлять в лагеря и расстреливать. Но надо это делать в больших масштабах и регулярно. Арестуйте для начала миллионов десять, и любые преобразования пройдут как по маслу. А там войдёте во вкус, арестуете ещё миллионов двадцать. И никакой Запад вам страшен не будет. И вообще запомни, дорогой: главный враг всякого великого реформатора — его собственный народ! И его соратники, само собой разумеется.

— Согласен, — прошептал Западник. — Но кого арестовывать? Диссиденты почти все вывелись...

— Сажать надо сначала своих. Потом — всех остальных.

— Кого сажать, мы, допустим, найдём. Но вот тех, кто готов сажать других, у нас не так уж много.

— В таком случае дела ваши безнадежны.

— Андропов думает иначе.

— Твой Андропов долго не проживёт, — сказал Сталин, — и не успеет доказать всему миру, что он — такое же ничтожество, как и Брежнев.

— Но ведь он пятнадцать лет успешно руководил КГБ!

— КГБ есть лишь орган власти, а не вся власть. И тем более не вся страна. Мой Берия как глава Органов государственной безопасности был не хуже твоего Андропова. Но он был ничто как государственный руководитель. Если бы он пришёл к власти, он угробил бы страну. Никакого особого андроповского стиля руководства нет и быть не может. Есть только один стиль руководства: сталинский. Все прочее — отсутствие всякого стиля, эклектизм, растерянность, мелочность. Любой генсек теперь может иметь успех лишь при одном условии: если честно и открыто объявит себя последователем Сталина.

— На это вряд ли пойдёт кто-нибудь.

— Тогда любой реформаторский порыв уйдёт в бес-Перспективную борьбу против пьяниц. Борьба против пьянства вообще грубая ошибка.

— А что же делать?

— Вместе с пьяницами начать борьбу против трезвых. Надо прежде всего снизить цену на водку. А потом можно будет делать что угодно. Что именно? Повторяю, сажать! Надо посадить всех, и тогда все проблемы будут решены сами собой. Между прочим, принято решение снизить уровень твоего некролога на один ранг...

— Не может быть! — закричал Западник в ужасе. — Ты лжёшь!!

Но Сталин исчез. Западник очнулся. Неужели Они в самом деле решили занизить уровень его некролога?! Не может этого быть! Генсек не допустит этого. Надо принять меры! Надо непременно встретиться с Генсеком и поговорить на эту тему.

Притча о штуковине

Раньше, когда Генсек был главой КГБ, они встречались чаще. И разговоры были откровеннее и острее. Во время одной из таких встреч Западник рассказал будущему Генсеку такую притчу, которую он сам вычитал из статьи Социолога.

Спроектировали в Советском Союзе танк. И какой танк! Чудо-танк. По последнему слову науки и техники. Западной науки и техники, конечно, не нашей же. Зачем же нашей, если западная есть?! Скорость танка — триста километров в час. Правда, не для наших дорог. Но ведь его и придумали не для наших, а для западных дорог. Представляете себе картину: по западным автобанам в четыре ряда мчатся наши чудо-танки со скоростью триста километров в час! А в

них — наши простые советские парни, освобождающие передовое и свободолобное человечество от ига капитала, колониализма и империализма! Вооружение танка — ультрасовременное, убивающее и разрушающее все в считанные секунды. Причём все автоматизировано. На особом циферблате — деления, соответствующие типу, силе и назначению оружия. Поставишь стрелочку на нужное деление (например — «разгон демонстрации» или «государство размером с Францию»), нажмёшь кнопочку, и все. А дальше умные компьютеры и автоматические устройства делают все сами — устанавливают дозировку бактерий, газов или микрочастиц, скорость действия и прочее. Ты сидишь себе спокойно в мчащемся по автобану танке и ждёшь дальнейших распоряжений. И все! И прицелы автоматические. Нажимаешь кнопку, и карта нужного района мира перед тобой. Коснёшься особым остриём нужной точки района, нажмёшь кнопочку рассчитанного автоматического оружия — и опять-таки ждёшь.

Посмотрели ответственные лица на проект чудо-танка и дали своё добро. Поручили трудящимся выпустить в текущем году текущей пятилетки десять тысяч таких танков. «Есть, — сказали трудящиеся, — будет сделано досрочно и с перевыполнением!»

Только был во всем этом один маленький недостаток. Когда построили танк, выяснилось, что он не работает. Её хватало одной маленькой штучки в механизме, без которой танк не мог двигаться даже со скоростью старого ревматика и стрелять с силой рогатки. И изготовить эту штучку силами своей индустриальной мощи, науки и техники никак не могли. Послали тогда десять разведчиков на Запад узнать, как там дело обстоит с такими штучками. Уехали разведчики. Прошёл год, а от них никаких известий. Послали тогда ещё сто разведчиков. Уехали эти, и опять ни слуху ни духу. Послали ещё тысячу разведчиков, и опять те как в воду канули... Вот каким твёрдым орешком оказалась эта малюсенькая штуковина! Наконец высшие руководители категорически потребовали бросить все силы разведки на решение той проблемы. Послали на Запад десять тысяч шпионов. Те выяснили, куда делась их предшественники. Последние Устроились в правительствах западных стран, в военных Штабах и фирмах, выпускавших военное оборудование. Но Никаких следов штуковины не обнаружили. Они даже были рады этому, поскольку привыкли сытно и с комфортом жить на Западе. Их примеру последовали и новые десять тысяч разведчиков. И они тоже радовались тому что никакой такой штуковины в западной военной технике нет.

Советские руководители уж решили было приказать построить новый танк без такой штуковины, как вдруг она нашлась: пятилетний сын советского посла нашёл её в детской игрушке. Ах, какое было ликование в стране по поводу открытия этой штуковины! Все разведчики, бывшие на Западе, а также все, не бывшие там, были награждены орденами и повышены в чине. Было решёт наладить отечественное серийное производство таких штуковин. И наладили бы

— нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!.. Но тут обнаружилось, что в этой штуковине есть ещё более маленькая штуковина, которую никак невозможно изготовить собственными силами...

— Но ведь нам без этих «штуковин» всё равно не обойтись, — сказал будущий Генсек, выслушав притчу и посмеявшись ей. — А делать эти «штуковины» своими силами — у нас на это нет средств и времени. Знаешь, сколько таких «штуковин» нам требуется, чтобы тянуться за Западом?!

— А зачем нам вообще соревноваться с Западом? — ответил Западник. — Нам надо идти своей дорогой. Нам надо развивать то, что нам по силам.

— Соревноваться с Западом бессмысленно, согласен. Но ведь Запад наш враг в будущей войне, от этого никуда не денешься. И нам надо победить, иначе нас просто сотрут с лица земли. Запад либерален и гуманен лишь постольку, поскольку мы способны дать сдачи. Но ведь ещё лет десять, и Запад разовьёт военный потенциал, значительно превосходящий наш.

— Не преувеличивай возможности Запада. У них есть свои слабости. В будущей войне победит тот, кто разовьёт способность оригинально и творчески мыслить. Вот любопытный пример. Писарро высадился в Америке с тремястами воинами. Его окружила огромная армия индейцев, которой было достаточно просто идти, и она без всякого оружия втоптала бы испанцев в землю босыми ногами. Писарро предпринимает действие, совершенно не укладывающееся в рамки сознания индейцев: он бросается на их вождя, которого они считают Богом, и захватывает его. Индейцы поражены этим до такой степени, что капитулируют без сопротивления. Нечто подобное, совершенно неожиданное для западного способа мышления, должны придумать и мы.

— С группой диверсантов захватить Президента США, — пошутил будущий Генсек.

— Если бы Президент для американцев был Богом, в этом был бы смысл, — ответил шуткой же Западник.

— Но надо ведь трезво смотреть на вещи. В конечном счёте решающим является соотношение сил.

— Согласен. Только вот в чём вопрос: кто и как измеряет это соотношение сил? Перед нападением на нас в 1941 году немцы тоже основывали свою уверенность на соотношении сил, которое было, как они думали, в их пользу. Они ошиблись. Наш расчёт, который западным экспертам казался пропагандистской болтовнёй, оказался точнее немецкого, т.е. западного. Запад и мы измеряем одно и то же явление — соотношение сил. Но мы пользуемся разными критериями измерения. Западные критерии имеют смысл, если социальные системы однотипны. А если они разнотипны? Одна акула и миллион селёдок — кто сильнее? Один тигр и тысяча шакалов — кто сильнее? Есть принцип спрута с

тысячью щупалец, проникающих во все уголки планеты. И есть принцип акулы, свободно бороздящей океан и поведение которой непредсказуемо. Какой лучше?

— У тебя есть какие-то конкретные соображения на этот счёт?

— Общие соображения очевидны. Раз страна в целом не может конкурировать с Западом, значит, надо выделить в ней часть, для которой можно создать условия, сопоставимые с западными. Эти условия можно создать только за счёт другой части. Лишь такое частичное государство в государстве, или государство второго уровня, способно конкурировать с Западом. Наше общество способно решать задачи грандиозного масштаба. Но одну-две в данное время, а не много сразу. Оно решает эти задачи за счёт концентрации всех сил страны на них. Если задач много, силы разбрасываются, и ни одна задача не решается толком. Сейчас наша главная задача — подготовка к победоносной войне. Именно для этого надо создать частичное военное государство в нашем мирном в общем и целом государстве. Как это сделать — для этого надо сначала разработать детальнейший план вроде наших пятилеток.

— Да мы давно пошли фактически по этому пути, выдвигая на первый план укрепление обороноспособности страны. Но конечно, мы ещё далеки от того, чтобы превратить всё, что касается обороны, в особое государство в государстве. Тут надо думать и думать. А на все это нужно время и терпение. И конечно, вся полнота власти. Нужна власть не видимая, а реальная, вроде сталинской, а то и покрепче. И кроме того, в стране уже есть бесчисленные организации и чиновники, которые имеют реальную власть изобразить свою деятельность как воплощение в жизнь самых наилучших планов подготовки страны к войне. Сталину было легче: тогда все создавалось впервые. Нам надо переделывать уже созданное, создавать новое в борьбе с созданным, ломать созданное, чтобы расчистить путь — для нового. Эта задача много сложнее.

Великий Проект

Его Великий Проект и должен стать планом построения особого военного государства внутри общего мирного Советского государства. Но одно дело -идеи. И другое дело — обработка необъятного конкретного материала в духе этих идей. Если ты скажешь, например, что нет необходимости в больших масштабах строить современные подземные сооружения для жизни людей в течение многих лет, так как страна уже располагает огромными исторически данными и природными возможностями на этот счёт, то ты этим вряд ли кого убедишь. Нужен целый научно-исследовательский институт для того, чтобы рассчитать, во что может обойтись строительство защитных подземных сооружений, и доказать, что выгоднее и надёжнее ничего не строить. А чтобы обосновать, что все население страны можно спрятать в природные пещеры, нужно разработать план переброски населения к ним. Любой военачальник, знающий, что такое передвижение одной лишь армии,

скептически усмехнётся, если не представишь ему с военной чёткостью и точностью разработанный план передвижения больших масс населения. Любые идеи, пусть даже сверхгениальные, суть ничто без людей, претворяющих их в жизнь. Надо готовить кадры. И первым делом надо создать особое учебное заведение по подготовке специалистов высшего класса по комплексным проблемам войны. Нужно отбирать туда самых способных молодых людей. Нужно создать для них высочайший уровень жизни, лучше, чем у космонавтов. Нужно дать им образование много лучше университетского. Из выпускников этого заведения надо создать исследовательский центр по проблемам будущей войны. Нужно открыть им самые сокровенные секреты нашей страны. Надо, наконец, реорганизовать жизнь страны в соответствии с результатами их исследований.

После выхода из больницы он решил раскрыть свои тайные мысли Генсеку. Без поддержки последнего о реализации Великого Проекта и думать нечего. Великий Проект должен стать проектом самого Генсека и Всего Политбюро, чтобы стать практически действующей генеральной линией Партии. Впервые за все годы Их совместной работы и дружбы Генсек не сразу согласился на встречу с Западником.

Он и Генсек

Его отношения с Андроповым в те годы, когда тот был ещё главой КГБ и просто членом Политбюро, могли быть образцом взаимоотношений партийного руководителя и обслуживающего его аппаратчика. В те годы Андропов выработал при участии Западника свои великие идеи, которые собирался осуществить, став Генсеком. Но неумолимая реальность вынудила нового Генсека на мизерные действия, ничего общего не имеющие с прежними эпохальными замыслами. Гармония аппаратчика и руководителя была нарушена самим фактом изменения статуса руководителя. Западник перестал соответствовать новому положению своего прежнего руководителя. Руководитель оказался сам во власти новых обязанностей и другого подразделения аппарата власти, соответствующего этим новым обязанностям. Западник даже стал мешать своему бывшему руководителю и бывшему другу в его новом положении, как предмет раздражения соперников, как свидетель измеления великих идей, как неподходящий советник в осуществлении мелких преобразований.

Наконец, Генсек выкроил часок для своего старого друга и советника. Западник изложил ему основные идеи Великого Проекта. Разумеется, не как своего проекта, а как резюме тех идей, какие в своё время выдвигал Генсек.

— Я хорошо помню наши беседы, — сказал Генсек, выслушав Западника. — Ты правильно сделал, что отнёсся к нашим идеям серьёзно и, судя по всему, поработал над ними основательно. Надо подготовить материалы для Политбюро. Одному тебе это не по силам. Я вот думаю,

кого дать тебе в помощники?

И Генсек выбрал в помощники Западнику его давнего врага и соперника.

Борьба за власть

Западнику с его Великим Проектом не повезло и в том отношении, что момент был неподходящим. В руководстве в это время шла ожесточённая борьба за власть. Борьба за власть в советском руководстве не есть кратковременная операция нескольких людей. Это образ жизни большого числа людей, играющих в системе власти наиболее существенную и активную роль. Она идёт постоянно, не прерываясь ни на мгновение. Но временами она достигает особой остроты, а именно — когда под угрозой оказываются личные интересы влиятельных лиц. Как правило, это бывает в периоды смены высшего руководства.

Придя к власти, новый Генсек первым делом должен создать аппарат личной власти, поставив своих людей на многочисленные важные посты. А на это нужно время. Обычно на это уходило четыре-пять лет. Новый Генсек стар и слаб здоровьем. Он должен спешить. Весьма возможно, что он сократит срок укрепления у власти. В этом будет огромный плюс для страны, так как период формирования новой, относительно монолитной правящей группы болезненно сказывается на ситуации во всей стране. Но как бы то ни было, этот период не может быть сведён к нескольким неделям и даже месяцам, поскольку требуется формальное (законодательное) закрепление перемен в системе власти (различного рода собрания, конференции, съезды).

Борьба нового Генсека за укрепление у власти есть сложная игра с уступками, обманными движениями, подвохами. Искусство руководителя и состоит прежде всего в том, чтобы удержаться у власти, и уж во вторую очередь в том, чтобы вести страну наилучшим для неё курсом. Положение руководителя в данном случае подобно положению капитана корабля, который всеми силами отбивается от взбесившейся команды и стремится удержаться на мостике, в то время как корабль носится по воле волн в бушующем океане.

В тот период, когда Западник начал работу над Великим Проектом, новый Генсек был в самом начале периода своего укрепления у власти. Поскольку Западник по инерции считался ближайшим другом Генсека, в нём сразу же почувствовали угрозу «нового Поскребышева». Исключительное положение его отдела и его самого стало предметом пока ещё негласной атаки со стороны «оппозиции» новому Генсеку. Масла в огонь подлила западная пресса, заговорив об угрозе реставрации сталинизма. И хотя все это было абсурдно, Генсек не мог с этим не считаться. И он использовал первый же предлог, чтобы дать понять «своим» и «чужим», что никакого «личного кабинета» и никакого «нового Поскребышева» не будет. Предлог этот — присвоение очередных воинских званий работникам аппарата. Генсек сам лично вычеркнул

Западника из списка.

Удар был неожиданным. Удар ниже пояса. Удар в спину. Удар из-за угла. Западник впервые растерялся. В течение нескольких дней он был в состоянии полного отупения и окаменения. Но до инфаркта на этот раз не дошло, так как он ещё не успел как следует оправиться от первого инфаркта. Тут есть какая-то странная закономерность, ещё не открытая медициной. Подобно тому, как советский аппарат власти отмирает путём укрепления, работники этого аппарата тяжело заболевают и умирают путём выздоровления от прежних болезней и укрепления здоровья.

Все эти дни его преследовало видение Социолога.

«Болван, — звучал в его мозгу голос Социолога, — теперь ты на своей шкуре ощутишь действие Великого Закона Истории: чем разумнее задуманная реформа, тем ожесточённее и глупее общество сопротивляется её осуществлению».

Великая Кнопка

Кнопка снилась ему теперь каждую ночь, причём по несколько раз. То в образе домработницы-осведомительницы КГБ. То в образе Соперника. А на этот раз она приснилась ему в собственном величии. Огромная, высотой выше колокольни Ивана Великого. И очень похожая на неё. Это прекрасно. После войны Кнопка будет установлена в Кремле рядом с Царь-пушкой и Царь-колоколом. Это будет Царь-Кнопка. И все иностранцы будут поражаться этой самой Великой Кнопке в истории. И никто, конечно, не вспомнит о том, что эта Кнопка ни разу не была нажата, но что именно в этом и была её устрашающая сила.

От Кнопки тянулись толстые провода во все высшие учреждения страны, из последних — в учреждения пониже. И так вплоть до рядовых граждан. И было очевидно, что стоит Кнопку нажать, как весь механизм страны оцетинится ракетами и штыками. Только вот как такую Великую Кнопку нажать? Надо же вверх забраться. А лестницы нет. И какой палец для этого нужен?!

— Нужно соединить в один Великий Палец все пальцы всех членов ЦК и КГБ, чтобы такую машину нажать до конца, — услышал он голос Соперника. — А ты, червяк, один вознамерился! Да мы тебя за такие поползновения к ногтю! К ногтю! К ногтю-ю-ю-ю!! И некролог на тебя будет второй... нет, третьей категории! А не то — совсем без некролога подохнешь! Без некролога! Без некролога!!

Глас народа

Идея Великой Кнопки уже носилась в воздухе вместе с прочими великими идеями. В половине писем трудящихся, приходящих в ЦК, КГБ и прочие Учреждения власти, говорилось о Кнопке. И все трудящиеся единодушно настаивали на том, что такая Кнопка нужна в каждом советском учреждении, чтобы советский народ смог опередить

американцев и нажать Кнопку раньше этих агрессоров и поджигателей новой мировой войны. Некоторые трудящиеся предложили установить Кнопки в каждой квартире наподобие центрального отопления, газовых плит и холодильников. Трудящиеся Энской области выступили с почином догнать и перегнать США по числу кнопок на душу населения. Зачем, спрашивается, несколько кнопок на одну душу населения? Очень просто: одну кнопку нажимать по рабочим дням, другую — по праздничным. У американцев будет по два автомобиля на человека, а у нас — по две кнопки. Нажмём одну кнопку — бах! — и нет у американца одного автомобиля. Нажмём другую — бабах! — и другого автомобиля у американца нету. Нажмём третью — бах! — и самого американца нету. Вот смеху-то будет! Животики от смеха надорвёшь.

Рутина

Агент, сменивший Немца, работал плохо. Пришлось дать ему помощника. После этого дела пошли ещё хуже. Положение с агентурой в Западной Германии вообще в последнее время стало вызывать тревогу у Западника. Недобросовестность, жульничество, корыстолюбие и аналогичные качества массового советского человека стали разъедать и непрофессиональную агентурную сеть. Чтобы бороться с этим, надо создавать ещё одну агентуру, контролирующую первую. А где гарантии, что они совместно не будут делать то же самое с удвоенной силой? Очевидно, надо в корне менять сами организационные принципы агентурной работы. Но это легко сказать, да не так-то просто сделать. До тех пор, пока не начнутся крупные провалы, о реорганизации агентуры и думать нечего. А когда до этого дойдёт, вину за все свалют на него, на Западника. Так что лучше помалкивать. Лучше самому стать таким же халтурщиком и жуликом, как и все. Надо представить в отчётах начальству работу своего ведомства в наилучшем свете и найти словесное оправдание «отдельным недостаткам». Не он первый, не он последний. Если Генсек выживет, то и он будет маскировать провалы в своей реформаторской деятельности хорошо составленными отчётами. А когда кризисная ситуация в руководстве минет, вот тогда...

А что тогда? Сколько эта ситуация протянется? Что принципиально изменится? Допустим, Генсек скоро умрёт. Кто придёт на его место? Горбачёв? Романов? Ни тот, ни другой. Они-то, аппаратчики, хорошо знают ситуацию в руководстве. Романов хочет не столько сам стать Генсеком, сколько помешать Горбачёву. Потому он подставит Горбачёву ножку, и на место Андропова придёт старый маразматик Черненко. Он долго не протянет. Но всё-таки протянет не меньше года. И этого года достаточно, чтобы напакостить ему, Западнику. Черненко ненавидит его. Горбачёв тоже не очень-то любит, но всё-таки у него есть какое-то чувство ответственности. Он... Хотя не стоит строить иллюзий. Если уж самый близкий друг Андропов готов пожертвовать им, Западником, то совсем чужой ему Горбачёв может это сделать тем более. Короче говоря, надо

рассчитывать на себя, и только на себя.

Но нет худа без добра. В этой аморальной ситуации с агентурой есть свой плюс. Кое-кто из руководства и аппарата проворачивает через агентуру тёмные махинации. У него, у Западника, есть данные, что и Соперник имеет к этому касательство. Это хорошо! Не надо Только торопиться с этим. Надо дать ему как следует завязнуть, собрать материалы и одним ударом затем Убрать его с дороги. Что поделаешь, такова жизнь. Не он первый, не он последний.

Рукописи Социолога

Наконец-то ему доставили из Германии рукописи Социолога. Вид рукописей разочаровал его. Он ожидал целый контейнер бумаг, а получил небольшую пачку. Агенты сообщили, что операция по похищению рукописей была трудной и стоила больших денег. На самом же деле они заполучили рукописи без всякого труда и даром. Хозяин квартиры, которую снимал Социолог, выбросил их в мусорный контейнер вместе с прочим жалким скарбом Социолога после того, как выяснилось, что никаких наследников у того не оказалось. Агент, наблюдавший за домом, на всякий случай прихватил небольшую часть выброшенных бумаг. Потом преемник Немца просто забыл о них. Лишь после многократных напоминаний он переслал их прямо в Советское посольство в Бонне. Непростительная халатность! Никаких следов теоретических работ, на которые рассчитывал Западник, в рукописях Социолога не оказалось. Не исключено, что западные секретные службы отнеслись к мыслям Социолога более серьёзно, чем в Москве.

Предостережение из будущего

В районе города Энска произошла катастрофа на секретном атомном предприятии, — читал Западник в рукописях Социолога. — О ней узнали, вернее, догадались лишь после того, как район катастрофы был окружён специальными воинскими частями и полностью изолирован от внешнего мира. Солдаты прибыли на странных машинах и в странных комбинезонах, каких раньше никто не видел. Всякие разговоры о районе катастрофы были категорически запрещены. Распространители слухов жестоко наказывались. Все делали вид, будто ничего особенного не случилось. Ни один человек из зоны катастрофы не появлялся за её пределами. И туда никого не пропускали. Всех лиц, пытавшихся проникнуть в зону катастрофы, родственников лиц, уеивших там, и уроженцев района в других местах, сохранивших связи с районом, под тем или иным предлогом изымали из общества и куда-то направляли. В результате никакая информация о катастрофе не просочилась на Запад. Американские искусственные спутники констатировали сильную радиацию в районе катастрофы, но западные специалисты истолковали это как новый подземный взрыв

сверхмощной водородной бомбы. Поскольку это было не в первый раз, информация о «взрыве» прошла без сенсаций. А между тем Энская катастрофа означала поворотный пункт в истории человечества, который обнаружился лишь много лет спустя, когда было уже поздно принимать в отношении него какие-либо меры.

Катастрофа была настолько значительной, что потребовались срочные меры, к которым страна была не готова. Не хватало защитных средств для людей, которые должны были заниматься ликвидацией последствий катастрофы, да и сами наличные защитные средства оказались недостаточно надёжными. На чрезвычайном заседании высших лиц страны было принято решение использовать в районе катастрофы заключённых, осуждённых на большие сроки или приговорённых к смертной казни.

Всего было сосредоточено там более ста тысяч человек. Причём было принято решение: никого из тех, кто побывал в зоне катастрофы, из этого района вообще не выпускать во избежание огласки. И конечно, из гуманных соображений: лучше пусть все пострадавшие Погибнут вместе, не видя здоровой жизни здоровых людей.

Некоторое время людей, изолированных в зоне катастрофы, поддерживали, сбрасывая им со специальных вертолётов продукты питания, медикаменты, одежду и даже книги. Потом такие траты сочли бессмысленными. Район на многие годы отгородили от окружающего мира и «забыли» о его существовании.

Прошли годы. За это время более высокого уровня достигла техника безопасности. В заражённый район, в котором, по предположению, должны были бы исчезнуть все живые существа, послали специальную экспедицию. Экспедиция сделала ошеломляющее открытие: в районе уцелела некоторая часть людей, которые жили там как ни в чём не бывало и даже размножались. Причём потомство их было совершенно здоровым и пригодным жить в условиях повышенной радиации. Период беременности продолжался всего одну неделю. Но самое поразительное было то, что люди почти не нуждались в продуктах питания: они все необходимое получали из окружающей атмосферы совершенно непостижимым для членов экспедиции способом. Кроме того, дети росли поразительно быстро, в течение пяти лет превращаясь во взрослых людей (по рассказам родителей).

Об этом ошеломляющем открытии сообщили в Москву, где немедленно сделали из этого факта практические выводы и приняли надлежащие меры. «Такого рода люди, — решили в Москве, — будут незаменимыми солдатами в будущей атомной войне и ценными рабочими во всем, что связано с атомной энергией. Этим людей надо сохранить и размножить по возможности быстро, изолировав их от общества, давая им особое воспитание, образование и практическую подготовку». Так и поступили. И уже через двадцать лет страна имела в своём распоряжении более двухсот тысяч существ, способных жить в

условиях высочайшей радиации, не испытывая никакой потребности в продуктах питания. Причём эти существа уже не могли жить в обычных условиях, потому для них приходилось создавать специальные пространства с повышенной радиацией.

Условия жизни, воспитание, образование и профессиональную подготовку нового типа людей организовали так, чтобы они были послушными орудиями в выполнении задач, какие им ставят обычные люди. Их использовали на всех работах, где была повышенная радиация, а также готовили из них солдат для операций в местах, в которых произойдут взрывы атомных бомб. Вскоре обнаружилась ещё одна особенность мутантов (так их стали называть): необычайное развитие головного мозга, благодаря чему они быстро научались производить сложнейшие математические операции, делая излишними компьютеры. В течение полугода молодые мутанты усваивали все то, что обычные люди изучали более пятнадцати лет. Правда, продолжительность их жизни достигала лишь двадцати лет. Впрочем, по расчётам нормальных учёных это было даже выгоднее со многих точек зрения.

Содержали мутантов в особых резервациях, позволяя им объединяться в группы лишь на время проведения тренировочных операций или работ, где требовались усилия нескольких человек. Остальное время их распределяли по изолированным ячейкам. На работу в учреждения, имеющие дело с атомной энергией, их привозили в особых контейнерах и с усиленной охраной. Сотрудникам учреждений говорили, что это преступники, осуждённые на смерть, но согласившиеся выполнять опасную для жизни работу, чтобы жить ещё год-два.

Жизнь мутантов с рождения организовали так, чтобы они были не способны жить самостоятельно и образовывать автономные, самоуправляющиеся объединения. Но все же лишить их полностью способности к объединению и социальному структурированию не удалось, так как это требовалось для выполнения сложных операций в условиях будущей войны. И не было никакой возможности проконтролировать, что происходит в Головах мутантов и в их общении. Лишь случайно обнаружили, что у них развились телепатические способности. Но помешать их телепатическому общению Люди были не в состоянии. Впрочем, людей это мало беспокоило, так как они в любое время могли изолировать мутантов и уничтожить в случае надобности. Их буквально стали содержать как заключённых, рассчитывая предоставить им свободу действий лишь в случае военных операций в будущей войне.

Так продолжалось вплоть до новой мировой войны. Существование мутантов, число которых было доведено до миллиона, удалось сохранить в секрете от западных разведок. Потому, когда началась война, заранее намеченное число специально отобранных людей было спрятано в бомбоубежища, и все военные операции проводились силами

мутантов. Командование находилось в руках обычных людей, хорошо защищённых от атомных бомб и радиации. Остальное население было принесено в жертву.

Победу одержала, разумеется, страна, обладавшая армией мутантов. Но затем произошло то, что не могли предвидеть и предотвратить обычные люди: мутанты решили сами воспользоваться плодами победы. Они уничтожили все бомбоубежища, в которых прятались люди, вместе с их обитателями, и захватили в свои руки всю планету. Поскольку все их основные жизненные потребности удовлетворялись сами собой, они в интересах самосохранения быстро построили полный коммунизм, о котором мечтали классики марксизма, передовые мыслители и все прогрессивное человечество, исчезнувшее с лица Земли вместе со своими сочинениями, монументами и портретами.

Предостережение из настоящего

Западник помнит ту катастрофу в районе Энска. Катастрофа была лишь отчасти связана с атомными экспериментами. Главными там были эксперименты с новыми видами оружия, неизвестными на Западе. Эксперименты были, по всей вероятности, неудачными. Потом все это засекретили так, что даже самые доверенные лица в аппарате не получили никакой информации.

Значит, есть ещё какие-то отделы в системе власти, которые являются ещё более секретными, чем его отдел. Мы во всем не знаем меры, подумал он, даже в отношении секретности. Кто знает, может быть, у нас уже изобрели оружие страшнее атомного, и это может вскружить голову кое-кому, от кого зависит «нажатие Кнопки». Вот это было бы полной катастрофой. Нажать Кнопку — нехитрое дело. А вот обратить в свою пользу последствия её нажатия — тут надо головой думать...

Атомное предприятие в районе Энска строилось, согласно советской прессе, как первое в мире атомное предприятие исключительно для мирных целей. Весь район, где было расположено это предприятие (в народе его называли просто «Атом»), стал закрытым не только для иностранцев, но и для своих. О жизни в районе «Атома» поползли самые невероятные и противоречивые слухи. По одним слухам, там рай земной, полный коммунизм, все есть и все почти бесплатно. По другим слухам, там поселили заключённых, осуждённых на смертную казнь, которую им заменили работой на «Атоме». Слухи о катастрофе возникли после того, как вдруг однажды связь населения с «Атомом» и вообще со всем районом, где он расположен, была прервана. Колхозники из этого района перестали появляться с продуктами на городских базарах. Военские части полностью блокировали район. С населением области срочно провели беседы, смысл которых сводился к одному: молчок! На это время несколько улучшили продовольственное снабжение области, и жители с удовольствием сделали вид, будто ничего не случилось.

Ответственным лицам области прочитали секретный доклад на эту тему. С одними намёками, конечно. Но кое-что понять было можно. То, что случилось, — не беда, говорилось в докладе. У нас земли достаточно, государство от этого не пострадает. Не то что на Западе, этот случай многому научил нас. Проведена огромная Работа по сохранению секретности происшествия. На основе её составлены чёткие инструкции на случай подобных происшествий в других местах. Сейчас наши специальные воинские части проходят тренировку на поведение в заражённом районе — отличная школа для будущей атомной войны. Ни одна армия в мире не имеет и не будет иметь такой подготовки. Мы, далее, приобрели огромной важности опыт, как силами государства бороться с последствиями атомного взрыва, особенно — как локализовать распространение заражения, как поступать с населением. Теперь нам очевидно, что наше государство способно справляться с задачами такого масштаба. И ко всему прочему, катастрофа произошла в мирных целях.

Основной урок «события» состоял в том, что советский народ готов безропотно проглотить любую гадость. На Западе события во сто крат менее значительные, чем это, вызывают бурные реакции населения, прессы, политиков. Тут же — мёртвая тишина. Исчез целый район со всем населением, и стало так, как будто его вообще не было. Если бы в Москве стало известно, что вся Сибирь провалилась под землю, особо сильных эмоций у населения это не вызвало бы. При этом люди мыслят не по принципу «лишь бы нам самим уцелеть», а по принципу «лишь бы не уцелели другие».

Будь готов к войне

Поразительно, как много граждан озабочено судьбами страны и всего человечества!

Тысячи писем и рукописей ежедневно поступают в соответствующие учреждения, профессионально занятые этими самыми судьбами страны и всего человечества. И какие только идеи и проекты не выдвигают эти добровольные мыслители и радетели рода человеческого! Вот этот, например, рекомендует послать на Запад на гастроли все наши ансамбли песни и пляски-Пока потрясённый Запад будет сидеть в театрах и у телевизоров, глядя на наш лихой перепляс и слушая наши задорные частушки, мы бесшумно вводим войска на Запад, захватываем почту и телеграф, разводим мосты и... Вы, конечно, догадались, что это предложение внёс ушедший на заслуженный отдых бывший преподаватель истории КПСС.

Другой мыслитель предложил послать на Запад десять миллионов отборных русских баб (он, правда, вместо слова «баба» употребил другое слово на букву «б»). Перед нашими бабами на Западе никто устоять не сможет. Ведущие политики и бизнесмены женятся на них, бросив своих старых, страшных и бесчувственных жён. После этого наши патриоты-бабы уговорят западных руководителей присоединить Запад к

Советскому Союзу в качестве семнадцатой республики (шестнадцатой будет, конечно, Финляндия). Весь Запад целиком будет одной единой Западной Советской Социалистической Республикой — ЗаССР. В учреждении, которое изучало и анализировало это предложение, сотрудники полгода иронизировали по поводу этого сокращения. Сама же идея такой республики смешною им не показалась...

Конечно, большинство предложений такого рода юношески наивны и романтичны, хотя авторы их, как правило, суть выжившие из ума старые пенсионеры. Но важен факт сам по себе. Важно, что под облезлыми черепами, как черви в помойке, шевелятся мозговые извилины, а изрытые морщинками склеротические лица излучают напряжённую мысль. К тому же среди шизофренического бреда и старческого слабоумия порою попадаются здравые, молодые, энергичные мысли. Так, один журналист, проведший в Западной Европе более двадцати лет, пришёл к выводу, что Ключ ко всем проблемам современной мировой истории лежит в Западной Германии. Надо помочь немцам освободиться от сознания вины за прошлое, чтобы затем на них можно было бы свалить вину за будущее.

Специалист по тушению лесных пожаров на основе многолетнего опыта по тушению оных путём создания искусственных пожаров прислал объёмистый проект тушения пожара новой мировой войны путём встречной войны. Пожарник («боец противопожарной обороны») погиб, организовав большой искусственный встречный пожар с целью потушить маленький, естественный. Но его идеи не погибли.

Великий Проект

Западник пошёл дальше сумасшедшего бойца противопожарной обороны: он преобразовал его идею «встречной войны» в идею «предупредительной войны». Искусственный пожар эффективен лишь тогда, когда стихийный пожар уже начался и бушует вовсю, думал он. А если пожар мировой войны уже начался, то как организовать искусственную войну, чтобы его потушить? Нет, тут нужно другое. Тут нужен маленький контролируемый пожар, чтобы не начался большой, неконтролируемый. Нужна предупредительная война. Она, конечно, не предотвратит мировую войну навечно. Но она даст нам преимущества, которые мы используем для лучшей подготовки к большой войне. Такая предупредительная война должна быть проведена в Западной Европе, что очевидно. Мы должны стремительно, буквально в течение нескольких дней захватить всю Европу. Захватывая Европу, мы одним ударом решаем множество проблем. Мы лишаем США союзника, без которого они не рискнут начать против нас войну-К тому же, если мы к тому времени развяжем антиамериканскую войну во всей Латинской Америке, США завязнут там и не смогут воевать по меньшей мере на два фронта. Да и обстановка внутри США будет такая, что руководителям страны просто не позволят начать «большую войну». Мы, далее, используем ресурсы Европы для стремительного подъёма нашей экономики, и в особенности

— нашей военной индустрии. При этом мы не будем Европе сразу навязывать наш социальный строй. Мы ограничимся на первых порах военным, деловым, дипломатическим и культурным присутствием. За это на нас на Западе будут молиться как на спасителей. Мы ликвидируем там безработицу. Мы лишь склоним западные страны на более обширные связи с Советским Союзом. На первых порах это им будет выгодно. Мы породим иллюзию, будто это навечно и что мы скоро уйдём домой. Мол, наша миссия уже выполнена. Мы уничтожим террористов, лефтистов, пацифистов, зелёных, розовых и всех прочих, кто дезорганизует деловую жизнь. И нам за это ноги целовать будут. Мы прекратим разврат, порнографию, молодёжную распущенность. Мы наведём идеологический порядок. Мы поможем Церкви усилить её позиции и влияние в обществе. Мы оградим Европу от наплыва иностранцев. Мы защитим коренное европейское население от уже непосильной для него биологической конкуренции с народами Юга и Востока. Мы горой встанем на защиту культурных ценностей Европы.

Европа послужит для нас своего рода заложником в предотвращении нападения на нас со стороны США всей мощью атомного оружия. Мы как бы сместимся в Европу, сделав бессмысленным нападение на нашу собственную территорию. Мы обеспечим безопасность нашей армии в Европе так, что весь атомный удар, если таковой будет, падёт на голову европейского населения. А оно пойдёт на все, чтобы только спасти свою жизнь.

Второй инфаркт

Западник вполне оправился от первого инфаркта и от потрясений послеинфарктного периода. Так что настало время для второго инфаркта.

Секретарь ЦК, курирующий работу всех учреждений ЦК и КГБ, занятых работой над Западом и на Западе, созвал совещание высших лиц этих учреждений. Говорили, естественно, и об отделе моего Западника. Было высказано много комплиментов. Но высказывались и критические замечания, как это и положено по форме в таких случаях. Выступил и Соперник. Его выступление было сюрпризом для всех (кроме самого Секретаря, разумеется). Он сказал, что объём работы отдела Западника за последние годы увеличился по крайней мере раз в пять в сравнении с тем, каким он был вначале. Конечно, отдел в общем и целом с работой справляется. Но это очень тяжело для сотрудников. Было бы целесообразно разделить отдел на два, увеличив, само собой разумеется, число сотрудников. Участники совещания поняли, куда клонит Соперник. И поняли также, чья это идея. И они единодушно одобрили её. Совещание приняло решение поручить Сопернику и Западнику подготовить материалы на эту тему для Политбюро. Западник про себя подумал, что это решение есть глупость, граничащая с преступлением. Но вслух сказал, что необходимость такой меры назрела.

Если какое-то дело делается на хорошем уровне, думал он по дороге

домой, то лучше начать другое дело, пусть аналогичное, но другое. А старое не трогать до тех пор, пока новое дело не сделает его излишним. Надо мой отдел сохранить в том виде, в каком он сложился. А новые отделы надо создавать независимо от него.

Но если бы он выступил с таким предложением, его бы истолковали превратно. Ему стало вдруг плохо, и он потерял сознание.

Очнулся он в Кремлевке со вторым инфарктом, окружённый заботой и вниманием светил советской медицины.

...Инфаркт — профессиональная болезнь ответственных работников аппарата власти. Есть два вида инфаркта: прогрессивный и регрессивный. Первый — здоровый, зовущий вперёд, стимулирующий. Бывает он в период движения вверх по служебной лестнице, обычно от горения на работе, от служебного рвения и от внутреннего ликования по поводу личных успехов. Обычно ответственные работники даже не знают о таких инфарктах. Они чувствуют лёгкое недомогание, которое преодолевают горячей ванной и бутылкой водки. Лишь потом доктор с изумлением обнаруживают, что их сердца бывают покрыты шрамами, рубцами, пятнами, буграми и вообще чем-то таким, чему нет названия. В Институте кардиологии вы можете увидеть одно такое выдающееся сердце, выдержавшее шестнадцать инфарктов. И умер его обладатель, как утверждает экскурсовод, не от инфаркта, а от чиха. Подхватил грипп в гостях, пришёл домой, сильно чихнул и умер. Ничего не скажешь — красивая смерть! Смерть, достойная старого партийного работника.

Регрессивный инфаркт, наоборот, всегда опасен. В случае регрессивного инфаркта ответственные работники внезапно умирают даже со здоровым сердцем. Заместитель заведующего одним из отделов аппарата ЦК, преуспевающий карьерист, внезапно умер таким образом по ошибке. Друзья решили подшутить над ним: позвонили по телефону и сказали, что новым заведующим (старый умер, кстати, от регрессивного инфаркта) назначен его заклятый враг. Услышав это, преуспевающий карьерист схватился за сердце и умер. При вскрытии никаких следов инфаркта не нашли, хотя он умер явно от инфаркта. А отчего же ещё? Он же даже чихнуть не успел.

Первый инфаркт у моего Западника был с признаками регрессивности, но ещё в основном прогрессивный. Второй же был классически регрессивным. И потому врач, лечивший его, сказал, что с таким сердцем можно жить до ста лет. Но от чиханья посоветовал воздерживаться.

Кошмар победы

По пути из бессознательного состояния в сознательное ему привиделось, что он является Генсеком и Верховным Главнокомандующим. Он предъявил ультиматум странам Западной Европы — распустить все армии. Солдаты бросили оружие. Школьники разгромили американские военные базы, а пацифисты — банки и

магазины. В Европе все стали говорить по-русски. Везде стали показывать советские фильмы. Все стали пить водку без закуски. Ему присвоили чин генералиссимуса. Он полетел в Европу, чтобы стать во главе её. Ведь это по его идее предупредительной войны Советский Союз завоевал Европу без единого выстрела. Но самолёт приземлился на Лубянке.

— Ты арестован и разжалован! — страшно закричал на него Соперник. — Ты думаешь, что мы победили? Мы потерпели сокрушительное поражение! Что нам теперь делать со спасёнными тобою ценностями и людьми? Чтобы эти ценности сохранить и использовать, нужны огромные траты. А люди! Их же надо кормить! Их же надо развлекать! Их же надо в порядке держать! Они свобод требуют! А где мы им возьмём свободы, если у нас этих свобод у самих нет?! Где мы им возьмём порядок, если мы его у себя дома никак навести не можем?! Видишь, что ты натворил со своей дурацкой идеей предупредительной войны! Лучше уж настоящая война, чем липовая!

— Это не моя идея, — взмолился Западник, — эту предупредительную войну выдумал сумасшедший боец противопожарной обороны! Это он виноват, а не я!

— Не сваливай с больной головы на здоровую! — кричал Соперник. — Мы тебя будем судить как антивоенного преступника! Ты хуже Сталина и Гитлера. Те хотя бы частично очистили мир от лишнего населения. А ты, уничтожил ли ты хотя бы одного бездельника?! Ни одного? Ах, негодяй! Ты даже коммунистов, лефтистов, пацифистов, зелёных, розовых, фиолетовых не тронул? Смерть тебе! Причём без некролога! Без некролога!!!

При слове «некролог» его охватил ужас, и он очнулся. Некролог! Было бы лучше, если бы он умер, когда был первый инфаркт. Тогда был бы некролог первой категории. А что будет теперь? А если Генсек не подпишет?! А если члены Политбюро не подпишут?! А если даже никто из членов ЦК не подпишет?! А если некролог поместят на последних страницах?! А если где-то в областной газетёнке?! А если всего лишь «Группа товарищей»?! Не-е-е-т, надо принимать меры, чтобы этого не случилось!..

Слух

В аппарате ЦК и КГБ распространился слух, будто он заболел психически. Говорили даже, будто он не с инфарктом слёг в больницу, а отправлен в психиатрическую больницу в Энск. В этот слух никто не верил, но никто его и не опровергал.

Но был ли он на самом деле сумасшедшим?! Ответить на этот вопрос трудно. Все зависит от интерпретации его идей. Тут есть аргументы за, но есть аргументы и против. Всякое безумие есть преувеличение некоторой реальности, а социальное безумие полностью базируется на реальности даже в тех случаях, когда оно не осуществляется. Вспомните хотя бы идеи и намерения Гитлера и его соратников! Какие, казалось бы, ничтожные

препятствия предотвратили их осуществление! И много ли на Западе было таких людей, кто был уверен в принципиальной неосуществимости гитлеровского безумия?!

Существенным в данном случае является не то, были его идеи бредовыми или нет, а то, почему в аппарате власти возник слух о том, что он «свихнулся». В другое время и в другой обстановке никто не рискнул бы пустить такой слух и поддерживать его. Этот же слух проявил панический страх советской системы власти перед своей собственной устремлённостью на подготовку к войне, которую в маниакально-гипертрофированной форме выразил Западник. Как бы хорошо советское общество ни подготовилось к войне, оно всё равно будет испытывать этот страх.

Из сказанного не следует, что панический страх войны послужит сдерживающим фактором против войны. Страны, как и отдельные люди, способны совершать безумные поступки именно из страха по отношению к этим поступкам. Страх войны есть одно из проявлений тенденции к войне, неподвластной воле и желаниям отдельных людей, партий, правительств.

Новатор и общество

Пока он болел, его отдел разделили на два. За ним сохранили один из отделов. Так что формально особых оснований для беспокойства не должно было бы быть. Но с первого же дня на работе он почувствовал, что вокруг него образовался вакуум. Генсек лежал в больнице, присоединённый к аппаратам, заменяющим неработающие почки. Сторонники Генсека в сложившейся ситуации не хотели связываться с инициативой Западника, чтобы не дать лишний козырь в руки ещё очень сильной брежневской мафии. И среди них самих не было единства. Мой Западник, оставшись без высшего покровительства, был отдан во власть массы чиновников всех сортов и рангов. И тут он ощутил на своей собственной шкуре, что такое власть безликого общества над возомнившим о себе индивидом.

Человек, решивший сделать благо для своего общества, с необходимостью вступает в конфликт с обществом, которое он хочет облагодетельствовать. Такой конфликт неизбежен по той простой причине, что всякое улучшение общественной жизни в больших масштабах означает угрозу потери достигнутого благополучия многих людей, обладающих той или иной формой власти. Они стремятся этому изменению помешать. А если помешать невозможно, они стремятся потерять на этом как можно меньше или даже извлечь для себя выгоду.

Намерение влиятельных сил общества подставить ножку возомнившему о себе новатору заражает все социобиологическое пространство вокруг него. Даже мухи и комары начинают кусать новатора с удесятерённой яростью сравнительно с прочими гражданами. И укусы их при этом имеют гораздо более тяжкие последствия. Удесятерается число анонимных доносов. Уборщицы буквально прилипают глазом к замочным

скважинам дверей, за которыми предполагается присутствие новатора. Ни одно слово и ни один жест новатора не остаётся без внимания сослуживцев. Причём это все касается новаторов любого уровня, начиная с тех, кто стремится усовершенствовать форму канцелярской кнопки, и кончая теми, кто хочет направить все человечество по новому пути.

Западник был не первым и не последним в аппарате власти, кто предпринял попытку проявить инициативу большого масштаба. В памяти его сослуживцев ещё был свеж пример аппаратчика, отдавшего сорок лет жизни делу укрепления советской идеологии. Тот всю жизнь вынашивал идею создания идеологических центров наподобие церковных приходов, которым следовало подчинить абсолютно всю культурную и духовную жизнь граждан. В отличие от Западника, этот новатор в идеологии разработал свою идею вплоть до описания интерьера идеологического центра. Он даже сочинил идеологические молитвы на все случаи жизни. Когда он в конце концов решился представить свой проект Великой Идеологической Революции в ЦК, потребовалось два грузовика, чтобы привезти рукописи, схемы, графики, рисунки, фотографии и прочий хлам, накопившийся в городской квартире и на Даче аппаратчика. Проект консервативные силы аппарата отвергли. Новатор оказался в Кремлевке сразу с двумя инфарктами — со вторым и третьим. Но умер он не от них, а от цирроза печени, пареза языка, болезни Паркинсона, уремии и рассеянного склероза. Некролог его напечатали в журнале «Работница».

Слухи о наполеоновских замыслах Западника заполонили не только коридоры и кабинеты, но и квартиры, кровати, туалеты и дачи власти. Стало накапливаться всеобщее возмущение, причём не столько из-за еретичности идей (такие еретические идеи высказывают тысячи пенсионеров, воинов и шизофреников в своих письмах в высшие органы власти), сколько из-за наглости и самомнения какого-то чиновника, имя которого известно лишь очень немногим лицам в системе власти.

Рутина

Все события, о которых здесь идёт речь, происходили лишь как маленькая частичка потока жизни, состоящего из огромного числа рутинных действий огромного числа людей. Западник, если он не лежал в больнице, строго в определённое время являлся в свой рабочий кабинет, делал все то, о чём уже говорилось в начале повествования. Вот сейчас, например, он углубился в изучение материалов об оживлении террористической деятельности в Западной Европе. Через неделю он (т.е. его отдел) должен представить отчёт шефу КГБ на эту тему и свои соображения по поводу возможности влияния на террористические группы в нужном направлении. В современной ситуации придание этим группам антиамериканской направленности было бы весьма желательно — такова установка свыше. Задача Западника — найти пути реализации этой установки и проследить за её практическим исполнением.

Министерство культуры представило в ЦК перспективный план

культурного обмена со странами Западной Европы. Отдел Западника должен согласовать этот план с общим планом агентурной работы и внести в него свои коррективы. Эта работа очень трудоёмкая. В Министерстве культуры исходят из своих эгоистических интересов, которые редко отвечают интересам страны и агентурной войны на Западе. Вот, например, эти люди регулярно выезжают на Запад, привозя оттуда чемоданы, битком набитые дефицитными в Москве вещами, которые затем распределяются среди сотрудников министерства в виде подарков. Конечно, они выполняют и поручения КГБ. Но делают это плохо. На Западе они уже примелькались. Доверие и интерес к ним упали. Нужно изменить контингент посылаемых. Подобрать подходящих лиц и произвести их обработку — не проблема. Но на это нужно время. Повседневная рутинная работа отнимает больше всего времени и сил.

Возникла возможность внедрить агента в штаб НАТО. Согласно распределению функций этим должна заниматься военная разведка. Но обстановка сложилась такая, что передача агента в ведение ГРУ (Главного разведывательного управления) грозила провалом операции. Имело смысл передать операцию в ведение отдела Западника. Но в ГРУ упёрлись. В результате возник конфликт, возможность была упущена, и теперь ГРУ сваливает вину на Западника. Нужно подготовить материалы для Политбюро, «чтобы доказать, что ты — не верблюд». А труднее всего доказать свою правоту тогда, когда ты действительно прав: в этом случае ты связан средствами доказательства, т.е. именно своей правотой.

Взаимный контроль

Характерным для советской системы власти является взаимный контроль различных учреждений и Лиц друг за другом, пронизывающий общество во Всех измерениях. В этом есть свой плюс: тебе не позволят сделать грубую ошибку. Но в этом есть и свой Минус: тебе не позволят сделать больших дел, требующих личной инициативы и риска. Когда в обществе возникло ощущение опасности вследствие инициативы Западника, оно поставило на его пути эту систему взаимного контроля, обойти которую был бы не в силах даже сам Генсек.

Разумеется, не все лица, окружающие данного индивида, решившего проявить опасную для них инициативу, набрасываются на него. Они выталкивают из своей среды отдельных врагов инициатора, которых наделяют властью палачей. Часто на эту роль выталкивают какого-нибудь интригана, склочника или просто параноика. Почувствовав одобрение коллектива, такой параноик впивается в новатора как клещ, отравляя его жизнь бесконечными придирками. Именно такой властью окружение Западника и наделило Соперника.

Мелкие придирки

Участились критические замечания в адрес Западника и его ведомства. Западник признавал их справедливость, обещал ликвидировать недостатки в работе отдела, но обращал внимание критикующих на то, что «без недостатков нет успехов», что «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает». Особенно острой критике отдел Западника был подвергнут на совещании по методам разложения и дезорганизации Западной Европы. Соперник упрекал Западника в том, что тот недооценивает огромной разрушительной для Запада роли наркомании, порнографии, промискуитета, гангстеризма, терроризма и других язв, разъедающих западное общество изнутри.

— Настало время, — говорил Соперник, — внести во все это, как учил Ленин, «русский революционный размах и американскую деловитость». На Западе уже давно наметилась тенденция к концентрации этих явлений и к вторжению организованного криминального бизнеса в легальную жизнь общества. Надо им помочь в этом благородном деле.

Западник молчал, кивая в знак согласия головой, а про себя думал другое.

Идиот, думал он о Сопернике, и прохвост. Надо во всем меру соблюдать. Все эти средства разложения Запада хороши, когда они действуют в рамках определённой меры. Сейчас эти явления существуют как имманентные явления западного общества. И разрушают его они естественно, т.е. наилучшим образом. Если мы во все это внесём наш «революционный размах», мы нарушим меру и принудим Запад начать решительную борьбу против всего этого. Мы заставим Запад принять меры к оздоровлению. А «американской деловитости» у них своей в избытке. Ихние бизнесмены сами лучше нас сделают то, о чём ты тут поешь. Мы можем только испортить дело. И ко всему прочему, не следует преувеличивать важность этого направления работы. Не следует клевать на удочку преувеличений западной прессы.

Все это он думал про себя. Вслух же он похвалил доклад Соперника и предложил создать особую группу под руководством Соперника, в задачу которой вменить более тщательное изучение этого аспекта нашей работы на Западе. Участники совещания понимающе переглянулись и усмехнулись. Руководивший совещанием член Политбюро, считавший Соперника своим человеком, предложил пока воздержаться от организационных выводов и закрыл совещание.

Крупные нападения

Его вызвал к себе шеф КГБ.

— Вот, ознакомьтесь, — сказал он, положив перед Ним объёмистый «документ», — и дайте подробное объяснение.

«Документ» был подготовлен особой комиссией. Задача комиссии

заклучалась в расследовании контактов Нашей агентурной службы и секретных служб западно-европейских стран. Надо признаться, комиссия поработала на славу. Факты были подобраны и истолкованы так, что неискушённые в делах разведки и контрразведки люди немедленно решили бы, что мой Западник является агентом всех западноевропейских стран. Для Западника этот «документ» был не первым и, надо думать, не последним. И дать объяснение по этому поводу — дело в принципе пустяковое. Но хлопотное. На это уйдёт много времени и сил. Много работников отдела будет оторвано от важных дел. А во всей системе власти нет человека, который мог бы приказать выбросить этот «документ» в мусорную корзину или сдать в архив. В силу правил функционирования системы этот «документ» должен сыграть свою роль — отнять у людей определённое количество времени и сил, причинить определённую сумму зла, — прежде чем исчезнуть в архивах аппарата.

Объяснительную записку отдел готовил в течение целого месяца.

«Записка» получилась огромная — около пятисот машинописных страниц. Подробное объяснение пришлось давать по каждому факту, упомянутому в заключении комиссии. Но банальная суть дела, известная всем и каждому, сводилась к следующему. Наша агентурная сеть работает не в Москве, а во враждебных нам странах. Она с необходимостью должна вступать в разнообразные контакты с секретными службами этих стран. Значительное число наших агентов известно западным контрразведкам. С другой стороны, и мы должны знать западные секретные службы. Короче говоря, мы должны вступать в отношения с западными секретными службами, аналогичные отношениям между государствами, в том числе осуществлять обмен информацией на взаимовыгодных условиях, договариваться о числе действующих агентов, о сферах и масштабах их деятельности. Мы должны иногда позволять нашим партнёрам добиваться успехов, оправдывающих их существование в глазах их правительств и перед общественным мнением. Многие «провалы» нашей разведки на Западе суть на самом деле наши уступки с целью предотвратить реальные и более значительные провалы.

Объяснительная записка была передана шефу КГБ и членам комиссии. Но её никто не стал читать: все заранее знали, что именно будет в ней написано, и заранее знали, что все действия нашей агентурной сети были оправданны и целесообразны. Однако она сделала своё чёрное дело. Она послужила сигналом для сослуживцев Западника переходить к более решительным действиям.

Комиссия

Сообщили, что Генсек выздоровел. Но всем в аппарате было известно, что это за «выздоровление». Генсек появился на заседании ЦК и Президиума Верховного Совета, дал короткое интервью, принял западного дипломата и политического деятеля из какой-то страны «третьего мира». И снова надолго исчез. Западника он лично принять не смог, но дал

указание создать особую смешанную комиссию по поводу Великого Проекта. Этим самым Генсек давал понять, что он ничего общего не имеет с Проектом Западника. Но он сохранял за собой свободу действий в принципе и в будущем, если придётся вновь вернуться к идее какого-то другого Великого Проекта.

В комиссию были включены представители от ЦК, от КГБ, от Министерства обороны и Генерального штаба, от Совета Министров. Председателем комиссии назначили старого члена Политбюро, который не мог принимать участия в утомительных заседаниях комиссии. Потому заместителем его назначили нового Председателя КГБ. Но тот был слишком занят и потому помощником своим назначил того самого человека, Делом Жизни которого стало помешать осуществлению Дела Жизни Западника, — назначил Соперника. Первое заседание комиссии прошло на редкость вяло. Ещё не ясно было, каковы окончательные намерения высших лиц в отношении Западника и его замысла. Члены комиссии ещё «не притёрлись» друг к другу, ещё не знали, какую роль им взять на себя самим или им навяжут обстоятельства.

Проблемы

На второе заседание комиссии почему-то явились Главный Идеолог и шеф КГБ. Но лучше бы они не приходили. С их появлением дискуссия приняла поверхностный и пустяковый характер. Главным предметом дискуссии стал почему-то вопрос о центральном штабе войны.

По проекту Западника, центральный штаб войны будет спрятан под землёй в полной безопасности с таким расчётом, чтобы не выходить на поверхность до окончания войны и до обезвреживания среды существования. На поверхности же земли останется дублирующий его штаб. Обойтись без такого штаба нельзя, так как есть опасность, что население на поверхности земли выйдет из-под контроля подземного руководства. Дублирующий штаб будет посредником между высшим, подземным, руководством и руководимым надземным населением. Конечно, и дублирующий штаб будет защищён. Но не так надёжно, как подземный. Для него останется некоторая доля риска. А главное — ему придётся так или иначе получать информацию о реальном ходе войны и её последствиях. Можно сказать, он будет на границе между надземным адом и подземным раем. Подземный рай!.. Очень интересное выражение. Коммунизм и тут все переворачивает с головы на ноги. Почему раньше рай помещали на небе, а ад под землёй? Надо как раз наоборот!.. Но вернёмся к основной идее.

Возникает целый ряд проблем. Первая проблема — как исключить опасность захвата власти дублирующим штабом? Главный Идеолог предложил положиться на высокую сознательность членов дублирующего штаба. Все-таки все они окончили наши учебные заведения, где на «отлично» сдали экзамены по марксизму-ленинизму. Многие окончили Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Шеф КГБ сказал, что

дублирующий штаб должен постоянно находиться под наблюдением и охраной особых частей КГБ. Есть опасность, что эти особые части переметнутся на сторону дублирующего штаба: они же тоже будут «наземниками»! Чтобы предотвратить это, нужно использовать достижения современной науки. Надо всем членам дублирующего штаба и всем служащим особых частей КГБ вживить в тело специальные устройства, на которые можно воздействовать из-под земли. Если кто заартачится, можно будет нажать кнопку под землёй — и человека нет.

А кто будет информировать подземное руководство о поведении дублирующего его наземного, думал Западник, приехав после заседания комиссии домой. Стукачи? Технические устройства? А кто будет обслуживать эти устройства?

Ломая голову над этими проблемами, Западник вздремнул. Ему тут же привиделся Генсек в пещере глубоко под землёй, наблюдающий через гигантский перископ (наподобие капитана подводной лодки) ход войны на поверхности. Вдруг к перископу подбежал американский аппаратчик и замазал стекло грязью. И стало темно. И Западник очнулся. Да, проблемы, проблемы и проблемы! Тут надо шевелить мозгами. Ну ладно, допустим, мы эти проблемы решили. А если Штаб спрячется под землю, но война по каким-то причинам не начнётся? Что тогда? И он опять задремал. И увидел сон, соответствующий его Великому Проекту.

Великий сон

Когда всем стало ясно, что войны не избежать, приказало высшее руководство отобрать наиболее ценных граждан (включая самих высших руководителей с семьями) и спрятать их в самое надёжное бомбоубежище, снабжённое всеми жизненными благами по самым высшим нормам на сто лет. На земле оставили руководство, во всем дублирующее то, которое спряталось под землю, с той лишь разницей, что наземное руководство подчинялось подземному. Первое должно было сообщать второму информацию о ходе войны, получать распоряжения второго и претворять их в жизнь. Но война почему-то не началась. О подземном руководстве как бы позабыли — наземное руководство решило не выпускать подземное наверх. Но чтобы уцелеть, оно решило создать специальное учреждение, которое стало передавать под землю информацию о фиктивной войне. Разумеется, информацию приятную. Под землёй руководители фиктивной войны во всю мощь произносили речи, издавали указы, присваивали чины, награждали орденами. Генсеку присвоили чин супергенералиссимуса и наградили десятью орденами «Победа». Торопили с окончанием войны — очень уж подземным руководителям захотелось побывать на южных курортах и по покорённой загранице поездить. Наконец под землю сообщили: победа! Но вылезать наверх пока опасно — радиация, бактерии, газы, эпидемии. Надо подождать по крайней мере десять лет.

Прошли годы. Подземный штаб успешно руководил фиктивными

преодолениями последствий фиктивной войны. За эти годы ведущие страны мира настолько хорошо подготовились к настоящей войне, что избежать её уже было невозможно.

Но подземный штаб не был готов к этому: он находился в состоянии дебильной эйфории. Надземный тоже: он понадеялся на подземный.

Комиссия

Комиссия собиралась нерегулярно. Заседания отменяли и откладывали по всякому поводу. А собравшись, большую часть времени говорили о чём угодно, только не о деле.

В газетах сообщили, что советские учёные оживили микроорганизм, который жил пятьдесят тысяч лет назад. Его нашли во льду Антарктики. В аппарате и в высших кругах сильное возбуждение по этому поводу: значит, в идее замораживания людей с целью быть оживлёнными через много лет есть вполне здравый практический смысл. Высшие руководители настолько верят в свою исключительную важность для человечества, что в глубине души питают надежду быть воскрешёнными... ну, не через пятьдесят тысяч лет, а через двести, триста, пятьсот. Вот будет радость для человечества, когда воскресят Брежнева, Хрущёва, Черненко, Громыку! Скорее всего, потомки остолбенеют от изумления. «Неужели, — скажут они, — эти монстры, которые пару слов связать не могут, правили миром?! Так что же это был за мир?! Развитой и зрелый социализм? Слава Богу, вся эта нечисть позади осталась!» Один член комиссии вполне серьёзно сказал: «Жаль, из Владимира Ильича мозг и все внутренности выкинули! Если бы его оживили, все пошло бы иначе!» А другой член комиссии тоже не в шутку заметил: «Не беда, со временем смогут все внутренние органы новые вставить! Оживят и Ленина!» — «А от Маркса, — сказал третий, — ничего не осталось. Не оживишь!» — «Если хоть одна косточка осталась, — возразил четвёртый, — то по ней наши учёные всего Маркса восстановят. Кювье по одной косточке мог восстановить животное, вымершее миллион лет назад. А тут остались сотни томов сочинений! По ним весь Первый Интернационал оживить можно!» Поговорив таким образом, перенесли обсуждение очередного раздела Великого Проекта на следующий месяц.

Рутин

Всю совокупность поступков сослуживцев по отношению к Западнику, совершаемых с тех пор, как всем стало очевидно, что Генсек отдаёт его им на съедение, можно назвать одним словом: подлость. Но подлость эта особого рода: она совершалась с чистой совестью, с сознанием справедливости и целесообразности совершаемого (это есть обычное дело в человеческих отношениях). Человек вообще есть прирождённый подлец. Существенно тут то, что подлость имеет разумное оправдание и облекается в форму благородных дел. Именно справедливость,

разумность, оправданность, благородность образуют тут сущность подлых поступков людей по отношению к ближним, сама же подлость, как таковая, есть лишь их внешняя форма. Устаревшая форма, так как поступки такого рода тут вообще не подлежат моральной оценке.

Западник употреблял слова «подлость», «подлецы», «мерзавцы» и другие, аналогичные им, когда думал о своих друзьях и соратниках. Но делал он это в силу чисто словесной привычки, не вкладывая в эти слова высокого морального смысла. Он сам совершал аналогичные поступки в отношении других, не оценивая их категорией «подлость».

За годы работы в КГБ он накопил на всех своих врагов (т.е. друзей) достаточно компрометирующих материалов. Теперь он пустит их в ход. Только не надо торопиться. Спокойно. В подходящей ситуации и в подходящий момент! Начать надо, разумеется, с Соперника. У него, у Западника, есть компрометирующие материалы на «этого мерзавца». Во-первых, морально-бытовое разложение (спит с домработницей, с нянькой, с секретаршей и с экспедиторшей). Во-вторых, валютные махинации. Последнее, пожалуй, главное. Надо продумать, как передать эти материалы лично Главному Идеологу и шефу КГБ, а самому остаться в стороне.

Комиссия

Комиссия раскололась на две группировки. И по каждому пустяку стали возникать бесперспективные дискуссии. Представитель одной группы, например, настаивает на режиме экономии, в соответствии с которым все операции военного времени надо планировать без расчёта на спасение людей и техники, участвующих в той или иной операции. Например, самолёты не снабжать горючим на обратный полет. Представитель другой группы возражает, мотивируя своё возражение демагогией о человеколюбии. Представитель одной группы восторгается «психологической» бомбой, которая на один час парализует население в радиусе трехсот километров. Хорошая бомба, не правда ли? В другой группе находится кто-нибудь, кто обрушивается на эту бомбу с резкой критикой. «А как этот час использовать? — возражает он. — Нужна всё равно специальная армия и техника. Как быть с людьми? Их же всё равно уничтожать надо. Так какая разница, каким способом их уничтожать? С этой точки зрения „психологическая“ бомба хуже. К ней нужны ещё особые средства уничтожения людей. вспомните трудности, с которыми столкнулись немцы...»

Что касается взаимоотношений Западника и Соперника, то тут положение стало абсолютно безнадежным. Если один предлагал некую страну делить на части вдоль, то другой настаивал на том, что её надо делить поперёк. Если один предлагал расширять нашу агентуру в такой-то стране, то другой настаивал на том, что её надо углублять.

Великий сон

На него теперь все чаще и чаще накатывалось отчаяние и безразличие. Однажды у него мелькнула безумная мысль стать американским шпионом. Вот была бы сенсация! Американцы оценили бы его гений по достоинству. Обдумывая эту идею от нечего делать, он как-то незаметно заснул. И ему приснился Великий сон... ..Ему приснилось, будто он пробрался в посольство США, сообщил, кто он, и заявил о своей готовности предать гласности все то, что ему известно о подготовке Советского Союза к войне и о советской агентуре на Западе. Сенсация — ожидал он — получится небывалая. Из-за женитьбы английского принца не было такой мировой шумихи, какая будет из-за него. Американское правительство пришлёт за ним специальный искусственный спутник Земли, а скорее всего — специальный космический корабль с самим Президентом. Космический корабль действительно прилетел. Он приземлился на территории американского посольства. Советское правительство привело в боевую готовность номер один все средства перехвата ракет противника. Западник уже было направился к кораблю, приготовившись пожать руку Президенту, но его остановил третий помощник четвертого заместителя атташе по вопросам культов и попросил его подождать, поскольку есть более важное дело: нужно вывезти с территории посольства религиозных сектантов, которые живут в подвале посольства уже тридцать лет и произвели на свет уже третье поколение сектантов. Ещё несколько лет, и посольство придётся надстраивать на два этажа, если не вывезти сектантов сейчас. А он, Западник, может пока пожить в подвале лет пять или десять. Спать может на тряпье, которое останется от сектантов. Религиозное возрождение в России сейчас важнее всего, так как из-за него советский строй рухнет наверняка. А из-за разоблачений Западника только хуже будет. Запад от страха в штаны заранее наложит, а советское руководство заменит всех агентов за две недели. И ещё надо проверить, с какой целью Западник решил выдать секреты... Одним словом, сиди спокойно, кагэбэвская шура! Когда нужно будет, тебя позовут.

Очень обиделся Западник. Сказал, что хочет домой, в свой родной КГБ. «Нет, голубчик, — ответили ему, — раз пришёл, сиди. Да и в КГБ тебя уж не возьмут. Все места твои уже заняты твоим Соперником и Заместителем!» Заплакал Западник горячими словами: «Ах, я несчастный! Никто меня не любит! Никто не жалеет!» Но вдруг почувствовал, что кто-то тычет его локтем в бок.

Проснулся — щупает, а это домработница-осведомительница КГБ.

— Дай, — шепчет, — я тебя приласкаю и пожалею!

— Ладно, — говорит он, — приласкай и пожалей. Только ты бы что-нибудь остренькое выдумала, а то надоело по-дедовски-то!

— А я по-другому не умею, — отвечает она.

— И чему только вас в университетах учат! — сказал он.

— А ты бы сам что-нибудь придумал, — говорит она. — Ты

«Плейбой» с похабными картинками глядишь...

— Я по долгу службы, — отвечает он, — а не для разврату... Ну да ладно, давай по-дедовски...

И она приласкала его. И пожалела его. И он уснул, умиротворённый.

Рутина

Сломалась Великая Карта. С ней и раньше случались поломки. Западник прилагал титанические усилия к тому, чтобы содержать механизм и штат Карты в образцовом порядке. В нашей системе (это он знал лучше других) вообще нужно вложить душу в дело, чтобы что-то работало более или менее исправно. А надолго ли хватит энтузиазма и сил одного человека?! Стоило ему немного ослабить личный контроль за Картой, как участились поломки и ошибки, люди стали работать хуже, в коллективе возникли все явления обычного советского учреждения. Однажды в списке агентов, работающих в Париже, Карта назвала самого Президента Франции и бывшего императора Бокассу. История эта широко распространилась в аппарате, обросла шутками и анекдотами, что способствовало подрыву авторитета Западника. Главный Идеолог сказал в связи с этим по поводу отдела Западника, что «они там даром хлеб жрут». И это несмотря на то, что именно из этого отдела он получал самую обстоятельную и объективную информацию о состоянии идеологии на Западе. И вот теперь произошла серьёзная поломка во всем комплексе компьютеров. На исправление нужно несколько месяцев. Нужно закупать новые компьютеры на Западе. А это — валюта, которой постоянно не хватает на более серьёзные вещи: на мебель, санитарное и кухонное оборудование для работников аппарата, например. Его Заместитель, фактически ставший руководителем отдела и оттеснивший Западника от главных дел под предлогом занятости последнего Проектом, предложил усовершенствовать Карту, заменив «устаревшие» американские компьютеры новейшими. Правда, тоже американскими, но всё-таки новейшими. Западник знал, что «модернизация» Карты обойдётся в копейку и кончится провалом. Он один в аппарате знал об этом. Но он решил об этом умолчать. Он даже похвалил Заместителя за прогрессивные идеи, за намерение утереть нос Западу.

Вот когда обнаружится провал этой затеи «модернизации», думал он, тогда худо придётся и его Заместителю и Сопернику. Он ещё и не такую свинью подложит Им, погодите!

От таких мыслей настроение у него улучшилось. А когда стало известно, что Политбюро приняло решение освободить от должности первого заместителя председателя КГБ и предать его суду за злоупотребление служебным положением, Западник возликовал: ещё не все потеряно, он ещё выкарабкается!

Главное — терпение и выдержка. Он — кристально честный человек и прекрасный работник, этого у него не отнимешь. Сейчас, когда в коррупции и в разврате погрязли даже отдельные видные работники

аппарата ЦК и КГБ, такой человек, как он, должен служить образцом для прочих. Нет, вряд ли его скинут. Это смутное время скоро пройдёт, и все станет на свои места. И тогда он Им покажет, на что он способен!

Но такое приподнятое настроение длилось недолго. Комиссия по Великому Проекту прекратила существование явочным порядком, а Политбюро санкционировало её ликвидацию. Западник вновь впал в мрачное состояние. Его не обрадовало даже известие о том, что бывший первый заместитель шефа КГБ покончил с собой.

Помощник сообщил ему, что Соперник слёг в Кремлевку со вторым инфарктом. Значит, материалы Западника сработали. Сопернику теперь будет трудно выкарабкаться. Но поможет ли это ему, Западнику? Не опоздал ли он с этой операцией? Не упустил ли он момент?

Тактическая ошибка

Шеф КГБ обратил внимание на то, что Западник плохо выглядит, и посоветовал ему отдохнуть недельки две на юге. Он подумал, что Соперник не выберется из больницы за это время, и согласился пойти в отпуск. На другой же день он улетел на юг набираться сил для будущей контратаки на своих сослуживцев.

Это была грубая тактическая ошибка. В его положении надо было бы дневать и ночевать в кабинете независимо от того, нужно было это для дела или нет. Его личное присутствие на занимаемом им посту было бы сдерживающей силой для его противников. Но он переоценил свой фактический вес в аппарате и недооценил силу врагов. Шеф КГБ специально спровоцировал его на эту отлучку из Москвы, чтобы произвести нужные ему перемены в своём аппарате.

В народе

Отдыхал Западник на этот раз в санатории, почётном для простых смертных, но унижительном для демиургов истории. Раньше он имел в своём распоряжении изолированный дом и участок пляжа протяжённостью в километр, отделённый от прочего мира железным забором с колючей проволокой и с охраной, какой позавидовал бы и американский Президент. Теперь же он имел всего лишь отдельную палату из двух комнат в санатории для секретарей областных комитетов партии, академиков, министров, знаменитых писателей, прославленных Героев Труда. Для него это и был народ. Раз много, значит, народ.

«Откуда набралось столько монстров?» — думал он, разглядывая бесформенные туши и распухшие морды отдыхающих. То, что и он далеко не красавец, что и он от этих монстров отличается, может быть, лишь большей властью в чертах расплывшегося розового лица, роли не играет: он не народ, а власть, ему можно быть монстром по положению.

Отдыхающие вели себя так, что ему с непривычки стало не по себе. Они говорили пошлости, ругались матом, ржали над старыми анекдотами.

И без умолку несли околесицу по всякому поводу.

— Насчёт Запада все ясно, — говорил за обедом министр республиканского значения. — А вот Китай — это проблема. Миллиард человек — это не шутка. Для такой массы поглотить и растворить в себе народ в двести миллионов человек — дело двух или трех поколений. Китай — наш смертельный враг. Если оставить его в покое, он воспользуется результатами мировой войны и отхватит нашу территорию до Урала. Как низвести Китай до такого состояния, чтобы он был нам не опасен? Тут без атомного оружия не обойтись.

— Можно обойтись, — сказал знаменитый академик. — Наша наука близка к открытию вещества, с помощью которого можно влиять на механизм воспроизводства потомства у животных. Вещество это очень эффективно. Достаточно ничтожного количества его в атмосфере, чтобы оно сработало. Причём оно неустойчиво. Уже через несколько часов оно бесследно исчезает. И эффект его действия сказывается лишь во втором поколении. Так что за пятьдесят лет население Китая можно сократить минимум вдвое.

— Китай от этого станет вдвое сильнее, — сказал министр. — К тому же этих пятидесяти лет у нас нет. А если война начнётся через десять или пять лет? В Китае всё равно останется около миллиарда человек. Нет, тут без атомных бомб не обойдёшься. Надо с американцами договориться, вместе нанести удар по Китаю и поделить всю Азию. Совсем китайцев уничтожать не надо — негуманно. Миллионов сто можно оставить: рис всё-таки нам нужен. И тёплые штаны для женщин и полотенца махровые они хорошо делают.

— Скоро изобретут такие защитные средства против атомных бомб, — сказал партийный руководитель одной отдалённой области, — что атомная война уже не будет такой опасной, как кажется сейчас. Миллионов пятьсот человечество потеряет. Но это не будет катастрофой.

— Вот когда эти защитные средства изобретут, тогда война и начнётся, — пошутил академик. — Кто начнёт — это не важно. Скорее всего — оба противника сразу. Подпишут соглашение о запрете атомного оружия и тут же пустят его в ход. Не исключено, что упомянутое соглашение подписать не успеют. Представителей в Женеву или в Вену пошлют. И пока те чемоданчики упаковывают, руководители великих держав кнопки нажмут: мол, начнём, пожалуй! Пора! Ну, с Богом, голубчики! (Голубчики — это атомные, водородные, нейтронные и прочие бомбы.)

— Слишком либеральничаем мы с этим Западом, — сказал партийный руководитель области. — Не мешало бы его слегка прикрыть для наших людей. А то распустились.

— Полностью согласен с тобой, — сказал министр. — На кой ляд он, Запад, нам сдался?!

— Не могу согласиться с вами, — возразил знаменитый писатель. — Запад нам нужен. Зачем? Я расскажу вам по сему поводу короткую, но поучительную историю.

Притча об Эйфелевой башне

Жил-был Иван. Он всю жизнь мечтал побывать в Париже и забраться на знаменитую Эйфелеву башню. Зачем? А затем, чтобы плюнуть с её высоты вниз, на Париж. Начался либеральный период. Десять лет Иван копил деньги на туристическую поездку во Францию. На работе вёл себя как самый образцовый работник и коммунист. Он добровольно записался в осведомители КГБ и занял первое место в соревновании на лучшего доносчика района. Наконец, образцовым поведением он заслужил честь быть включённым в туристическую группу во Францию. Приехал Иван в Париж. Первым делом поднялся на Эйфелеву башню вместе со всеми прочими туристами. Сердце его преисполнилось ликованием от сознания исполненной мечты. Собрал он во рту слюну, накопленную для этой цели за всю долгую трудовую жизнь, и плюнул с высоты Эйфелевой башни вниз. Когда он вернулся домой, все сослуживцы, знакомые и родственники расспрашивали его о Западе. И он всем с гордостью рассказывал о том, как влез на Эйфелеву башню и плюнул с неё вниз. И все завидовали ему. Вот, мол, счастливчик! На Западе был! С Эйфелевой башни плевался!..

Слушатели рассказу писателя посмеялись. Лишь он, Западник, не смеялся. Он хорошо понимал этого Ивана. В молодости он тоже бывал в Париже. И ему тоже нестерпимо хотелось плюнуть с Эйфелевой башни. Но ему это было запрещено. «На Запад плевать не надо, — говорил ему в тот раз его начальник перед поездкой. Рано ещё. Запад нам ещё пригодится».

Во сне ему привиделась Великая Кнопка. Она стояла на самой макушке Эйфелевой башни и плевалась во все стороны. Её плевки летели даже за океан, в Америку. И там они взрывались, как сверхатомные бомбы.

— Зачем ты это делаешь? — спросил её Западник. — Ведь Запад нам ещё нужен пока.

— Ты отстаёшь от жизни, старик, — сказала Кнопка. — Запад нам больше не нужен. Есть новая установка нашего руководства — заплевать Запад так, чтобы он за всю будущую историю не смог отмыться. К тому же это есть наше самое мощное оружие в борьбе с Западом, против которого у него защиты нет. Влезай сюда, вместе Запад заплевывать будем!

Простой народ

Западные мыслители разделяют советское население на народ, власть, военных, политиков, хозяйственников, интеллигенцию и другие категории. Это деление напоминает то, как мясники разделяют тушу животного на филей, оковалок, кострец, огузок, лопатки, голяшки и прочие части. Хотя такое разделение не имеет научного смысла, это все же полезно с некоторой практической точки зрения. Используя этот кулинарный принцип западной социологической мысли, в советском

населении можно выделить своего рода лопатки и голяшки, образующие так называемый простой народ. В эту категорию включаются рабочие, крестьяне, солдаты, милиционеры, продавцы, библиотекари, учителя, бухгалтеры и даже рядовые агенты КГБ — «топтуны». Возьмём какую-нибудь группу людей из «простого народа», допустим, вот эту, которая расположилась на «диком» пляже неподалёку от пляжа, принадлежащего санаторию Западника. Плотность тел на пляже для «дикарей» в сто раз превосходит плотность тел на пляже санатория Западника. А о прочих различиях говорить не стоит — они общеизвестны. Но по характеру мыслей «дикий» пляж не отличается от пляжа для «элиты», что говорит о единстве нашего народа. Вот послушайте, к примеру, что говорят эти «простые советские люди».

— Так скажи, что нам с Китаем делать?

— Шурануть туда пару водородных бомб, и капут им там всем будет.

— Пару мало. На такой народ штук двадцать надо, не меньше.

— Двадцать штук опасно, весь «шарик» тогда расколется, все человечество погибнет от радиации. Не гуманно это.

— Так уж и все. До наших мест никакая радиация не дойдёт. А дойдёт, так наш брат Иван и не такое видал.

— Даже здоровей будет!

— Надо устроить в Китае неурожай риса, и половина китайцев умрёт с голода. Неужели наши учёные не могут изобрести какой-нибудь неурожайный порошок, который можно будет высыпать на Китай с искусственных спутников?! Пусть изобретут! Иначе за что им такую высокую зарплату платят и квартиры хорошие дают?!

— Я лично против атомных бомб не возражаю. Они практичнее обычных. И гигиеничнее.

— Сколько американских самолётов Дрезден бомбило? Сколько бомб кинули? А на Хиросиму всего одну бросили. И хоронить никого не надо было. Чуешь разницу?

— Атомное оружие всё равно будет главным в будущей войне. Но оно нам не так страшно, как американцам. У нас огромная территория...

— Огромная территория не есть абсолютное достоинство. Она имеет и недостатки. Чтобы, например, перебазировать в Сибирь самый минимум промышленности, необходимый для войны, нужны затраты, которые нам не под силу.

— В ту войну мы всё-таки нашли силы для этого.

— Промышленность той войны есть мелочь в сравнении с тем, какая потребуется для будущей войны.

Построить новый современный военный завод в Сибири сейчас обойдётся во много раз дешевле, чем эвакуировать туда такой же из европейской части страны.

— Я не хочу в Сибирь. Лучше подохнуть здесь, чем уцелеть в Сибири.

— Слышишь, что люди говорят? А это тоже фактор немаловажный.

— Людей можно силой заставить переселиться туда, куда нужно в

интересах обороны.

— Никакой атомной войны не будет. У нас уже есть оружие, с помощью которого американские ракеты с бомбами можно взрывать при взлёте. А раз у нас есть, то и американцы скоро изобретут такое же. Вот химическое и биологическое оружие — это пострашнее.

— Скорей бы коммунизм во всем мире установили. Тогда войны отомрут.

— При коммунизме войны не исчезнут. Они лишь изменят характер — будут справедливыми для обеих враждующих сторон. Войны будут дружественные.

— Слава Богу, мы до этого не доживём.

— Кончайте мрачные разговоры! Расскажите лучше новый анекдотик!

— «Ты получил приглашенный билет на Красную площадь на похороны генсека?» — спрашивает один москвич другого. «А мне не нужно, — отвечает тот. — У меня абонемент».

Опять смена руководства

Отдыхающие много говорили о предстоящей смене руководства: всем было очевидно, что дни Андропова сочтены. На «диком» пляже рассказывали мрачные, макабрические анекдоты. Обитатели санатория элиты мрачно молчали, обмениваясь короткими и нейтральными репликами. Смена руководства могла коснуться их лично, причём — ощутимым образом. Большинство из них были стариками в медицинском смысле слова. Если преемником Андропова будет кто-то из «молодых» (скорее всего — Горбачёв), то лозунг омоложения руководства будет претворён в действительность за их счёт. В глубине души они надеялись, что в высшем руководстве проявят максимум осторожности и отдадут предпочтение Черненко. Тот тоже старик. И тоже болен. Но года три-четыре ещё может протянуть. Он не даст «молодым» разогнать опытные кадры партийных и государственных руководителей.

Не унывал один писатель. Ему было хорошо при любом руководстве. Он был удобен любому руководству. Советское руководство при всех поворотах истории и во всех затруднительных ситуациях использовало его, чтобы продемонстрировать свой либерализм и хорошие намерения. Писателя награждали орденами и премиями, присваивали почётные звания и выпускали за границу, где он имел репутацию оппозиционера и даже жертвы режима. Из США он привёз радиоприёмник, по которому можно было слушать западные радиостанции, работающие на Советский Союз, и захватил его с собой в санаторий. Академик, генерал и партийный секретарь области собирались иногда в палате писателя послушать, «что наши враги говорят о нас». Забрёл однажды и Западник. Передавали мнения кремленологов о предстоящих переменах в высшем советском руководстве. Все говорившие склонялись к тому, что преемником Андропова будет Черненко.

— Научились наконец-то предсказывать, — сказал писатель.

— Это не они научились предсказывать, — возразил партийный секретарь, — это мы сами стали заранее показывать им, что мы будем делать или даже уже сделали.

— А зачем? — удивился академик.

— А зачем это нужно скрывать? — ответил партийный секретарь.

Западник молча ушёл в свою палату. Он был подавлен. Первый раз за все время работы в аппарате ЦК и КГБ он не был посвящён в кухню высшего руководства. А ведь он ещё совсем не старик. Он ещё, как минимум, лет десять мог бы работать с полной отдачей сил. Он только теперь достиг высшего уровня зрелости как специалист в своём деле и как государственный мыслитель. Так почему же в отношении его допускается такая вопиющая несправедливость?! Когда Андропов пришёл к власти, западная пресса захлёбывалась сенсациями по поводу всего того, что стало происходить в советском руководстве. В каждом пустяке и рутинном мероприятии усматривали грандиозные замыслы и начало великих преобразований. Теперь, когда стало очевидно, что дни Андропова сочтены, западная пресса снова заполняется всяким вздором по поводу предстоящей смены руководства в Советском Союзе.

Любопытно, подумал Западник, что сказал бы по этому поводу Социолог?

— Андропов был обречён независимо от болезни, — сказал бы Социолог, — потому что он проявил чрезмерную активность и стал угрозой всеобщему спокойствию. Если преемник Андропова будет молодой и здоровый человек и если он нарушит меру активности, он потерпит такое же поражение, как и Андропов. Любой Генсек, если он захочет долго удержаться на своём посту, должен стать брежневообразным ничтожеством. Преобразования нужны. Но не такие, к каким стремился Андропов, а такие, которые не затрагивают слишком болезненно никого лично. Такие, чтобы никто не заметил, что они произошли.

Материя истории

Западник бродил по своей роскошной палате и чувствовал себя очень одиноким.

— Ничего не поделаешь, — утешал он себя. — Одиночество есть плата за исключительность. Вспомни, как одинок был Сталин в конце жизни. И Генсек не раз жаловался тебе на одиночество.

Эти грустные размышления прервал шум снаружи. Он вышел узнать, в чём дело. Оказалось, что на пляже из мокрого песка вылепили гигантскую голую бабу. Все побежали смотреть на неё. Пошёл и он: а вдруг это на самом деле его Великая Кнопка?! Но пока он шёл, солнце высушило песок, и баба рассыпалась. Настроение испортилось окончательно. И он решил немедленно вернуться в Москву.

Не у дел

Клевета, в которую хотят верить, непровержима. Слух о том, что он психически болен, приобрёл силу всеобщего согласия. Его постепенно отстранили от всех важных дел. Он ещё приезжал на работу и отсиживал положенное время. Ему ещё оказывали внешнее уважение. Но лишь мельком, как бы тайком, отводя взгляд в сторону. Все уже знали, что его судьба решена, и выжидали лишь положенное в таких случаях время на официальное решение.

Чтобы как-то скоротать время на работе, он читал и перечитывал свой Великий Проект. И в его подсознании стало расти и крепнуть подозрение, что все его усилия потрачены впустую. Проект не будет осуществлён из-за козней мелких карьеристов и интриганов, и страна окажется беззащитной перед лицом Великого Будущего. Подозрение переросло в страх. И не просто в страх, а в Страх с большой буквы, — он уже привык мыслить эпохальными категориями. А все они начинаются с большой буквы. Ему не приходило в голову то символическое явление, что все они кончаются буквами маленькими. Страх разрастался в нём и превратился в панический ужас, когда он вспомнил о некрологе. Он сказался нездоровым, уехал домой, заперся в кабинете и напился до бесчувствия. Утром он спросил у домработницы, не мучает ли её страх будущего?

— А чего мне его бояться! — рассмеялась та. — Квартира у нас хорошая. У нас есть всё, что душа пожелает. Пенсия будет хорошая. Что ещё нужно?! Чего бояться?!

Домработнице было не страшно: ей не нужно было волноваться из-за некролога.

Итог жизни

Наконец ему сообщили о том, что он освобождён от занимаемой должности. Он ждал этого. Он был готов к этому. Но сообщение прозвучало для него как смертный приговор.

О встрече с Генсеком и думать было нечего. Ходили слухи, будто он уже умер и будто этот факт пока скрывают, поскольку идёт драка за власть.

Дома царил гнетущая тишина. Домработница была в отпуске. Жена лежала с головной болью. Кошка при виде его стремительно умчалась на кухню. Лишь одна чудом уцелевшая муха носилась по гостиной, злобно жужжа. Она имела явное намерение укусить его. Он отбивался от неё как мог, но она не отставала. Он проскочил в кабинет, захлопнув дверь перед самым носом мухи. Тяжело дыша, плюхнулся в кресло. С укоризной посмотрел на портрет Генсека на письменном столе.

— Эх ты, а ещё другом назывался, — сказал он, обращаясь к портрету.

— Ты же старый аппаратчик, — казалось, ответил Генсек. — Ты сам

прекрасно понимаешь: мы ведём свою внутреннюю войну. Если бы я стал сражаться за тебя лично, я сам потерпел бы поражение.

— Но ты всё равно потерпел поражение!

— Смерть не есть поражение. Борьба ещё только начинается. Не будет нас, наше дело продолжат другие.

— Не верю я в это. Наше дело исчезает вместе нами.

Он взял со стола портрет Генсека и бросил его в мусорную корзину. Вернулся в гостиную. На него вновь ринулась взбесившаяся муха, которая стала похожа на Соперника. И он обрушил на неё всю накопившуюся в нём ненависть к тем, кто так несправедливо обошёлся с ним. Встретив сопротивление, муха обратилась в бегство. Он долго гонялся за ней, хватаясь за сердце. Наконец он загнал её в угол, поймал и с наслаждением оторвал у неё лапки и крылышки.

— Великая энергия, — говорил он при этом, — рождается лишь для великой цели!

Потом ему стало дурно. Он упал на пол, прямо на труп поверженной им мухи. К нему явился Соперник.

— Знаешь, в чём состоит главная ошибка реформаторов вроде тебя? — сказал Соперник. — Они игнорируют то, что осуществление великих реформ в реальности никогда не совпадает с идеалами. Твой Великий Проект хорош лишь в абстракции, а не в реальности. На осуществление его потребовалось бы не меньше ста лет. И если бы он осуществился на деле, нас разгромили бы в несколько дней. Наша сила не в преимуществах чётко работающего, точного механизма, а в недостатках аморфной и всепоглощающей трясины. Ты вообразил себя творцом истории. А настоящие творцы истории — это мы. Мы! И знаешь почему? Потому что не мы служим мифической истории, но реальная история служит нам. Хочешь знать, какой некролог мы напечатаем на тебя?

— Пощади! — взмолился Западник. — Я же верой и правдой служил Партии и Народу. Я откажусь от Великого Проекта. Только пусть будет некролог хотя бы второй категории!

— Поздно! — злорадствовал Соперник. — Ты всех нас лишил покоя своим дурацким замыслом. И мы тебе за это отомстим!

Соперника вытеснила Великая Карта.

— Не падай духом, — успокоила она. — Ты ещё станешь членом Политбюро и возглавишь претворение в жизнь своего Великого Проекта.

— Я начну с предупредительной войны!

— Правильно! Но твой план захвата Европы можно упростить. Не надо вводить войска. Достаточно сделать вид, будто мы собираемся оккупировать всю Европу. И постепенно усиливать не готовность агрессии, а видимость её готовности. Надо в сети политпросвещения начать обсуждать проблемы захвата Европы. Сначала якобы секретно. На Западе это вызовет тревогу. Потом начать печатать статьи в газетах с намёками на это. На Западе начнётся некоторый испуг. Потом напечатать несколько статей с заявлением, будто мы вынуждаемся в порядке самозащиты принимать решительные меры. Наконец, Генсек должен выступить с

призывом к правительствам стран Европы не препятствовать продвижению советских войск. Уверяю тебя, пары дивизий будет достаточно.

— А Афганистан? — робко возразил Западник. — Там двадцать дивизий, а все без толку.

— Как ты можешь такое думать?! — разгневалась Карта. — А ещё Демиург Истории! Афганцы нищие и дикие. Им нечего терять. А европейцы богатые и культурные. С ними гораздо легче. У них есть что терять. Я думаю, что даже двух дивизий будет много.

Великую Карту сменила Великая Кнопка. Вокруг Кнопки собрался весь народ и все престарелое руководство, поддерживаемое сзади новым поколением. Генсек объявил, что наступил долгожданный исторический момент, к которому весь советский народ и все прогрессивное человечество готовилось всю предшествующую историю материи, — момент нажатия Великой Кнопки. Генсек протянул свою немощную руку к Кнопке, а та отклонилась в сторону.

— Хочу, — заявила она, — чтобы меня нажал мой творец — Западник!

Услыхал это Западник, возликовал, кинулся к Кнопке. Но его схватили «молодые» члены Политбюро.

— Это мы должны нажать Кнопку! — закричали они. — Коллегиальное руководство! Это ленинский ЦК должен нажать Кнопку и весь трудовой народ!

А Кнопка все не поддается. А американский Восточник уже идёт по длинному коридору Пентагона и палец наготове держит, чтобы нажать свою, американскую кнопку первым.

— Пустите меня! — завопил Западник. — Пустите!.. Пустите!! Я... нажму! Я!.. Я!!

Остановка на пути в крематорий

Его отвезли по старой памяти в Кремлевку. Там установили, что у него всеобъемлющий инфаркт и всесторонний инсульт. Вы, конечно, изумитесь: разве это возможно, чтобы такой инфаркт и такой инсульт были одновременно? С нами, с простыми смертными, такого не бывает. А с людьми такого калибра и не такое случается. Недавно у одного члена Политбюро обнаружили одновременно гипотонию и гипертонию. Политбюро раскололось на две враждующие группы — гипотонистов и гипертонистов. Первые настаивали на том, чтобы упомянутый руководитель умер от гипертонии, а вторые — чтобы от гипотонии. В газетах сообщили, что он умер от г-тонии. Гипертоническо-гипо-тонического вождя замуровали в Кремлёвской стене. На его место пришли два других, один — с гипертонией, другой — с гипотонией. И конфликт в Политбюро был преодолен мирным путём.

Хотя Кремлевка — самая привилегированная больница в стране, лечат в ней плохо, поскольку врачи там все профессора, денег им там

много платят, и оборудование заграничное. Все знаменитые и важные личности, скончавшиеся в последнее время, лежали именно в Кремлевке. Это в самом ЦК возникла шутка, что Кремлевка есть короткая остановка на пути в крематорий. Так что жизненный путь Западника можно считать законченным: из Кремлевки его могут выпустить только на тот свет.

...В больнице к нему на миг вернулось сознание. На столике рядом со своей кроватью он увидел маленькую кнопку. Он сделал усилие нажать её, но его руку оттолкнул скрюченный палец американского Восточника. Палец потянулся к кнопке. И все исчезло.

Решение проблемы

Урну с прахом Западника поместили в колумбарии кладбища Донского монастыря рядом с урной его сына. Рядом осталась ещё одна свободная ячейка для супруги. Некролог напечатали в городской газете. Подписала некролог безлика «Группа товарищей».

Мюнхен, 1984
Зиновьев А.А.
